

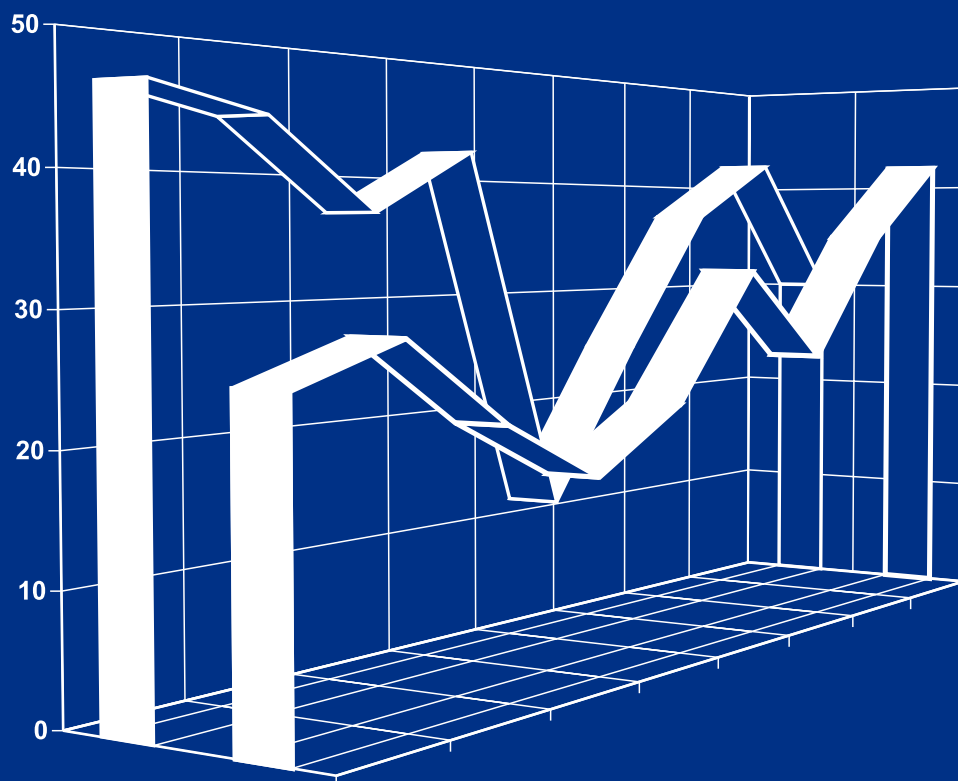
От мнений — к пониманию

ВЕСТНИК

THE RUSSIAN PUBLIC OPINION HERALD

ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Данные. Анализ. Дискуссии

3-4 (129)

ИЮЛЬ — ДЕКАБРЬ 2019

Вестник общественного мнения

Данные. Анализ. Дискуссии

3–4(129)

Выходит 2 раза в год. Год издания 26-й

Июль–декабрь 2019

Аналитический
Центр Юрия Левады
(Левада-Центр)

Междисциплинарный
академический центр
социальных наук
(Интерцентр)

Редакционный совет:

А.Г. Аганбегян
А.Г. Вишневский
Л.М. Дробижева
Т. Шанин
Е.Г. Ясин

Редколлегия:

Л.Д. Гудков
(главный редактор)
Н.А. Зоркая
(ответственный редактор)
М.Д. Красильникова
Л.А. Хахулина
(зам. главного редактора)

СОДЕРЖАНИЕ

МОНИТОРИНГ ПЕРЕМЕН: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ 3

СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО: ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ

Алексей МАЛАШЕНКО, Юлий НИСНЕВИЧ, Андрей РЯБОВ.
Вертикальное вторжение варваров: новая волна на Западе. 28

РОССИЙСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В ЗЕРКАЛЕ ЭМПИРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Денис ВОЛКОВ, Степан ГОНЧАРОВ. Российский медиа-ландшафт
2019: телевидение, пресса, интернет и социальные сети 42

Екатерина СЛОБОДЕНЮК. Стратификация российского общества
по жизненным шансам и рискам: динамика структуры
и мобильность россиян 57

Елена ЧУРИЛОВА, Сергей ЗАХАРОВ. Репродуктивные
установки населения России: есть ли повод для оптимизма? 69

Алина ПИШНЯК, Наталья ХАЛИНА, Елена НАЗАРБАЕВА,
Александра ГОРЯЙНОВА. Непрерывное образование в старших
возрастах: мировой опыт и российские реалии 90

Александр ПОРШНЕВ, Ксения ЛЯЧИНА. Электронные петиции
портала «Российская общественная инициатива» (2013–2017):
о чем говорит динамика общественных приоритетов 103

Максим МАРКИН, Полина ЧИБИСКОВА. Проблема идентичности
и социальная тревожность горожан в связи с проведением
Чемпионата мира по футболу в Саранске 114

ТОЧКА ЗРЕНИЯ СОЦИОЛОГА

Алексей ЛЕВИНСОН. Вариации еврейской идентичности 121

Алексей ЛЕВИНСОН. В кварталах дальних и печальных. Размышле-
ния о книгах С. Стивенсон 137

Авторы номера 151

SUMMARY 152

Список статей, опубликованных в журнале в 2019 г. 155

Ответственный редактор
выпуска Н.А. Зоркая

Редактор
Е.Л. Коган

Корректор
Е.В. Пищулина

Аналитический Центр Юрия Левады (Левада-Центр)
109012, Москва, ул. Никольская, 17. Тел.: (499) 755-40-30
E-mail: direct@levada.ru

Междисциплинарный академический центр социальных наук (Интерцентр)
119571, Москва, просп. Вернадского, 82. Тел.: (495) 564 8582

При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна

Зарегистрировано Министерством РФ по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций ПИ № 77981 от 10 декабря 2003 г.

© Левада-Центр, Интерцентр, 2008 ISSN 2070-5107

The Russian Public Opinion Herald

Data. Analysis. Discussions

3–4(129)

Twice

July–December 2019

Analytic Centre
Yury Levada
(Levada-Centre)

The Interdisciplinary
Academic Centre for
Social Sciences
(InterCentre)

Members of the Editorial Council

Abel Aganbeghian
Anatoly Vishnevsky
Leokadia Drobizheva
Teodor Shanin
Yevgenii Yassin

Editorial Board

Lev Gudkov
(*Editor-in-Chief*)
Ludmila Khakhulina
(*Deputy Editor-in-Chief*)
Marina Krasilnikova
Natalia Zorkaya
(*Executive Secretary*)

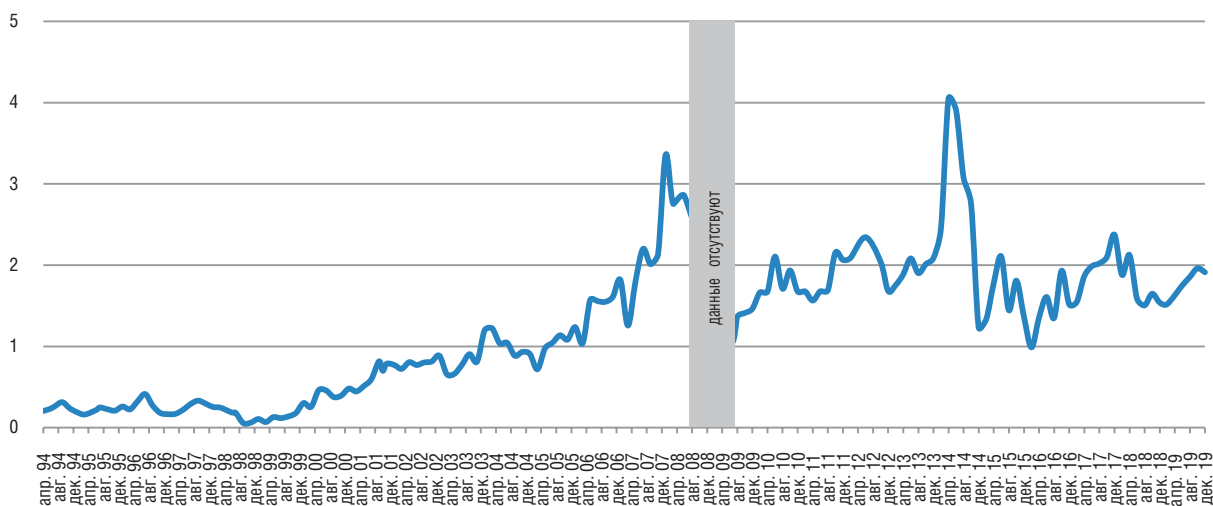
CONTENTS

MONITORING OF CHANGES: PRINCIPAL TRENDS	3
MODERN SOCIETY: COMMON ISSUES	
Vertical invasion of barbarians: new wave on the west (by Alexey Malashenko, Yuliy Nisnevich, Ryabov Andrey)	27
RUSSIAN ISSUES AS REFLECTED IN EMPIRICAL STUDIES	
Russian Media landscape 2019: Television, press, internet and social networks (by Denis Volkov, Stepan Goncharov).	41
Stratification of the russian society by life chances and risks: the dynamics of the structure and mobility of Russians (by Ekaterina Slobodenyk)	56
Russia's populace's notions on reproduction: is there basis for optimism? (by Elena Churilova, Sergei Zakharov)	68
Non-stop education for people of advanced age: global experience and Russian realities (by Alina Pishnyak, Natalia Khalina, Elena Nazarbaeva, Alexandra Goryainova)	89
Online petitions on "Russian social initiative" website (2013-2017): what does the public's priorities dynamic tell us (by Alexander Porshnev, Kseniya Lyachina)	102
The problem of identity and social anxiety of Saransk citizens in case of FIFA World Cup 2018 (by Maxim Markin and Polina Chibiskova)	113
A SOCIOLOGIST'S POINT OF VIEW	
Jews in contemporary Russia. Trends of assimilation and dissimilation (by Alexey Levinson)	120
In the faraway ends of the city. Reflections on books by Svetlana Stephenson (by Alexey Levinson)	136
Authors of the issue	151
SUMMARY	152
LIST OF PUBLICATIONS. 2019	155

МОНИТОРИНГ ПЕРЕМЕН: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

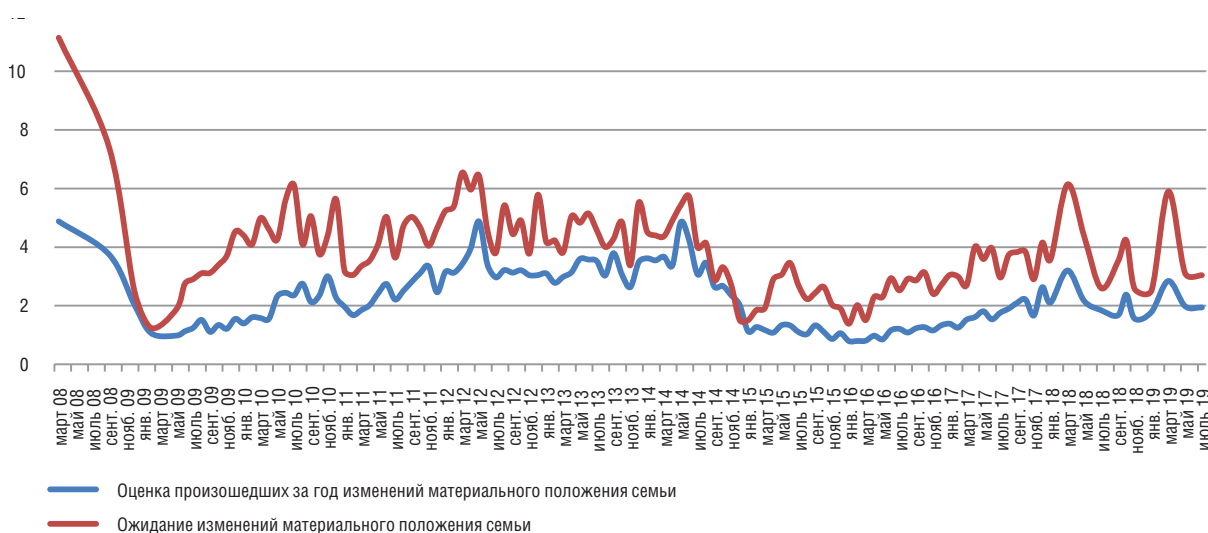
1. ОЦЕНКА ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ СТРАНЫ

«Как бы вы оценили экономическое положение России?» (отношение положительных оценок — «хорошее» и «среднее» к отрицательным — «плохое» и «очень плохое»; затруднившиеся с ответом не учитывались)

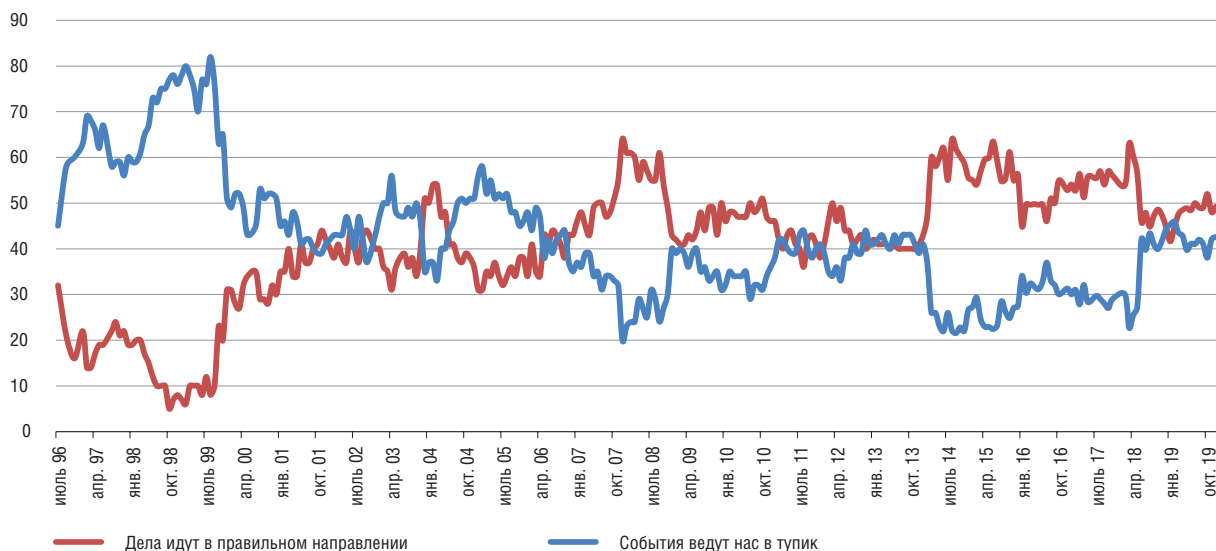
В 1994 г. $N=3000$, в 1995–2001 гг. $N=2400$, в 2002–2008 гг. $N=2100$, с 2009 г. $N=1600$.

«Как изменилось материальное положение вашей семьи за последний год?»
 «Как, по-вашему, изменится материальное положение вашей семьи в ближайший год?»
 (отношение положительных оценок — «улучшится» и «не изменится» к отрицательной — «ухудшится»; затруднившиеся с ответом не учитывались)

2. ОБЩИЕ ОЦЕНКИ ПОЛОЖЕНИЯ ДЕЛ В СТРАНЕ

А. «Вы считаете, что дела в стране идут сегодня в целом в правильном направлении или Вам кажется, что страна движется по неверному пути?» (в % от числа опрошенных)

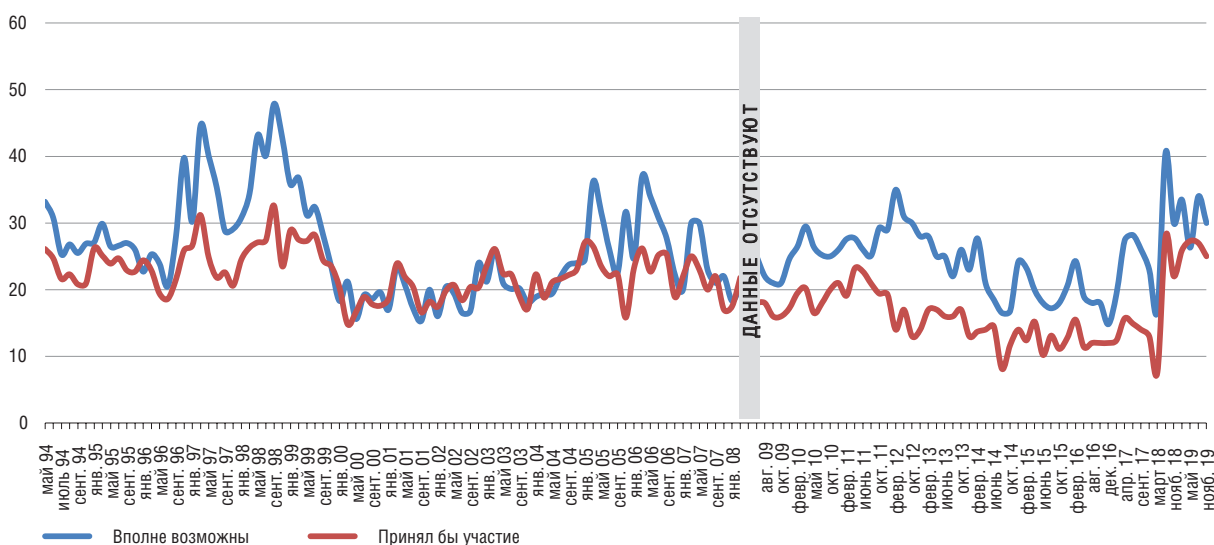

N=1600.

3. ПОТЕНЦИАЛ ПРОТЕСТА

А. ПОТЕНЦИАЛ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОТЕСТА

«Насколько возможны сейчас в Вашем городе, сельском районе массовые выступления против падения уровня жизни, в защиту своих прав?»*; «Если такого рода митинги или демонстрации протеста состоятся, Вы лично примете в них участие?» (в % от числа опрошенных)

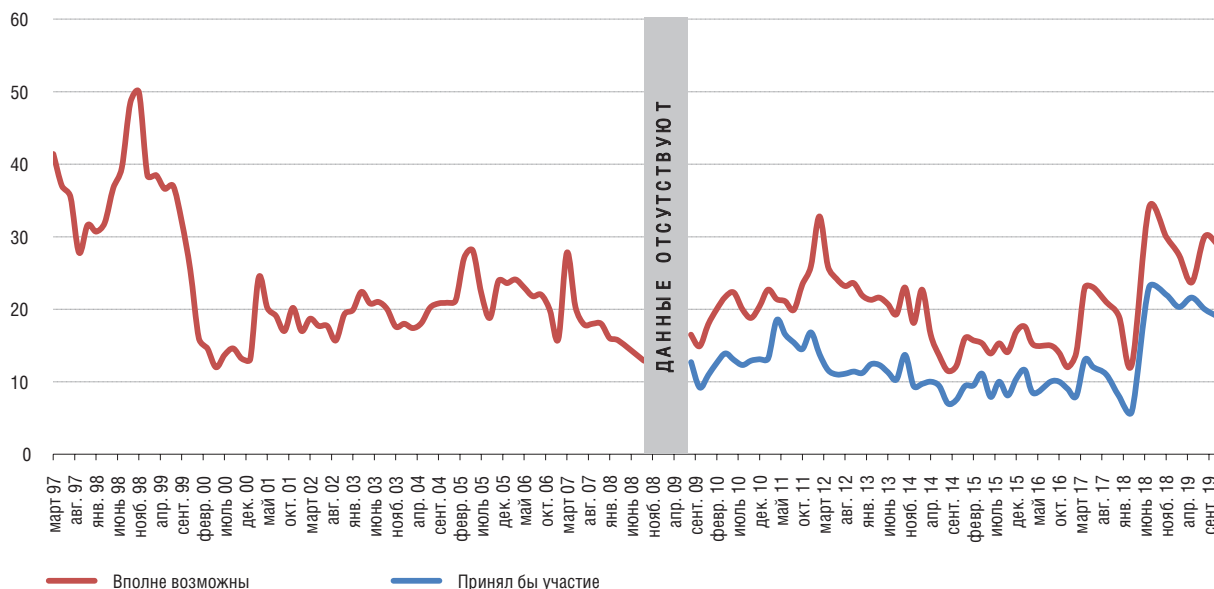

В 1994 г. N=3000, в 1995–2001 гг. N=2400, в 2002–2008 гг. N=2100, с 2009 г. N=1600.

* До марта 1997 г. задавался в формулировке «Насколько возможны сейчас в Вашем городе, сельском районе массовые выступления против роста цен и падения уровня жизни?».

Б. ПОТЕНЦИАЛ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТЕСТА

«Возможны ли, на Ваш взгляд, в Вашем городе, сельском районе выступления протеста (демонстрации, митинги, забастовки) с политическими требованиями?»*;
«Если массовые выступления протеста с политическими требованиями состоятся, Вы лично примете в них участие или нет?» (в % от числа опрошенных)

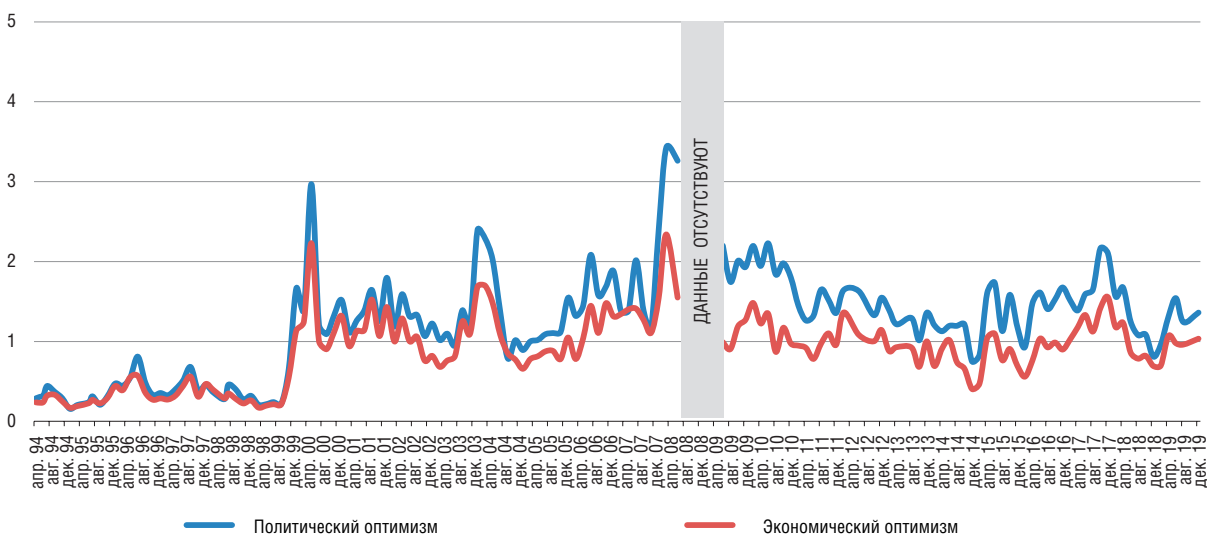

В 1997–2001 гг. $N=2400$, в 2002–2008 гг. $N=2100$, с 2009 г. $N=1600$.

4. ПОКАЗАТЕЛИ ОПТИМИЗМА

«Что ожидает Россию в ближайшие месяцы в политической жизни?»;
«Что ожидает Россию в ближайшие месяцы в области экономики?»

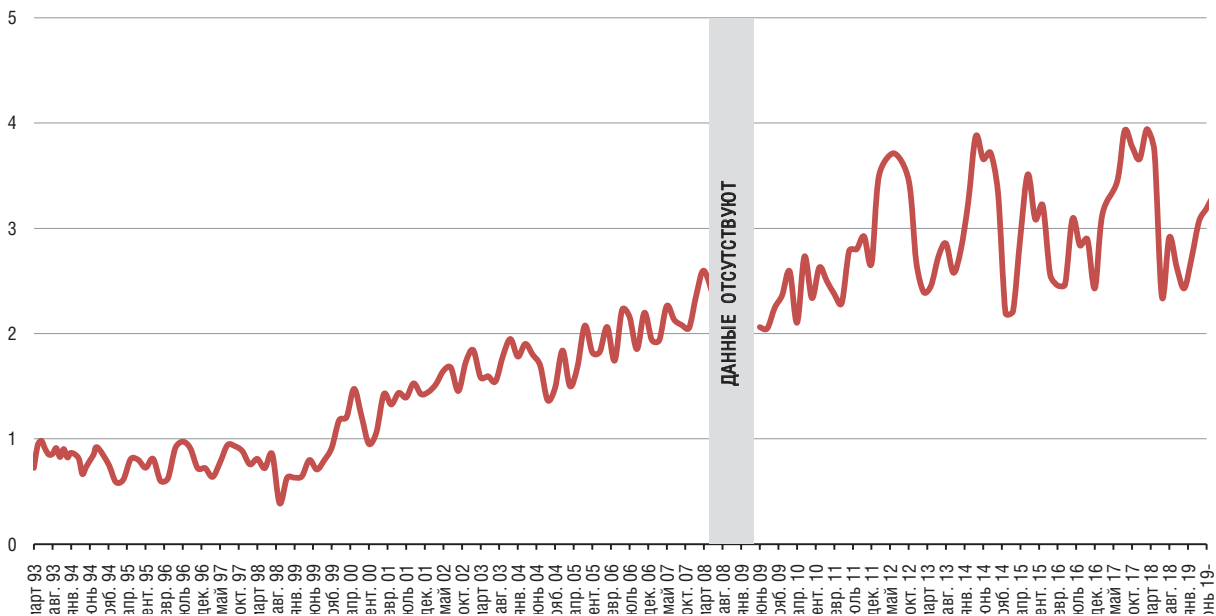
(отношение положительных оценок – «значительное улучшение ситуации» и «некоторое улучшение ситуации» к отрицательным – «некоторое ухудшение ситуации» и «значительное ухудшение ситуации»; затруднившиеся с ответом не учитывались)

В 1994 г. $N=3000$, в 1995–2001 гг. $N=2400$, в 2002–2008 гг. $N=2100$, с 2009 г. $N=1600$.

5. СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ

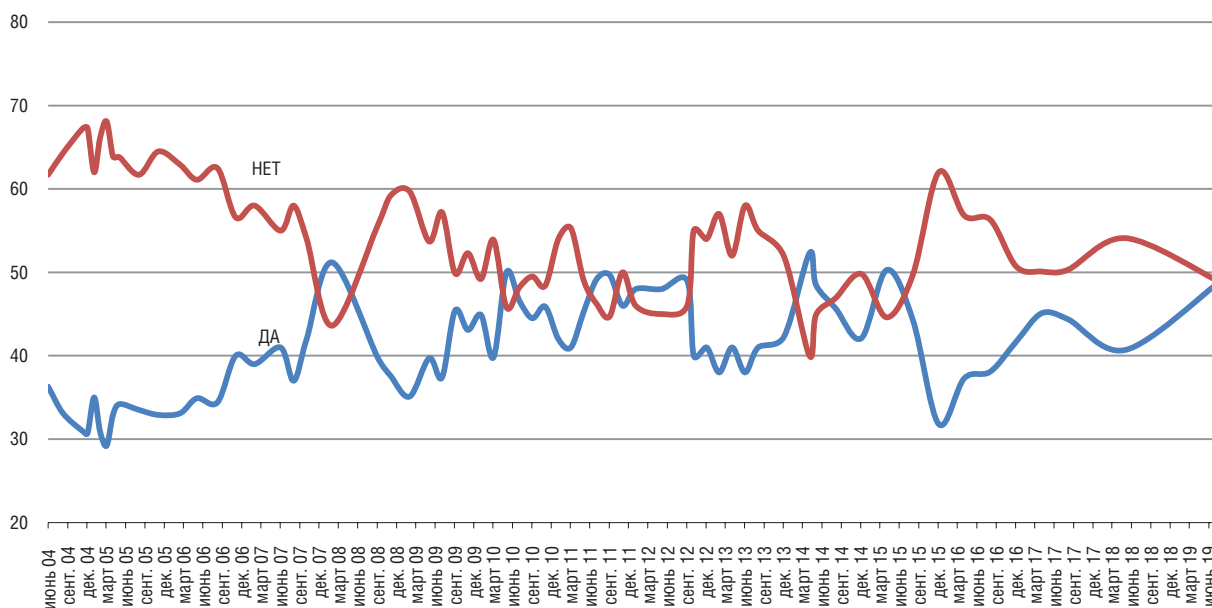
«Что Вы можете сказать о своем настроении в последние дни?» (отношение суммы позитивных оценок «прекрасное» и «нормальное, ровное» к сумме негативных «испытываю раздражение» и «испытываю страх»)

В 1994 г. $N=3000$, в 1995–2001 гг. $N=2400$, в 2002–2008 гг. $N=2100$, с 2009 г. $N=1600$.

6. ЯСНОСТЬ ПЕРСПЕКТИВ

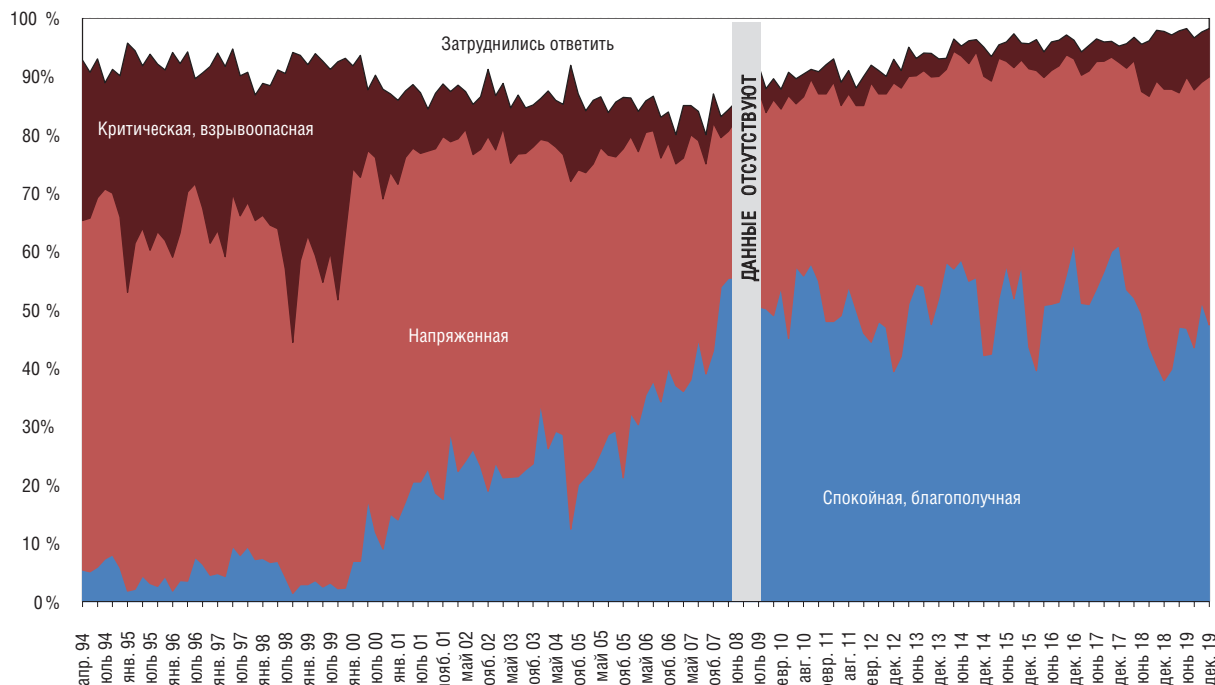
Чувствуете ли Вы уверенность в завтрашнем дне?

$N=1600$.

7. ОЦЕНКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКИ

Как Вы оценили бы в целом политическую обстановку в России?

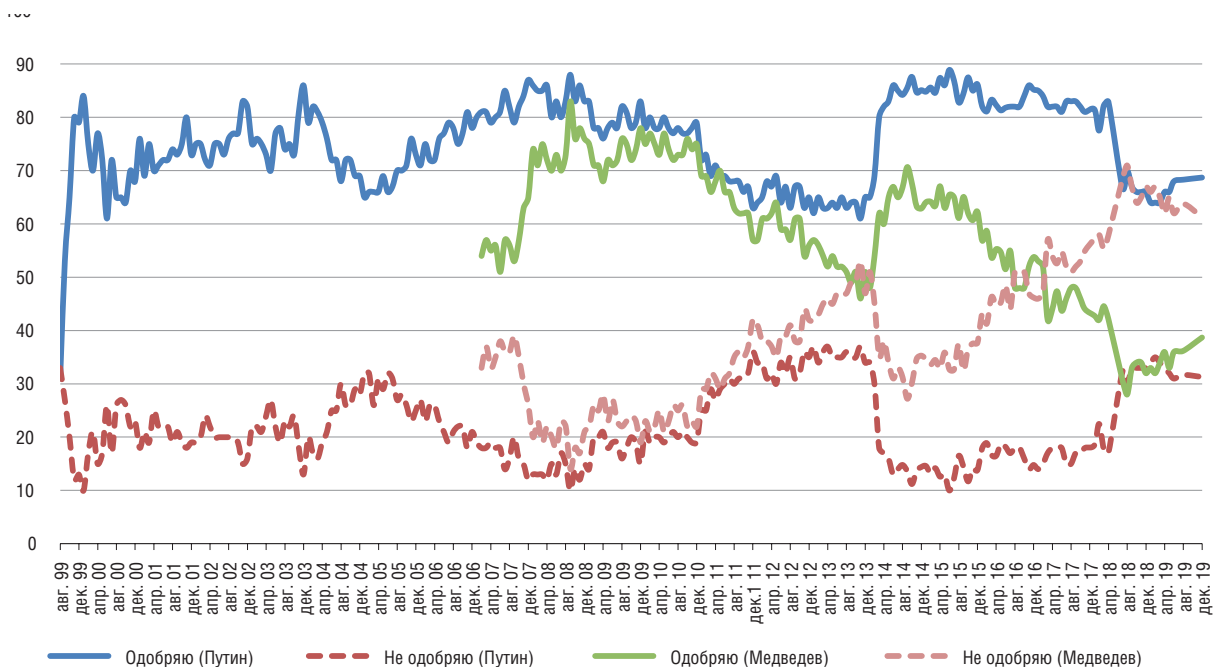

В 1994 г. $N=3000$, в 1995–2001 гг. $N=2400$, в 2002–2008 гг. $N=2100$, с 2009 г. $N=1600$.

8. ОДОБРЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕРВЫХ ЛИЦ

А. 1. «Одобряете ли Вы деятельность Владимира Путина?»;

А. 2. «Одобряете ли Вы деятельность Дмитрия Медведева?»

$N=1600$.

9. ДОВЕРИЕ К ПОЛИТИКАМ

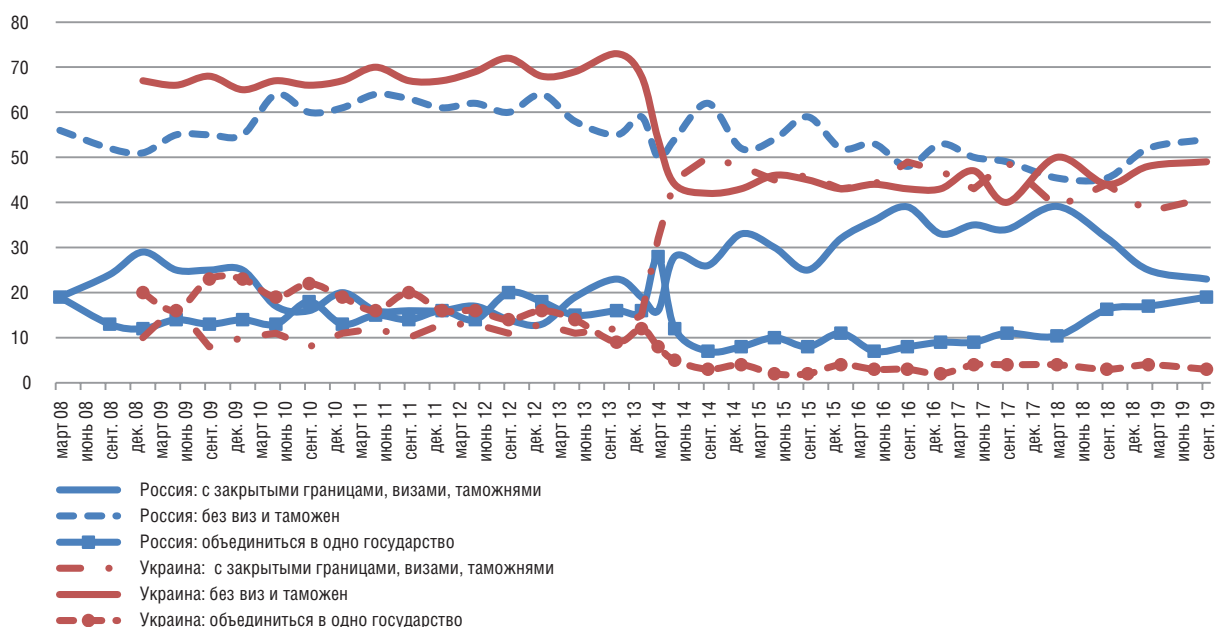
А. Назовите, пожалуйста, 5–6 политиков, которым Вы более всего доверяете (приводятся данные открытого вопроса о доверии политикам, которые набрали более 1% голосов от общего числа опрошенных; по результатам октября 2019 года)

Вариант ответа	2017	2018		2019	
	XI	IX	III	VII	X
Владимир Путин	59	39	41	40	39
Владимир Жириновский	14	15	16	15	14
Сергей Шойгу	23	15	16	17	14
Сергей Лавров	19	10	14	13	13
Дмитрий Медведев	11	10	13	11	9
Геннадий Зюганов	10	8	8	9	6
Павел Грудинин	-*	4	5	3	3
Алексей Навальный	2	3	3	3	3
Сергей Собянин	3	4	4	3	2
Валентина Матвиенко	2	1	3	3	2
Сергей Миронов	4	2	2	3	2
Григорий Явлинский	2	1	1	1	1
Не интересуюсь политикой	1	1	1	1	1
Нет таких	14	18	17	18	24
Затрудняюсь ответить / не знаю / нет ответа	11	18	16	18	14

N=1600, * – вариант не был назван.

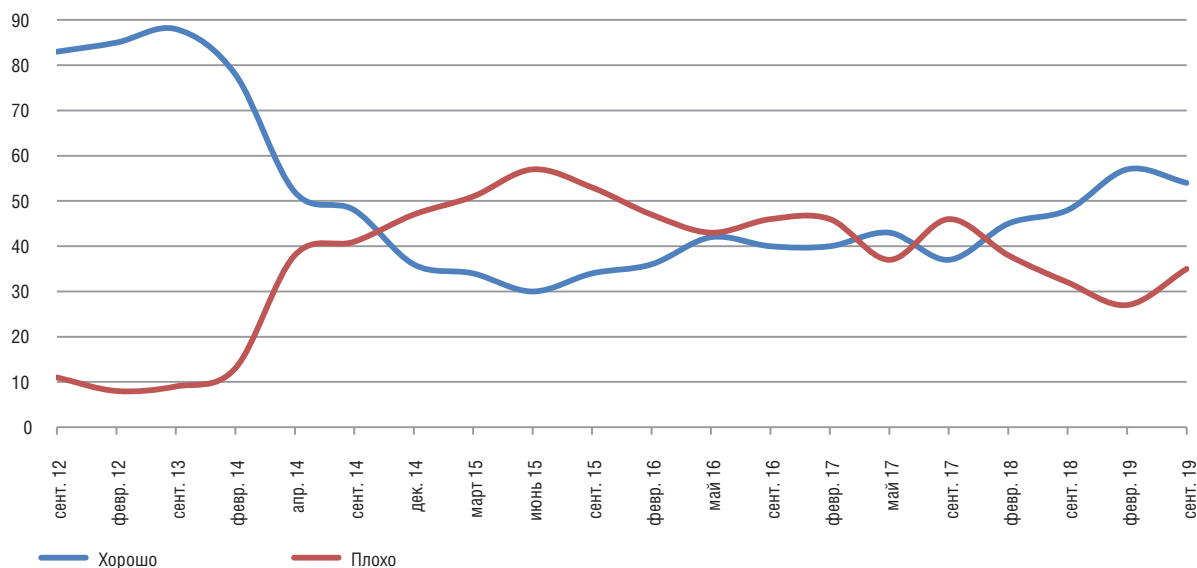
10. РОССИЯ И УКРАИНА

А. «С каким из следующих мнений по поводу отношений России с Украиной вы бы скорее согласились?» (данные Левада-Центра и КМИС)

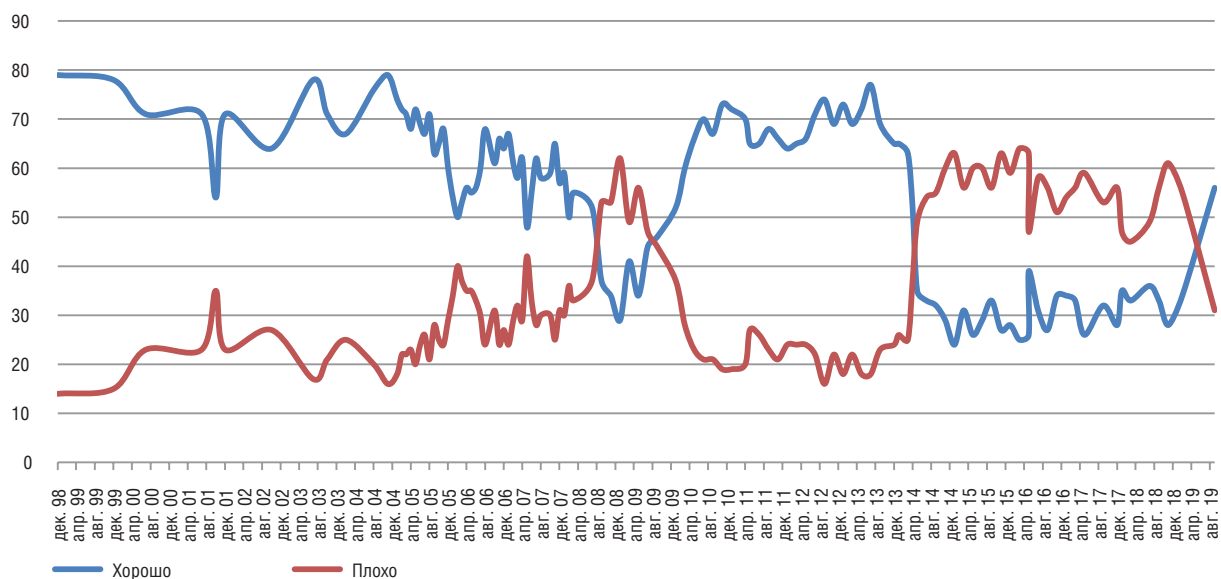
КМИС, N = 2000; Левада-центр, N=1600.

Б. «Как Вы в целом относитесь сейчас к России?» Мнение жителей Украины – данные КМИС (отношение положительных оценок – «очень хорошо» и «в основном хорошо» к отрицательным – «в основном плохо» и «очень плохо»; затруднившиеся с ответом не учитывались)

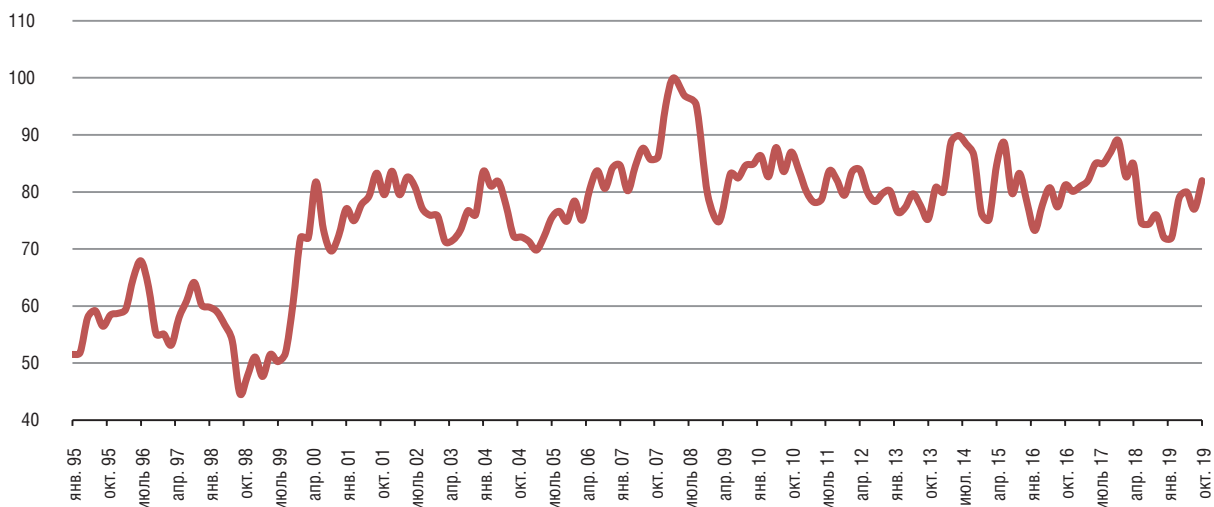
КМИС, N = 2000; Левада-центр, N=1600.

В. «Как вы в целом относитесь сейчас к Украине?» Мнение россиян – данные Левада-Центра (отношение положительных оценок – «очень хорошо» и «в основном хорошо» к отрицательным – «в основном плохо» и «очень плохо»; затруднившиеся с ответом не учитывались)

КМИС, N = 2000; Левада-Центр, N=1600.

11. ИНДЕКС СОЦИАЛЬНЫХ НАСТРОЕНИЙ

До июня 2008 г. $N=2100$; с июня 2009 г. $N=1600$

12. ИНДЕКС ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ НАСТРОЕНИЙ

Субъективные мнения и оценки населения относительно социально-экономической ситуации в стране в 2019 г. постепенно улучшались на протяжении года. К ноябрю потребительские настроения (индекс потребительских настроений – ИПН) выросли на 15% по сравнению с январем. Более общий показатель, отражающий весь комплекс мнений относительно развития ситуации в стране – индекс социальных настроений (ИСН) в октябре увеличился на 13% по сравнению с февралем 2019 г. Динамика общественных настроений в 2019 году формировалась по тем же законам, что и после шока пятилетней давности, положившего

начало снижению уровня жизни большинства населения. После девальвации отечественной валюты в конце 2014 г. и последовавшим за этим ускорением инфляции на потребительском рынке, замедлением роста экономики в целом, реальные денежные доходы людей сокращались на протяжении нескольких лет, правда, все менее значительными темпами. Именно это замедление негативных процессов, а также пересмотр нормативных ожиданий под влиянием затяжного характера экономических трудностей, оказались достаточным основанием для восстановительного роста субъективных настроений в 2016–2017 гг. на фоне не слишком

благоприятной объективной социально-экономической ситуации. Как и тогда, в первые месяцы 2019г. накопленные к началу года опасения не реализовались в полной мере, и уже сам этот факт стал источником позитивных перемен. Опыт 2016-2017 гг. реанимировал навыки по-нижательной адаптации, которые сработали и в нынешнем году.

Общий фон начала 2019г. года был задан негативной информацией 2018 г. – о повышении пенсионного возраста, увеличении налога на добавленную стоимость. Как и ожидалось, несмотря на то, что объявленные весной 2018г. столь непопулярные решения вступали в силу с 1 января 2019г., опасения и страхи общества в основном реализовались в 2018г. Сразу же после объявления решений индексы социальных и потребительских настроений резко снизились, настроения продолжали ухудшаться до конца 2018 года. В начале нынешнего года население убедилось, что дальнейшего раскручивания инфляционной спирали не будет (потребительский спрос населения уже до предела скован отсутствием роста реальных денежных доходов), практическая реализация решения о повышении пенсионного возраста коснулась

немногих. И общественные настроения стали понемногу улучшаться.

Статистические данные о динамике уровня жизни населения в 2019 г. до сих пор не указывают на улучшение ситуации. А вот субъективные оценки в целом становятся более благоприятными. При отсутствии позитивных объективных новостей улучшение субъективных оценок обеспечивается за счет фактора надежды, что выражается в более быстром росте тех частных составляющих сводных индексов, которые отражают ожидания на будущее.

Таким образом, улучшение настроений в 2019 г. было устойчивым и имело восстановительный характер. В годовом выражении (т.е. в сравнении с аналогичным периодом 2018 года) потребительские настроения (ИПН) выросли на 12% и социальные (ИСН) – на 8%. В отсутствие положительных новостей, реальных признаков улучшения условий жизни и благосостояния людей, положительная динамика субъективных настроений образца 2019 г. останется еще одним примером негативной адаптации, но не станет началом позитивного тренда общественного оптимизма, который способствует ускорению экономического развития страны.

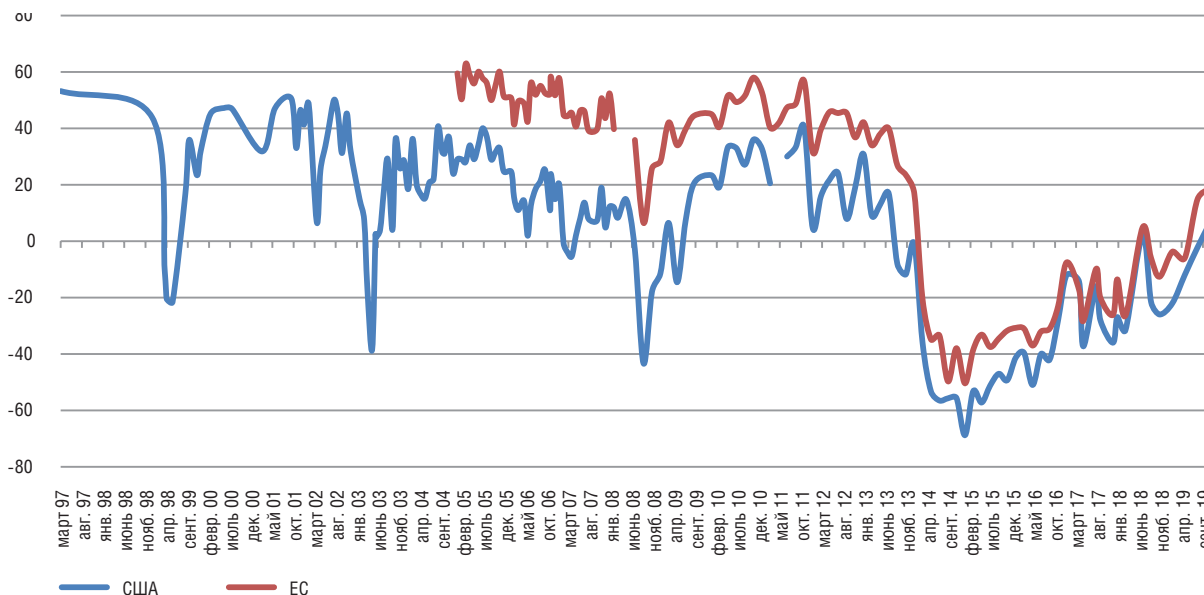
13. ОТНОШЕНИЕ К ДРУГИМ СТРАНАМ

А. Отношение к США и Евросоюзу

«Как вы в целом относитесь сейчас к Соединенным Штатам Америки?»

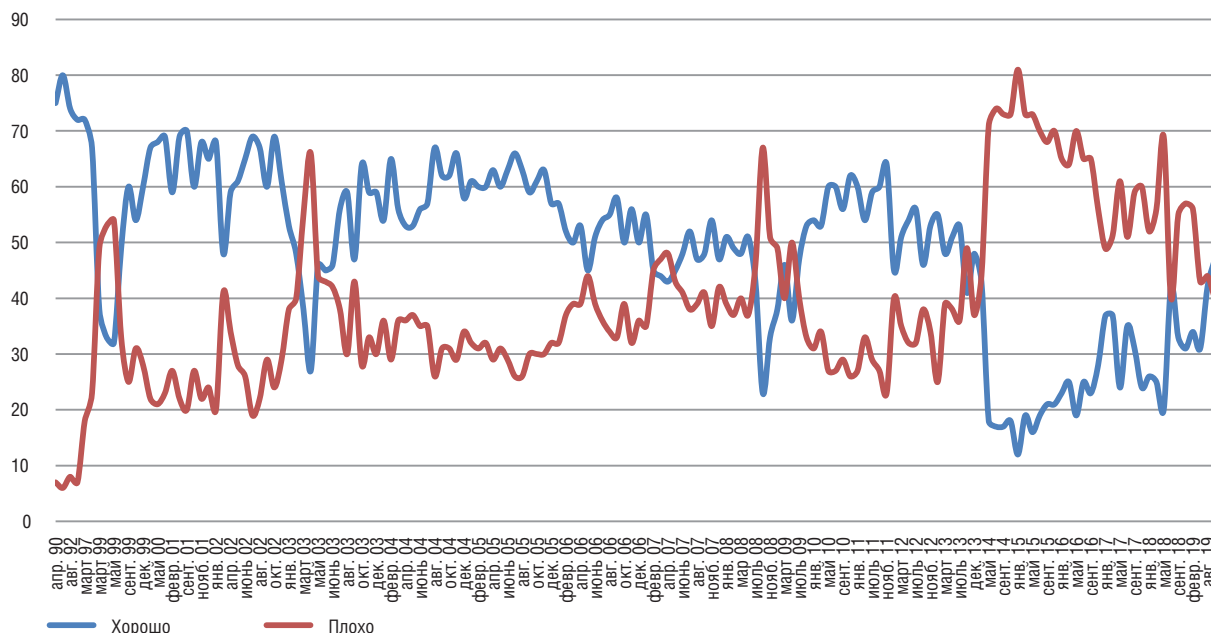
«Как вы в целом относитесь сейчас к Европейскому Союзу?»

(разница положительных и отрицательных оценок по данным закрытых вопросов)

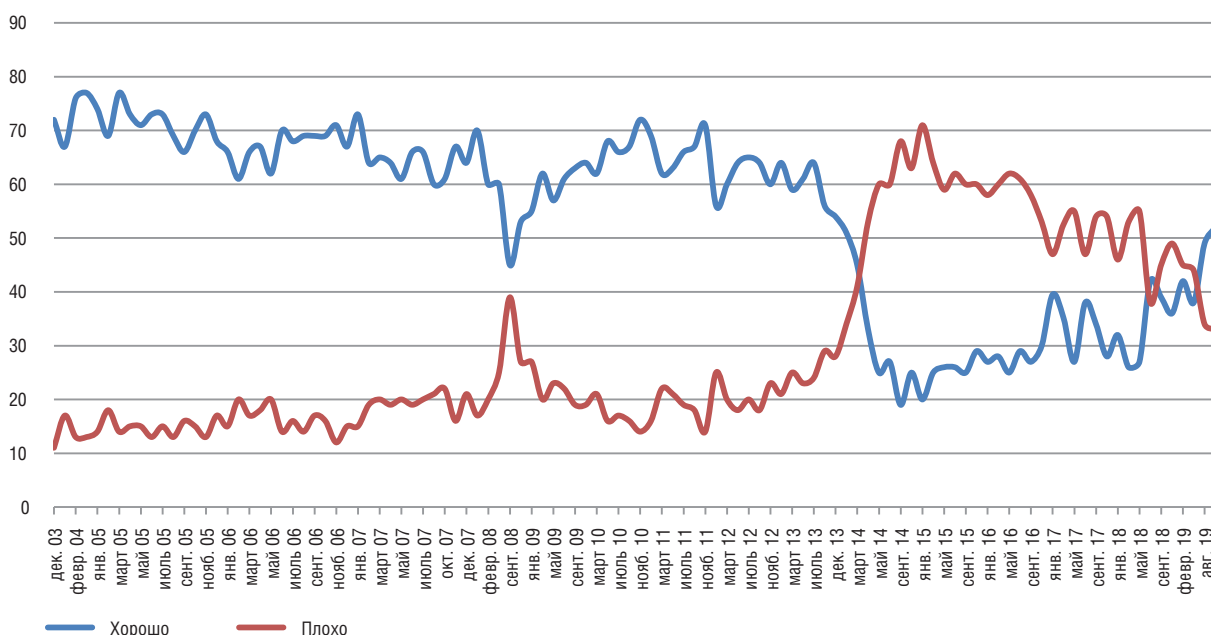
N=1600.

Б. «Как вы в целом относитесь сейчас к Соединенным Штатам Америки?» (отношение положительных оценок – «очень хорошо» и «в основном хорошо» к отрицательным – «в основном плохо» и «очень плохо»; затруднившиеся с ответом не учитывались)

N=1600.

В. «Как вы в целом относитесь сейчас к Европейскому Союзу?» (отношение положительных оценок – «очень хорошо» и «в основном хорошо» к отрицательным – «в основном плохо» и «очень плохо»; затруднившиеся с ответом не учитывались)

N=1600.

Г. «Назовите пять стран, которые Вы считаете наиболее близкими друзьями, союзниками России...» (открытый вопрос, приводятся ответы, набравшие 2% и более в последних двух замерах, данные ранжированы по последнему замеру)

	2005 V	2006 V	2007 VIII	2009 III	2010 V	2011 V	2012 V	2013 V	2014 V	2015 V	2016 V	2017 V	2018 V	2019 V
Беларусь	46	47	38	50	49	35	34	46	51	55	50	46	49	62
Китай	12	24	19	18	16	18	16	20	40	43	36	39	40	42
Казахстан	20	33	39	38	32	33	28	31	37	41	39	34	32	38
Армения	9	14	15	15	15	11	11	12	15	18	13	12	11	22
Азербайджан	5	7	5	10	8	9	9	8	9	11	7	9	8	16
Индия	16	15	14	12	14	16	9	7	13	18	18	14	19	14
Сирия	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2	10	15	21	14
Венесуэла	-	-	2	8	10	6	5	6	5	9	6	3	4	11
Киргизия	5	7	7	9	4	6	5	5	6	10	7	8	8	9
Германия	23	22	24	17	24	20	17	14	4	2	2	2	5	9
Куба	-	-	-	8	10	13	8	9	10	14	10	11	11	9
Туркмения	2	2	8	5	1	3	2	2	3	4	2	4	3	9
Узбекистан	4	6	6	9	5	7	5	5	6	8	9	9	11	9
Болгария	11	10	9	9	8	9	7	10	8	4	4	4	7	8
Грузия	-	-	-	-	-	2	1	2	1	3	2	4	3	8
Таджикистан	3	3	7	9	4	5	4	5	8	7	6	9	7	6
Северная Корея	-	-	-	-	-	4	1	1	3	3	3	3	4	6
Сербия	3	4	3	5	5	4	4	3	5	8	6	5	6	6
Египет	2	1	2	2	2	5	2	2	2	4	3	2	4	5
Иран	2	4	3	2	2	1	2	1	2	2	2	4	5	4
Израиль	5	3	3	3	4	5	4	3	4	2	3	3	3	4
Бразилия	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	3	3
Молдавия	4	4	4	5	3	4	4	6	7	2	2	8	4	3
Италия	6	7	8	5	8	6	7	5	3	1	3	4	3	3
Монголия	-	-	-	3	4	5	2	3	3	6	3	3	4	2
Франция	13	8	9	9	11	9	9	4	1	1	2	2	4	2
Нет таких/Затруд- нились ответить	24	28	28	27	23	26	35	29	29	25	25	26	20	11

N=1600.

Д. «Назовите пять стран, которые Вы считаете наиболее недружественно, враждебно настроенных по отношению к России...» (открытый вопрос, приводятся ответы, набравшие 2% и более в последних двух замерах, данные ранжированы по последнему замеру)

	2005 V	2006 V	2007 VIII	2009 III	2010 V	2011 V	2012 V	2013 V	2014 V	2015 V	2016 V	2017 V	2018 V	2019 V
США	23	37	35	45	26	33	35	38	69	73	72	69	78	67
Украина	13	27	23	41	13	20	15	11	30	37	48	50	49	40
Великобритания	3	5	3	8	6	8	7	9	18	21	18	15	38	38
Латвия	49	46	36	35	36	35	26	21	23	25	23	24	26	27
Литва	42	42	32	35	35	34	25	17	24	25	23	24	23	26
Польша	4	7	20	10	14	20	8	8	12	22	24	21	24	22
Германия	3	2	2	3	1	4	3	3	18	19	19	24	17	18
Эстония	32	28	60	30	28	30	23	16	21	19	16	16	15	12
Грузия	38	44	46	62	57	50	41	33	19	11	10	9	8	11
Канада	1	1	<1	1	<1	1	1	1	7	8	6	3	8	9
Франция	<1	1	1	1	<1	1	1	2	5	7	4	8	8	8
Ирак	10	9	8	5	9	9	8	7	3	2	2	3	4	5
Япония	6	4	3	3	3	9	6	7	5	6	5	6	3	4
Афганистан	12	12	11	7	14	15	8	10	5	4	2	3	3	4
Сирия	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	3	4	4	4
Израиль	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	5	4
Иран	6	7	7	3	7	7	7	5	2	2	2	2	2	3
Китай	4	-	3	3	4	4	4	5	-	-	-	2	1	3
Турция	1	1	1	1	1	1	1	2	1	1	29	8	3	2
Нет таких/ затруднились ответить	20	23	19	18	21	15	28	31	20	17	15	14	12	10

N=1600.

14. СОБЫТИЙНАЯ СТРУКТУРА ГОДА

На протяжении 2019 года вопрос «**Какие события последних четырех недель запомнились вам более всего?**» задавался ежемесячно в открытой форме по репрезентативной всероссийской выборке населения объемом 1600 человек, а далее кодировался в соответствии с ответами участников исследования.

Январь

Взрыв бытового газа в жилом доме в Магнитогорске и Ростовской области	25
Новый год и Старый Новый год	16
Рост цен (повышение НДС до 20%)	8
Личные события из жизни респондентов	8
Аварии и катастрофы (ДТП, крушения самолетов, пожары, телефонный терроризм)	6
Политическая ситуация в Венесуэле	6
События в Украине и Донбассе (президентская кампания, автокефалия, пожар в Керчинском проливе)	4
Рождество и Крещение	4
Погодные события (мороз, снегопады, плохая уборка снега)	3
Встречи Владимира Путина с лидерами других стран	3
Пенсионная реформа	2
Спортивные события (ЧМ по фигурному катанию, КХЛ и др.)	2
Переговоры Владимира Путина и Синдзо Абэ о Курильских островах	2
75-я годовщина снятия блокады Ленинграда	2
Новые законодательные инициативы (законопроект об «оскорблении власти», платной регистрации устройств, работающих в сотовых сетях и др.)	1
Протесты «желтых жилетов» во Франции	1
События в Сирии (вывод войск, установление порядка)	1
Деятельность руководителей регионов (выборы, назначение новых глав регионов)	1
Похищение из Третьяковской галереи картины Архипа Куинджи «Ай-Петри. Крым»	1
Другие региональные события	4
Другие события	4
Нет запомнившихся событий	15
Затруднились ответить	14

Февраль

Взрывы газа в жилых домах (выздоровление Вани Фокина)	10
Аварии и катастрофы, пожары (ДТП, крушения самолетов, телефонный терроризм)	7
Повышение цен и снижение уровня жизни (НДС, забастовки рабочих, безработица, снижение зарплат)	7
Личные события из жизни респондентов	7
События в Украине (предвыборная кампания, обострение ситуации на Донбассе)	5
Встречи и выступления Владимира Путина*	5
Морозы и снегопады, приближение весны, потепление (вспышки гриппа и ОРВИ)	3
Государственный переворот в Венесуэле	3
Смерть Сергея Юрского, Кирилла Толмацкого (Децла) и Сергея Захарова	3
Арест сенатора Арашукова	3
Спортивные события (биатлон, бокс, лыжи, фигурное катание)	2
Пенсионная реформа	2
События в Сирии	2
Отношения с Соединенными Штатами (выход США из ДРСМД, прекращение шатдауна)	2
Расширение/продление антироссийских санкций	1
Мюнхенская конференция	1
30 лет со дня вывода советских войск из Афганистана	1
Мусорная реформа	1
День всех влюблённых	1
Введение и обсуждение новых законодательных инициатив (Закон о “суверенном российском интернете”, закон о самозанятых)	1
Спор о Курильских островах	1
Другие события («Брекзит», Скрипали, “Желтые жилеты”, “Марш матерей”, православные праздники)	9
Нет запомнившихся событий	27
Затруднились ответить	17

* Кроме послания Владимира Путина Федеральному Собранию, которое состоялось после окончания основного этапа полевых работ данного опроса.

Март

Смерть Жореса Алфёрова, Владимира Этуша, Юлии Началовой и Марлена Хуциева	12
Спортивные события (фигурное катание, футбол, биатлон, хоккей, Универсиада в Красноярске)	8
Личные события из жизни респондентов	8
Предвыборная кампания в Украине (события на Донбассе)	7
Пятилетие присоединения Крыма	6
Отставка президента Казахстана Нурсултана Назарбаева (переименование столицы, улиц, площадей и др.)	5
Аварии и катастрофы (взрыв на химическом заводе в Китае, поломка двигателя круизного лайнера в Норвегии, пожар на складе в Омске)	5
Крушение самолета в Африке	4
Ротация руководителей регионов в России	4
Теракт в Новой Зеландии	3
Празднование 8-го марта и 23-го февраля	2
Рост цен, снижение уровня жизни	2
События в Сирии	2
Митинги и забастовки (против повышения пенсионного возраста, за свободный интернет в Москве, марш памяти Бориса Немцова)	2
Принятие закона об оскорблении власти и фейковых новостях	2
Празднование Масленицы	1
Мусорная реформа в России	1
Государственный переворот в Венесуэле	1
Пенсионная реформа	1
Приход весны	1
Природные катаклизмы (цунами в Японии, землетрясение в Индонезии)	1
Другие события в России (форум в Сочи, Выступление Путина перед Федеральным Собранием, год трагедии в Кемерово, отказ Павлу Груднину в депутатском мандате, “Девочка – маугли”, испытания новой военной техники, остановка строительства завода на Байкале)	7
Другие события в мире (Америка отменила санкции против Кореи, “Жёлтые жилеты” во Франции, “Брекзит”)	3
Нет запомнившихся событий	17
Затруднились ответить	23

Апрель

Выборы президента Украины	28
Пожар в Соборе Парижской Богоматери (Нотр-Дам)	21
Личные события в жизни респондентов	7
Пожары в России (Забайкальский край, Хабаровский и т.д.)	5
Теракты на Шри – Ланке	3
Ротация руководителей регионов РФ	2
Принятие законов (об оскорблении власти, фейковых новостях, суверенного рунета)	2
Природные катаклизмы, погодные аномалии	2
Юбилей Аллы Пугачевой	2
ДТП, Аварии, катастрофы	2
Война на Донбассе, Луганской области	2
Рост цен, снижение уровня жизни	2
Спортивные события (фигурное катание, футбол, хоккей, универсиада)	1
События в Сирии	1
Встречи и выступления Владимира Путина	1
Аресты чиновников, министров (Виктора Ишаева, Михаила Абызова)	1
Пенсионная реформа	1
Теракт в Тюмени	1
Рост налогов	1
Проведение субботников по всей стране	1
События в Венесуэле	1
Великий пост, Вербное воскресенье, подготовка к празднованию Пасхи	1
Другие события	6
Нет запомнившихся событий	23
Затруднились ответить	11

Ма́й

Победа Владимира Зеленского на выборах президента Украины и его первые инициативы	19
Крушения Sukhoi Superjet 100 в аэропорту «Шереметьево»	11
Чемпионат мира по хоккею 2019 в Словакии	8
Празднование 9 мая (День Победы, Парад)	8
Личные события из жизни респондентов	8
Протест в Екатеринбурге против строительства храма	5
Природные катаклизмы (Пожары в Забайкальском крае, Республике Бурятия, Алтайском крае, Курганской области, Землетрясение в Дагестане)	4
Международный музыкальный конкурс «Евровидение»	3
Выпускные и Последний звонок, сессии	3
Владимир Путин: встречи, события (Визит госсекретаря США Майка Помпео в Сочи, встреча с Ким Чен Ыном во Владивостоке, вручение наград деятелям культуры)	3
Аварии и катастрофы (ДТП с туристическим автобусом в Италии, авария в Московском метро и др.)	3
Повышение цен на ЖКХ, бензин и продукты, задержка зарплаты, безработица, низкие пенсии	2
Майские праздники (1 мая, выходные)	2
Проведение акции «Бессмертный полк»	1
Митинг против строительства мусорного полигона у станции Шиес в Архангельске	1
Отставка премьер-министра Великобритании Терезы Мэй	1
Изъятие у полковников ФСБ 12 миллиардов рублей, арест и др.	1
Другие спортивные события («Зенит» – чемпион российской премьер-лиги сезона 2018/2019» и др.)	1
Скандал на шоу «Голос. Дети»	1
Деятельность новых глав регионов, ВРИО	1
Закон об упрощенной выдаче российских паспортов жителям Луганской и Донецкой областей	1
Другие события (Ремонт дорог, благоустройство, «дачный налог», закон о допуске родственников к пациентам в реанимацию, события в Сирии, события в Украине, мусорная реформа, наступление лета)	9
Нет таких	17
Затруднились ответить	17

Июнь

Прямая линия с Владимиром Путиным	16
Наводнение в Иркутской области	10
Саммит G20	9
Личные события из жизни респондентов	7
Российско-грузинский конфликт, антироссийские выступления в Грузии	7
Авария Sukhoi Superjet 100 в аэропорту Шереметьево, крушение пассажирского самолета Ан-24 в Бурятии	6
События в Украине (российско-украинские отношения, победа Зеленского и его первые решения)	5
Встреча Владимира Путина и Дональда Трампа в Осаке	4
Возвращение России в Парламентскую ассамблею Совета Европы	3
Завершение учебного года	3
Арест и освобождение журналиста Ивана Голунова (в том числе коррупция и воровство, арест чиновников)	3
Трагедии, ДТП, несчастные случаи	3
Праздники и памятные даты (День города, День Молодежи, Ганзейские дни в Пскове, 22 июня – день начала Великой Отечественной войны)	2
Погода (аномальная жара, ливни, приход лета)	2
Подорожание цен на бензин, ЖКХ, продукты питания	2
Акции протеста и митинги (в Архангельске, в Екатеринбурге, в Москве, в Ингушетии и в Пензенской области)	2
Новые законодательные инициативы (об изоляции Рунета, о цифровизации экономики, мусорная реформа, об отмена роуминга, об увеличении пособия по уходу за детьми и др.)	2
Лесные пожары в Сибири	2
Спортивные события	2
Отпуск	1
День России	1
Ремонт дорог, благоустройство	1
Другие события (выборы в Казахстане, российско-китайские переговоры, события в Сирии, строительство завода на Байкале, экономический форум в Санкт-Петербурге)	6
Нет таких / никакие	17
Затруднились ответить	19

Июль

Наводнение в Иркутской области и Канске (Красноярский край)	25
Личные события из жизни респондентов	9
Парламентские выборы в Украине	7
Аварии и катастрофы, ДТП, несчастные случаи	4
Отдых, каникулы	3
Встречи Владимира Путина с лидерами других стран	3
Конфликт России с Грузией (прекращение авиасообщения)	3
Лесные пожары в Сибири	3
Недопуск независимых кандидатов на выборы в Мосгордуму, митинг в Москве	3
Чемпионат мира по водным видам спорта в Южной Корее и по фехтованию в Венгрии	2
Ливневые дожди	2
Праздники и памятные даты (Дни города, День молодежи, День семьи, любви и верности и др.)	2
Рост цен на бензин и ЖКХ, безработица	1
Ремонт дорог, благоустройство	1
Гибель 14 моряков на атомной подлодке в Баренцевом море	1
Визит Дмитрия Медведева в Тульскую и Курскую области, Ставропольский край	1
Природные катаклизмы	1
Другие события (продажа Турции ПВО С-400; новые законодательные инициативы в РФ; конфликт Ирана и США)	6
Нет запомнившихся событий	25
Затруднились ответить	19

Август

Аварийная посадка пассажирского самолета на кукурузном поле вблизи Жуковского	17
Лесные пожары в Сибири и на Дальнем Востоке	17
Наводнение в Иркутской области и других российских регионах	11
Протестные митинги в Москве	8
Отдых, каникулы	4
Аварии и ДТП, убийства и отравления (перестрелка в Краснодаре, взрыв в Ачинске)	4
Благоустройство (ремонт дорог, открытие парков и спортивных площадок, детских садов и библиотек, магазинов)	3
Российско-американские отношения (расторжение договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности, высказывание Д. Трампа о возвращении России в G7)	3
Спасение пятилетней З. Авгоновой после трёхдневных поисков в лесу под Нижним Новгородом	2
Авария на военном полигоне Северодвинска	2
Владимир Путин: встреча с президентом Франции, телефонный разговор с президентом Украины	2
События на Украине (деятельность президента В. Зеленского, события на Донбассе)	2
Спортивные события (бокс, футбол)	1
Праздники и памятные даты (День ВДВ, 76-ая годовщина Победы в Курской битве, Ильин день, Яблочный Спас)	1
День города, района, села	1
День российского флага	1
Другие региональные события (Worldskills в Казани, Фестиваль в фейерверков в Москве, гастрономический фестиваль в Горно-Алтайске, Фестиваль творческих сообществ «Таврида» в Крыму)	1
Законодательные инициативы (повышение пенсионного возраста, запрет мобильных телефонов в школах, закон о домашнем насилии, переход на четырехдневный рабочий день)	1
Природные катаклизмы в мире (лесные пожары в Бразилии и Греции; наводнение в Южной Корее и Испании)	1
Погода (дожди, конец лета)	1
Рост цен (увеличение НДС, повышение курса евро и доллара)	1
Подготовка к Единому дню голосования 8 сентября 2019 года	1
Личные события из жизни респондентов	10
Другие события (пристыковка корабля «Союз МС-14» к МКС, испытание нового вооружения, избрание нового премьер-министра в Великобритании, война в Сирии, российско-грузинские отношения, отношение к строительству экотехнопарка Шиес)	4
Нет запомнившихся событий	26
Затруднились ответить	8

Сентябрь

Единый день голосования 8 сентября 2019 года	16
Личные события из жизни респондентов	8
Митинги в Москве (возбуждение уголовных дел по “московскому делу”)	6
Аварии и ДТП, чрезвычайные происшествия и природные катаклизмы	4
Другие региональные события (посещение регионов должностными лицами; митинг против строительства мусорного полигона в Шиесе; демарш детских онкологов НИИ имени Блохина)	3
День города	3
Смерть Марка Захарова	3
Наводнение в Иркутской области и других российских регионах	3
74-ая сессия Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке (недопуск десяти российских делегатов, выступление Греты Тунберг)	2
Поездки и встречи Владимира Путина (Восточный экономический форум; трехсторонний саммит по Сирии)	2
Встреча Дональда Трампа и Владимира Зеленского	2
Отношения с Украиной (обмен заключенными)	2
Аварийная посадка пассажирского самолета на кукурузном поле вблизи Жуковского	2
Спортивные события (ЧМ по легкой атлетике; Чемпионат Европы по волейболу; ЧМ по керлингу)	2
Смерть Жака Ширака	2
Болезнь Анастасии Заворотнюк	2
Начало учебного года, Первое сентября	2
Новые законодательные инициативы (переход на четырехдневный рабочий день; запрет курения на балконах)	2
Благоустройство территории, улучшение инфраструктуры	2
Рост цен (нехватка денег; задержка зарплат; безденежье)	2
Сильное похолодание (наличие отопления и его качество)	2
Отпуск, туристические поездки	2
Лесные пожары в Сибири и на Дальнем Востоке	1
Атаки дронов на нефтяные объекты Саудовской Аравии	1
Заявление сената США о рассмотрении импичмента Дональда Трампа	1
Другие события (военные учения; свадьба Богомолова и Собчак; события в Сирии; планируемое сокращение штата чиновников)	5
Нет запомнившихся событий	26
Затруднились ответить	15

Октябрь

Встречи и визиты Владимира Путина (визит в Саудовскую Аравию, переговоры с Р. Эрдоганом и др.)	8
Саммит “Россия – Африка” (списание Россией долга странам африканского континента в размере более чем \$20 млрд.)	8
События в Сирии (вывод американских войск, совместный патруль сирийско-турецкой границы Россией и Турцией)	6
Прорыв дамбы в Красноярском крае, гибель 17-ти работников золотодобывающей артели “Сисим”	5
События в Украине (президентство В. Зеленского, ситуация на Донбассе)	3
Региональные события (выборы, деятельность глав регионов и др.)	3
Аварии и катастрофы, ДТП и чрезвычайные происшествия	3
Расстрел служащим воинской части Забайкалья восьми сослуживцев	2
События из мира спорта (фигурное катание, футбол, гимнастика)	2
Благоустройство, улучшение / состояние инфраструктуры (открытие и ремонт набережных и парков, детских садов и больниц, дорог)	2
Протесты в Испании, Чили и Гонконге и другие события в зарубежных странах	2
Повышение цен, безработица, низкий уровень жизни	2
Наводнения, лесные пожары, ураганы	2
Перемены в погоде (теплый октябрь, похолодание)	1
Митинги в Москве (суды по “Московскому делу”)	1
Убийство 9-летней девочки в Саратове, возобновление дискуссии об отмене моратория на смертную казнь	1
Болезнь Анастасии Заворотнюк	1
Личные события из жизни респондентов	11
Другие события (смерть М. Захарова и А. Леонова, снижение ключевой ставки Банком России, возвращение М. Бутиной из тюрьмы США, свадьба К. Собчак)	7
Нет запомнившихся событий	26
Затруднились ответить	23

Ноябрь

Личные события из жизни респондентов	10
Отношения с Украиной (переговоры Владимира Путина и Владимира Зеленского; возвращение катера “Бердянск”, “Никополь”, буксира “Яны Капу”; отвод войск в Донбассе)	8
Отсрочка введения новых правил медосмотра для водителей (увеличение стоимости прохождения медосмотра для водителей в несколько раз)	6
Аварии и ДТП, чрезвычайные происшествия	6
Встречи и события Владимира Путина (саммиты G-20 и “Россия – Африка”; посещение Калининграда, Будапешта, Светлогорска; саммит БРИКС; съезд партии “Единая Россия”)	5
Наводнения в Иркутской и Нижегородской областях – последствия от них; лесные пожары	4
События в сфере спорта (Гран-при по фигурному катанию; отборочные игры на Чемпионат Европы по футболу)	4
Убийство аспирантки Анастасии Ещенко / дело доцента СПбГУ Олега Соколова	3
Региональные события (деятельность губернаторов; местные выборы; открытие Московских Центральных Диаметров)	3
Изменение погоды (зима, морозы, сильное похолодание)	3
Зарубежные события (вероятность импичмента президента США Дональда Трампа; протесты в Боливии и Чили, Грузии, Гонконге, Франции и США)	2
Праздники и памятные даты (День народного Единства; 90-летие композитора А.Н. Пахмутовой; 7 ноября – Торжественный марш на Красной площади в честь 77-летия военного парада 1941 года; День МВД; День Матери; подготовка к Новому Году)	2
Помощь Сирии со стороны России	2
Природные катаклизмы, стихийные бедствия (наводнение в Венеции; землетрясение в Албании)	2
Благоустройство, улучшение / ухудшение состояния инфраструктуры городов	1
Отпуск, поездки	1
Снижение уровня жизни (сильное повышение цен на широкий круг товаров и услуг)	1
Рабочие поездки по стране Дмитрия Медведева	1
Другие события (детское Евровидение; присвоение звания “Герой России” пилотам Д. Юсупову и Г. Мурзину за успешную посадку Airbus A321; расследование А. Навального о главном прокуроре Москвы)	8
Нет запомнившихся событий	23
Затрудняюсь ответить	24

Декабрь

Саммит "Нормандской четверки"	10
Смерть бывшего мэра Москвы Юрия Лужкова	8
Отстранение России от международных соревнований, допинговый скандал	6
Аварии и ДТП, чрезвычайные происшествия	6
Переговоры В.Зеленского и В. Путина (в рамках саммита "Нормандской четверки")	5
События из мира спорта (хоккей, фигурное катание, футбол)	3
События на Украине (разведение войск в Донбассе, президентство В. Зеленского)	2
Другие региональные события (в том числе Открытие ж\д моста в Крыму)	2
Инициативы госсектора: Снижение ключевой ставки, Поднятие вопроса об ипотечном кредитовании и др.	2
Подготовка к Новому году	2
Встреча В. Путина с А. Лукашенко	2
Смена глав регионов, отставки (Отставка губернатора Иркутской области С.Левченко)	2
Владимир Путин: встречи, события (Списание долга странам Африки, Встреча с Р. Эрдоганом, Выступление на 50-летию "КАМАЗа")	2
Пресс-конференция Дмитрия Медведева	2
Суды над участниками "московского дела", Протестные митинги в разных городах страны, Новое расследование А. Навального	1
Зарубежные события ("Брекзит", Забастовки во Франции, Подготовка к президентской кампании в США)	1
Пожар на авианесущем крейсере "Адмирал Кузнецов"	1
Стихийные бедствия, природные катаклизмы (Сильный ураган в Турции, Последствия от наводнения в Иркутской области)	1
Благоустройство, улучшение / ухудшение состояния инфраструктуры городов	1
Погода (снег, морозы / не зимняя погода)	1
Рост цен, Снижение уровня жизни, Задержка зарплат	1
Война в Сирии	1
Запуск экспортного газопровода "Сила Сибири"	1
Отдых, отпуск	1
Личные события из жизни респондентов	8
Другие события (Встреча Д.Трампа и С. Лаврова, Санкции против России)	4
Нет запомнившихся событий	22
Затрудняюсь ответить	23

СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО: ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ

Алексей МАЛАШЕНКО
Юлий НИСНЕВИЧ
Андрей РЯБОВ

Вертикальное вторжение варваров: новая волна на Западе

Важнейшими проявлениями кризиса современной демократии, обусловленного, как представляется, постиндустриальным транзитом, началом перехода человеческой цивилизации на новый технико-технологический этап развития, который часто характеризуют как «четвертая промышленная революция»¹, стали рост национального эгоизма, популизма, стремление отгородиться от «чужих» культур и их носителей. В практической политике развитых государств это приводит к подъему антиэмигрантских и ксенофобских настроений, заметному усилению позиций национал-популистских партий и движений, возвращению протекционизма в международные экономические отношения, стремлению противопоставить национальные интересы тенденциям, присутствующим формированию постиндустриальной общепланетарной цивилизации, и обязательствам тех или иных государств, вытекающим из их членства в различных интеграционных объединениях. Неприятие процесса формирования общепланетарной цивилизации, включая такой его компонент, как глобализация, и возникающих в связи с этим процессом проблем происходит с позиций консервативной критики новой цивилизационной реальности. В рамках такой критики современному обществу с его взаимопроникновением культур, размытостью разграничительных линий между социальными группами и отсутствием непроницаемых гра-

ниц между государствами обычно противопоставляют обществу недавнего прошлого с ярко выраженными национальными интересами и четкими границами, социальными и культурными иерархиями.

Технологические революции и социокультурные разрывы: к постановке проблемы

Тем не менее складывающаяся ситуация не выглядит уникальной. Периоды цивилизационного транзита традиционно сопровождаются нарастанием социокультурных разрывов в обществе, обостренным неприятием на массовом уровне новых, непривычных явлений. Технологические изменения в обществе происходят столь стремительно, что человеческая природа не успевает адаптироваться к ним. Так, первая промышленная революция, начавшаяся в Англии во второй половине XVIII столетия и ознаменовавшая переход от мануфактурного производства к фабричному, сопровождалась появлением в первой четверти XIX в. движения разрушителей машин — луддитов. В рамках прогрессистской парадигмы понимания истории такого рода «возвратные движения» зачастую ассоциируются с понятием «варварство».

Социокультурный разрыв, порождающий феномен варварства, но, конечно, в иных, более сложных и многообразных формах, присутствовал и в первой трети XX в., в эпоху второй промышленной революции, драйвером которой стала изобретенная и внедренная американским

¹ Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2016.

предпринимателем Генри Фордом «модель массового производства стандартизированных товаров на сборочных конвейерах, с использованием неквалифицированных или полуквалифицированных работников, занятых простыми операциями и объединенных на крупных фабриках»¹. Становление «фордистского капитализма» заложило основы современного потребительского рынка и привело к вовлечению в большую политику ранее не включенных в нее широких общественных слоев, попытавшихся самостоятельно заявить о своих интересах и целях. Помимо достижений промышленности, начавшей разворачиваться к интересам массового потребителя, вовлечение масс в политику также стало возможным благодаря прогрессу демократии, постепенному утверждению всеобщего избирательного права в развитых государствах.

Подъем массовых общественных слоев, вызванный указанными обстоятельствами, их выход на авансцену политики в стремлении ослабить или даже преодолеть имевшиеся в индустриальных обществах того времени глубокие социальные неравенства испанский философ Хосе Ортега-и-Гассет определил как «восстание масс»². Политико-антропологическое и социокультурное измерение это феномена, согласно Ортеге-и-Гассету, определялось разрывом между открывшимися перед «человеком массы» новыми возможностями материального потребления и духовного развития, с одной стороны, и его культурной неготовностью к их освоению — с другой.

«Человеку массы» чуждо понимание того, что доступный уровень развития цивилизации является результатом усилий предшествующих поколений, самосовершенствования человека, развития его культуры. Поэтому «беспрепятственный рост жизненных запросов... и врожденная неблагодарность ко всему, что сумело облегчить ему жизнь»³ формирует у «человека массы» социальную безответственность. Столь облегченно-потребительское отношение к окружающей его действительности вызывает у него неприятие сложных решений, согласования интересов, поиска компромиссов и порождает уверенность в собственной правоте, культ силы и склонность к простым решениям⁴.

¹ Кондрашов П. Постфордистский поворот: Глобальная альтернатива или проект для избранных? // Свободная мысль. 2016. № 2. С. 197–212.

² Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003.

³ Там же. С. 56.

⁴ Там же. С. 74, 75.

Это лишает «человека массы» мотивации к саморазвитию: он доволен тем, что он «такой же, как все», кичится «собственной неотличимостью». Эта его черта носит агрессивный характер вплоть до проявления нетерпимости к любой инаковости, откровенной ксенофобии, что приводит к тому, что «масса сминает непохожее, недюжинное и лучшее»⁵. По мнению Ортеги-и-Гассета, деление общества на массы и избранные меньшинства типологическое и не совпадает ни с делением на социальные классы, ни с их иерархией. При этом принципиально важно, что «внутри любого класса есть собственные массы и меньшинства»⁶. «Восстание масс», с точки зрения испанского философа, «есть то самое, что Ратенау⁷ назвал “вертикальное вторжение варваров”»⁸.

«Человек массы» стал заметным актором развития индустриальных обществ, оказывающим определяющее влияние на их экономику, политику, культуру, общественные отношения. Это привело, хотя и с существенным запаздыванием, к кардинальной перестройке политических систем демократических государств в направлении сотрудничества классов, большей способности учитывать интересы массовых социальных слоев при сохранении либерально-демократических основ их политического порядка. В государствах, где для такого поворота условия не сложились, или внутривнутриполитическая ситуация оказалась неблагоприятной, утвердились тоталитарные и правоавторитарные системы.

Ключевые изменения, затронувшие место и роль «человека массы» в системе общественных отношений, произошли после Второй мировой войны, когда развитые демократические государства стали ориентироваться на построение государства всеобщего благоденствия (*Welfare State*) — системы, при которой государство берет на себя ответственность за благосостояние всех своих граждан, обеспечивая выплату пенсий, бесплатную медицинскую помощь и другие виды социальной поддержки⁹.

⁵ Там же. С. 22.

⁶ Ортега-и-Гассет. Указ. соч. С. 17–20.

⁷ Ратенау Вальтер (1867–1922) — германский промышленник и финансист, в 1922 г. министр иностранных дел Германии, убит членами правомонархической организации «Консул» (Большой энциклопедический словарь. М.: ООО «Издательство АСТ», ООО «Издательство Астраль», 2003. С. 887).

⁸ Ортега-и-Гассет. Указ. соч. С. 52.

⁹ Государство всеобщего благоденствия. Политика. Толковый словарь / Д. Андерхилл, С. Барретт, П. Бернелл, П. Бернем и др. Общая ред.: д.э.н. И.М. Осадчая. М.: «ИНФРА-М», Изд-во «Весь мир», 2001.

Повышение уровня материального благосостояния, возросшая эффективность представительства социальных интересов и защиты социальных прав граждан создали фундамент общественно-политической стабильности. В экономике массовый потребительский спрос окончательно превратился в главный фактор ее роста. Политика государства всеобщего благоденствия способствовала возникновению общества потребления¹, в котором экономика переориентируется на производство быстро растущего многообразия все более сложных товаров и услуг в интересах массового потребителя, стимулирует спрос и усиливает конъюмеристские настроения и модели поведения, в свою очередь подхлестывающие экономический рост.

В «золотую пору» государства всеобщего благоденствия, в третьей четверти XX в., социальная активность «человека массы» сместилась из вертикального пространства политики в горизонтальное пространство повседневного быта и потребления. В этих условиях «человек массы» из агрессивного субъекта политики превратился в ее достаточно пассивный объект в формате потребителя материальных благ с гедонистическим мировоззрением и моралью.

В то же время доминирование в обществе конъюмеристских настроений привело к глубоким социокультурным изменениям. У массовых слоев населения утратилась связь между трудовым вкладом и возможностью обладать все большим количеством потребительских благ, возникло ощущение их легкой доступности, что вело к размыванию меритократических оснований, на которых зиждилась и зиждется западная цивилизация. Со второй половины XX в. сформированная под влиянием вкусов и ценностных ориентиров этих слоев массовая культура (поп-культура), которая сама по себе превратилась в один из драйверов экономического роста, стала оказывать доминирующее воздействие на образ жизни человека в современных обществах.

Постиндустриальный транзит и формирование условий для новой волны «вертикального вторжения варваров»

Однако к концу XX в. ставшая уже привычной для «человека массы» его среда обитания, отличавшаяся стабильностью и определенностью, начала резко и качественно изменяться.

В конце 1970-х гг. наступил кризис государства всеобщего благоденствия, что привело к

¹ Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М.: Культурная революция, Республика, 2006.

тому, что сначала в государствах англосаксонской группы, а потом и в других развитых государствах стало происходить заметное сворачивание такого желанного для «человека массы» социально-экономического государственного патернализма. Это разрушало комфортное пространство существования и подготавливало условия для нового «вертикального вторжения варваров».

Для такого «вторжения» возникли и иные, более сложные и многоплановые причины, когда в последней четверти XX в. начался постиндустриальный цивилизационный транзит, в ходе которого стала формироваться качественно новая технологическая в широком смысле этого понятия основа жизнедеятельности человека и, как следствие, качественно новая социальная среда. По сути, этот процесс представляет собой социально-технологическую революцию, обуславливающую «рождение в муках» новой цивилизации. Ее содержание сводится к тому, что революционные изменения претерпевают техносфера, инфосфера и, как следствие, социосфера и властная сфера².

Формирование новой техносферы происходит в результате глубоких технологических сдвигов, включающих развитие новой энергетики, базирующейся на возобновляемых источниках энергии, создание новых материалов, использование открытого космоса и глубин океана, а также биотехнологий, в том числе генных технологий. Важнейшим условием формирования новой техносферы является революция в области информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), благодаря которой происходит синтез достижений в различных отраслях науки и техники³.

Ключевым результатом революции в области ИКТ представляется качественное изменение инфосферы, ее децентрализация, демассификация⁴ и трансформация в инфокоммуникационную среду с сетевой инфраструктурой, основанной на применении новейших информационно-коммуникационных сетей и систем. Такая сетевая инфокоммуникационная среда добавляет «социальной системе совершенно новый уровень коммуникации»⁵ и становится «нервной системой» современного социума, в которой каждый человек потенци-

² Тоффлер Э. Третья волна. М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. С. 26.

³ Там же. С. 23.

⁴ Там же. С. 266.

⁵ Там же. С. 288.

ально наделяется новыми технологическими возможностями и может выполнять функцию «нейрона», генерирующего и передающего необходимые для ее жизнедеятельности информационно-коммуникационные импульсы.

Революционные изменения в техносфере и инфосфере влекут за собой кардинальные изменения социосферы, которая приобретает децентрализованный, сетевой и немассовый характер. Такой характер постиндустриальной социосферы обусловлен тем, что каждый человек, овладевающий новыми технологиями, и прежде всего ИКТ, становится вполне автономным и самостоятельным звеном в системе социальных коммуникаций, индивидуальным источником, потребителем и распространителем информации и знаний. При этом, если он достигает должного уровня культуры, включая правовую и политическую, и гражданской ответственности, он становится «базовой ячейкой» немассового «общества знания»¹, которое идет на смену массовому «обществу потребления».

Определенные постиндустриальным цивилизационным транзитом трансформации социальной сферы порождают ощущения «обделенности» и социального дискомфорта у «человека массы». Люди такого типа, прежде всего из старших возрастных групп, начинают чувствовать ограниченность своих возможностей и проигрывать в социальной конкуренции тем, кто уже интегрировался в новые социальные пространства, представителям «избранных меньшинств», ориентированным на личный успех и свободу, на то, чтобы не быть «таким же, как все» и выделяться, что органически несвойственно «человеку массы». Это приводит к возникновению новых социокультурных разрывов.

В эпоху постиндустриального транзита расширение пространства человеческой деятельности происходит также и вследствие процесса глобализации. Одним из важнейших последствий этого процесса стало то, что государство-нация, в котором «человек массы» привык достаточно комфортно существовать и к которому привык апеллировать для удовлетворения своих потребностей, стало трансформироваться и утрачивать свое значение основной единицы миропорядка. Здесь надо подчеркнуть, что общество всеобщего благоденствия с его институтами сформировалось и достигло расцвета именно в рамках государства-нации.

¹ Концепция «общества знания» в современной социальной теории: сб. науч. трудов. М.: РАН, ИНИОН, 2010.

В эпоху глобализации управление экономикой и финансами в значительной степени уходит на международный уровень, в то время как социальная политика и социальная ответственность остаются прерогативой национальных государств.

Привычную среду существования «человека массы» в эпоху глобализации деформирует и присущий этой эпохе феномен миграции. Из-за усиления прозрачности границ национальных государств миграционная мобильность резко возрастает и приобретает трансконтинентальный характер. Миграции усиливают у «человека массы» чувство дискомфорта от вторжения в его устоявшийся мир повседневности различных проявлений инаковости, которую он в любой форме агрессивно не приемлет. Условия для повышения миграционной мобильности были созданы, с одной стороны, усовершенствованием транспортных технологий, а с другой — либерализацией в государствах с высоким уровнем социально-экономического развития миграционной политики. Миграции, таким образом, породили еще один разрыв между привычным образом жизни «человека массы» и меняющейся в этноконфессиональном и культурном плане «средой обитания».

Еще одно противоречие, связанное с эпохой постиндустриального транзита, состоит в том, что в условиях распространения новых ИКТ, создающих иллюзию демократизации и всеобщего равенства, в развитых государствах в социальной сфере формируются новые разрывы и неравенства.

С одной стороны, современная эпоха, благодаря таким технологическим достижениям, как Интернет, социальные сети и мессенджеры, открыла перед «человеком массы» ранее невиданные перспективы. Если в XX в. «человек массы» мог добиваться реализации своих целей и интересов лишь в составе больших групп, оставаясь их обезличенной частью, то в процессе постиндустриального транзита он, возможно, даже не имея особых талантов и способностей и не отличаясь в социокультурном плане от порождающей его массы, добивается успеха в индивидуальном качестве, именно благодаря этой своей неотличимости. Блогеры, ведущие банальные разговоры о бытовых проблемах, нередко обретают миллионы подписчиков в Интернете и, используя рекламу, становятся успешными бизнесменами. То же самое можно сказать и о героях сомнительных телешоу, об авторах видеороликов, развлекающих интернет-аудиторию в угоду

ее невзыскательным вкусом. В условиях возникшего «мегаобщества», т.е. общества социальных сетей, действующих поверх барьеров и границ¹, люди, в отличие от прошлых эпох, когда сначала между собой конкурировали государства, а затем транснациональные корпорации, в глобальном масштабе вступают в конкуренцию друг с другом. Такое новое состояние мира американский журналист Томас Фридман метко назвал «плоским»². Этот мир, в котором в полном смысле слова голос каждого может быть услышан, выглядит как настоящее общество равных возможностей, где стартовые условия не играют никакой роли.

С другой стороны, под влиянием мощных технологических сдвигов и в условиях продолжающейся маркетизации, охватывающей все новые сферы человеческой деятельности, сокращаются рынки труда, падает спрос на многие традиционные профессии. В связи с роботизацией некоторые из них в ближайшие десятилетия и вовсе могут исчезнуть. В связи со снижением спроса на простой и монотонный труд какие-то группы населения будут обречены всю жизнь оставаться без работы. Снова стали быстро увеличиваться разрывы между богатыми и бедными, которые, по оценке лауреата Нобелевской премии по экономике Тома Пикетти, достигли тех же масштабов, что и в начале XX в.³ Происходит численное сокращение среднего класса и одновременно растет ставший глобальным класс сверхбогатых, для которого существует собственная экономика потребления. Авторы различных прогнозов социального развития указывают, что по мере продвижения технологической революции, в частности в биологии, будут возникать новые типы социальных неравенств. Например, богатые, в отличие от других социальных слоев, благодаря достижениям биотехнологий смогут обеспечить себе здоровый образ жизни и долголетие. По мнению выдающегося физика современности Стивена Хокинга, изложенному им в одном из последних интервью, этот процесс может привести к формированию расы «сверхлюдей», которым не будут страшны ни болезни, ни природные катаклизмы, в то время как остальные люди могут погибнуть⁴. Хо-

кинг говорил: «Я уверен, что в этом веке люди научатся изменять как интеллект, так и такие инстинкты, как агрессия. Вероятно, будут приняты законы против генной инженерии человека. Некоторые не смогут сопротивляться искушению изменить свои характеристики, такие как память, иммунитет или продолжительность жизни. Когда появятся такие «сверхлюди», это станет серьезной политической проблемой для неулучшенных людей, которые не смогут конкурировать. Предположительно, они вымрут или потеряют значимость. Вместо них останется раса существ, модифицирующих самих себя все больше и больше».

Таким образом, если в начале XX в. побудительным мотивом «восстания масс», включая «вертикальное вторжение варваров» в политику, стал сам факт расширения «сценического пространства для существования человека», что создало условия для выхода «человека массы» на авансцену общественной и политической жизни, то в начале XXI в. побудительный мотив наблюдаемой политической активизации «человека массы», которая может интерпретироваться как подъем новой волны «вертикального вторжения варваров» в политику, представляется качественно иным. А именно таким мотивом представляется то, что в условиях резкого расширения пространства для существования человека и качественного изменения структуры социальной сферы, которая приобретает немассовый и сетевой характер, «человек массы» ощущает дискомфорт и страх перед новыми условиями жизни. При этом социокультурные разрывы между, казалось бы, доступными для всех возможностями и фактически усиливающимися неравенствами в разных сферах вызывают протест у «человека массы», который как социокультурный тип восстает против такой несправедливости.

Рост популизма как отражение новой волны «вертикального вторжения варваров»

Политические элиты и партийные системы развитых государств оказываются, таким образом, перед вызовами, связанными с новой вертикальной активностью «человека массы», которая может интерпретироваться как подъем новой волны «вертикального вторжения варваров» в политику. Этот подъем объясняется двумя факторами: во-первых, качественными изменениями социальной сферы, приобретающей немассовый и сетевой характер, что порождает у «человека массы» дискомфорт и страх перед новыми условиями своей жизни, во-вторых, также

¹ Кувалдин В.Б. Глобальный мир. Политика. Экономика. Социальные отношения. М.: Изд-во «Весь мир», 2017. С. 62.

² Фридман Т.Л. Плоский мир. Краткая история XXI века. М.: Хранитель, Мидгард, АСТ, 2007.

³ Пикетти Т. Капитал в XXI веке. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016.

⁴ Will robots outsmart us? The late Stephen Hawking answers this and other big questions facing humanity // The Sunday Times. 2018. October 14.

новыми социокультурными разрывами и неравенствами. Важно отметить, что даже в развитых демократиях традиционные политические силы и структуры до сих пор не уделили должного внимания резким и качественным изменениям пространства для существования человека, не предприняли шагов для адаптации публичной власти и властных отношений к изменившимся социальным условиям. Попытки же приостановить усиление социального неравенства, следуя традиционным подходам социал-демократии, с помощью роста налогового бремени на богатых и увеличения государственных расходов, которые были результативными в третьей четверти XX в., в новых условиях стали неэффективными. Партийные системы, политические элиты и институты публичного управления оказались не способными решить эту проблему.

Подобное можно сказать и о многих страдающих от дефицита развития государствах Латинской Америки, в которых попеременное пребывание у власти традиционных левых и правых политических сил не продвинуло эти государства в решении их хронических проблем — отсталости, нищеты, массовой эмиграции.

Именно кризисом демократических политических систем и традиционных партий, не способных эффективно решать сложные проблемы современности, такие как увеличение разрыва между бедными и богатыми, «сжатие» среднего класса, сокращение занятости, неконтролируемый рост миграции, ослабление зависимости элит от общества, большинство аналитиков и склонно объяснять причины нынешнего взлета популизма, угрожающего сложившемуся политическому порядку в развитых государствах¹. С этим мнением трудно не согласиться. Можно лишь добавить, что нынешние политические элиты не способны предложить также привлекательный и реалистичный образ будущего, который учитывал бы происходящие в мире перемены в связи с нынешним этапом социально-технологической революции.

Что же касается благополучных развитых государств, то наряду со снижением эффективности многопартийных систем в решении острых

проблем современного развития существенную роль в росте приверженности популизму и достижении его адептами определенных политических результатов, как представляется, играют и те процессы, которые происходят в социальных глубинах обществ демократических государств. В частности, некоторые исследователи связывают подъем правого популизма в современной Европе с возрождением политической архаики, особенно коммуникативной². Чтобы подтвердить или опровергнуть это предположение, необходим социально-антропологический подход в том его аспекте, который акцентирован на выявление влияния антропологической картины социума на политический процесс.

Не получив ответов на свои запросы и сомнения у традиционных политических сил, «человек массы» восстал против существующей системы политической власти в свойственной ему манере обиженного подростка. Для защиты своей массовидной неотличимости и косной самодостаточности, для того, чтобы оказать сопротивление переходу к новой постиндустриальной цивилизации, разрушающей его привычную среду обитания, он вполне естественно обратился к разновидности правого популизма — национал-популизму, который по своим мировоззренческим установкам, «культурной матрице» наиболее близок типичному восприятию мира «человеком массы». Именно это обстоятельство и послужило главной причиной роста популярности и электоральной поддержки политиков и политических партий, которые в последние годы активно вышли на политическую сцену под знаменами национал-популизма во многих государствах Европы и США.

Успехи популистских политиков и партий вызвали мощную волну интереса к ним со стороны как традиционных политиков, так и исследователей и политических аналитиков. Результатом стало появление обширной литературы, посвященной этой проблематике, в том числе и в России³. При этом возникло расширительное толкование популизма, вклю-

¹ Вайнштейн Г.И. Антиэлитные настроения и подъем популизма в Европе. Прогнозирование социально-политических процессов в странах Запада и в России. М.: ИМЭМО РАН, 2016. С. 46–61; Громько А. «Новый популизм» и становление постбиполярного мирового порядка // Современная Европа. 2016. № 6. С. 5–10; Макаренко Б. Популизм и политические институты: сравнительная перспектива. Популизм как общий вызов / отв. ред. К. Кроуфорд, Б.И. Макаренко, Н.В. Петров. М.: Политическая энциклопедия, 2018. С. 27–36.

² Харкевич М., Музалевский Е., Осколков П. Архаика и современный правый популизм в Европе // Современная Европа. 2016. № 1. С. 59–68.

³ Еремина Н., Середенко С. Правый радикализм в партийно-политических системах современных европейских государств. С.-Петербург: Алетей, 2016; Глухова А.В. Популизм как политический феномен и вызов современной демократии // Полис. Политические исследования. 2017. № 4. С. 49–68; Вайнштейн Г.И. Современный популизм как объект политологического анализа // Полис. Политические исследования. 2017. № 4. С. 69–89; Европейский популизм в конце 2010-х // Мировая экономика и международные отношения. 2018. № 3. С. 29–38; Популизм как общий вызов / отв. ред. К. Кроуфорд, Б.И. Макаренко, Н.В. Петров. М.: Политическая энциклопедия, 2018.

чая и его правонационалистическую разновидность, когда под этим термином начинают понимать большинство нетрадиционных политических сил, не представленных в существующих партийных системах. Такой подход, думается, сформировался под сильным влиянием традиционных политиков, которым выгодно представлять оппонирующие им силы как конкурента, лишённого реалистичной программы действий и расшатывающего в результате необдуманных действий общественно-политическую стабильность.

По нашему мнению, расширительное толкование только отдаляет от понимания сущности популизма. Отличительная особенность этого феномена заключается в том, что он на уровне практической политики пытается воспроизвести упрощённые представления и установки массового сознания, рассматривающего их в качестве наиболее эффективного способа решения общественных проблем, однако реализация их ведёт лишь к дезорганизации и дисфункциональности политических процессов. И если левый популизм ориентирован на идеи равенства, справедливости, социализма разных оттенков, то правый апеллирует к интересам собственника, индивида, а его главные темы — защита национальных интересов, национальной культуры и идентичности (отсюда и другое его название — «национал-популизм»).

Левый популизм характерен, прежде всего, для государств, испытывающих серьёзные социально-экономические проблемы, из которых наиболее болезненными для населения являются резкое падение доходов, низкий уровень жизни, рост социального неравенства, высокий уровень коррупции. Не случайно заметный всплеск левого популизма в последние десятилетия наблюдается в странах Латинской Америки, где он опирается на мощные историко-политические традиции. Его нынешнему всплеску в значительной степени поспособствовал провал попыток неолиберальной модернизации экономики в 1980–1990-е гг., который обернулся ростом нищеты и социальной несправедливости во многих латиноамериканских обществах.

Примерами успеха левого популизма могут служить в рамках так называемого левого поворота в Латинской Америке «радикальные» режимы, к которым относят правящий с 1998 г. в Венесуэле режим Уго Чавеса — Николаса Мадуро, в Боливии режим Эво Моралеса в 2005–2019 гг., с 2006 г. в Никарагуа режим Даниэля Ортеги, который до этого уже был президен-

том 1985–1990 гг., и в Эквадоре режим Рафаэля Корреа, который он возглавлял в 2007–2017 гг.¹ Эти режимы опираются на правящие партии с различными левыми идеологиями, которые провозглашают построение в том или ином виде национального социалистического государства².

В Европе подъём левого популизма затронул государства, относящиеся к южной части континента, поскольку именно они после мирового экономического кризиса 2008–2009 гг. столкнулись с серьёзными проблемами социально-экономического развития — ростом безработицы и бедности, сокращением социальных расходов государства, падением темпов экономического роста и реальных доходов населения. Наибольшего успеха в Южной Европе добилась созданная в Греции в 2004 г. партия СИРИЗА (Коалиция радикальных левых), которая после победы на парламентских выборах в январе 2015 г. возглавила коалиционное правительство под руководством своего лидера Алексиса Ципраса³. Стремительным был взлёт итальянского «Движения 5 звезд», созданного в 2009 г. В 2018 г. на мартовских выборах в парламент это движение заняло второе место после правоцентристской коалиции и в результате долгих переговоров вместе с правопопулистской партией «Лига Севера» сформировало коалиционное правительство. Примером успеха левых популистов в Южной Европе также может служить созданная в Испании в 2014 г. партия «Подemos» (Podemos, «Мы можем!»), которая после парламентских выборов в декабре 2015 г. стала третьей по числу мест в Конгрессе депутатов — нижней палате Генеральных кортесов Испании. Эту позицию партия сохранила и после досрочных выборов в июне 2016 г.⁴ При этом на примере лидера греческой партии СИРИЗА Ципраса можно отметить характерную для популистов всех мастей особенность, которая заключается в том, что после прихода к власти они, как правило, быстро отходят от своих предвыборных обещаний и полностью вписываются в существующую систему.

Но сторонники левого популизма в социальном и социокультурном плане — это либо

¹ Букова И.А. Тенденция регионализации и «левый поворот» в странах Латинской Америки: дисс. ... канд. полит. наук. М.: Научная библиотека диссертаций и авторефератов disserCat, 2011.

² Нисневич Ю.А., Рябов А.В. Современный авторитаризм и политическая идеология // Полис. Политические исследования. 2016. № 4. С. 162–181.

³ Парламентские выборы в Греции // Euronews.

⁴ Выборы в Испании // Euronews.

представители общественных низов в развивающихся государствах, либо разнородные группы в государствах Европы, в силу различных причин испытывающие чувство несправедливости по отношению к ним, особенно в кризисных условиях. Среди них, кстати, могут оказаться и представители новых социальных групп, например прекариата — социальной группы работников с временной или частичной занятостью, которая носит постоянный и устойчивый характер¹. Всех их объединяет стремление к созданию более справедливого общества. В той или иной степени они тяготеют к идеям социализма, но в условиях, когда политические силы, исповедовавшие различные социалистические идеологии XX в., потерпели неудачу в создании такого общества, эти группы становятся добычей левопопулистских политиков, партий и движений. Их активизацию было бы ошибочно квалифицировать как новое вертикальное вторжение варваров.

В государствах с высоким уровнем социально-экономического развития, которые успешно преодолели глобальный кризис 2008–2009 гг., взлет популизма возник по другой причине. Здесь консолидация избирателей вокруг популистских политиков и партий происходит прежде всего на основе негативного отношения к массовым миграциям. К этому в зависимости от специфики того или иного государства или его региона могут добавляться и иные факторы: обида на невнимание правительства к проблемам провинции и традиционных слоев населения, неприязнь к различным меньшинствам, «слишком широкой свободе нравов». Это порождает стремление перераспределить общественные блага в пользу своих граждан, тех, кто «честно работает», а не требует для себя различных выплат из бюджета, льгот и других государственных фондов. Так, появляется запрос на национал-популизм, не приемлющий государственного перераспределения материальных благ в пользу тех, кто этого «не заслужил своим трудом», требующий закрытия своих государств для мигрантов, протекционизма, защиты национального производства от иностранной конкуренции, негативно относящийся к любым формам современной международной интеграции. По содержанию политических установок это, безусловно, правый популизм.

То, что именно правый национал-популизм «оседлал» и возглавил новую волну «вертикального вторжения варваров» в политику,

¹ Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014.

которая поднялась в начале XXI в. во многих демократических государствах Европы и США, обусловлено тем, что такие проявления этой разновидности национализма, как стремление перераспределить общественные блага в пользу «своего» народа и установить этнократию «своей» нации², в существенной мере созвучны одной из наиболее характерных черт «человека массы» — его агрессивной ксенофобии.

Возрастающая популярность у «человека массы» современного правого национал-популизма основывается на предлагаемых им следующих ключевых положениях:

— откровенная или несколько завуалированная ксенофобия по отношению к любым мигрантам, в том числе из государств Восточной Европы;

— негативное отношение к межгосударственным интеграционным процессам, в Европе — к евроинтеграции, вплоть до выхода из Европейского союза (ЕС);

— примат национального государства и общенациональных интересов не только над процессом глобализации, но и над процессом глокализации³.

Современный правый национал-популизм предлагает «человеку массы» готовые и понятные ответы на проблемы, возникающие у людей такого типа в процессе интенсивного постиндустриального расширения «пространства для существования человека». Первые два положения обозначают, кто и что является причиной возникновения таких проблем, указывают на «внешнего врага». Хорошо, что пока еще не указывается «внутренний враг», хотя новый президент США Дональд Трамп уже назвал критикующие его политику либеральные СМИ «врагами американского народа»⁴. Последнее положение предлагает простое, традиционно-консервативное, что принципиально важно для «человека массы», решение всех возникающих у него проблем.

Рост электоральной поддержки правых национал-популистов стал, как представляется, следствием следующих обстоятельств. Во-первых, мирового финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. и последовавшей за ним

² Толковый словарь обществоведческих терминов / Н.Е. Яценко. С.-Петербург: Изд-во «Лань», 1999. С. 253.

³ Глокализация — взаимосвязь процессов глобализации и локализации в сферах экономики, политики и культуры, сочетание глобальных и локальных факторов в развитии территорий (*Robertson R. Globalisation or glocalisation? // Journal of International Communication. 1994. Vol. 1. No. 1. P. 33–52.*)

⁴ Трамп назвал крупные либеральные СМИ врагами американского народа // Радио «Свобода». 2017. 18 февр.

второй волны кризиса 2011–2012 гг.¹ В результате череды кризисов «человек массы» ощутил определенное снижение уровня своего материального обеспечения. Во-вторых, резкого возрастания миграционных потоков, что привело к миграционному кризису в ЕС в 2015 г.² и вызвало у «человека массы» острую ксенофобскую реакцию. Причиной роста количества мигрантов, устремившихся в государства с высоким уровнем социально-экономического развития, стало прежде всего то, что с 2011 г. началось свержение жестких авторитарных режимов в исламских государствах Ближнего Востока и Северной Африки, результатами которого стали дестабилизация положения в некоторых из этих государств (Египет, Ирак) и развязывание кровопролитных гражданских войн (Йемен, Ливия, Сирия). Эти глубокие изменения сопровождались специфическим «восстанием мусульманских масс», отчетливо продемонстрировавших намерение оказать решающее влияние на обновление своих государств³.

О том, что восстание «человека массы» в начале XXI в. представляет собой именно новую волну «вертикального вторжения варваров» под знаменами национал-популизма, наглядно свидетельствует заявление лидера популистского итальянского «Движения 5 звезд» Беппе Грилло в связи с избранием Трампа президентом США: «Именно те, кто рискует, упрямые люди, варвары будут двигать мир вперед. Мы варвары»⁴.

Политические результаты новой волны «вертикального вторжения варваров»

В последние годы правые национал-популистские политики, партии и движения добились заметных успехов в ряде развитых государств. Наиболее значимыми являются Brexit в Великобритании, за который граждане этого государства проголосовали в июне 2016 г., и победа Трампа на выборах президента США в ноябре того же года.

Несколько раньше имела место победа на парламентских выборах 2010 г. в Венгрии коалиции партии «Фидес» и Христианско-демократической народной партии во главе с придерживающимся в значительной мере анти-

либеральных и национал-популистских взглядов Виктором Орбаном, который стал премьер-министром и сохранил эту должность после парламентских выборов 2014 г.⁵ и продолжает сохранять в настоящее время.

Важным событием, оказавшим заметное влияние на европейскую политику, стало вхождение итальянской Лиги Севера в правительство после парламентских выборов марта 2017 г. В отличие от левопопулистского «Движения 5 звезд» эта партия всегда позиционировала себя как выразительница интересов населения наиболее развитых северных регионов Италии, находящихся в бассейне реки По, и объявляла целью своей борьбы их освобождение от бремени ответственности за содержание более отсталых регионов страны. В этом смысле она типологически близка национал-популистским партиям других развитых государств. В развитии в Италии одновременно и левого, и правого популизма проявляется ее специфика как государства, сочетающего элементы как развитого северо-европейского, так и менее развитого южно-европейского капитализма. В последние годы Лига Севера переориентировалась на борьбу с миграциями. Ее лидер Маттео Сальвини, получивший должности вице-премьера и министра внутренних дел, как в силу своей активности на этом посту, так и в силу значимости Италии как одного из крупнейших государств — основателей ЕС, стал превращаться в неформального лидера борьбы европейских правых сил против миграции.

Национал-популистские и правопопулистские партии достигли значительных результатов и в некоторых других европейских государствах.

В Австрии «Партия свободы» по итогам парламентских выборов 2017 г. вошла в двухпартийное правительство страны, в котором возглавила важнейшие министерства — иностранных дел, обороны и внутренних дел. Кроме того, годом раньше, в апреле 2016-го, ее лидер Норберт Хофер вышел во второй тур президентских выборов, победив в первом туре с результатом 36,4% занявшего второе место с результатом 20,4% независимого кандидата, бывшего лидера австрийских «зеленых» Александра Ван дер Беллена. Однако во втором туре 4 декабря он проиграл Ван дер Беллену с результатом 46,4% против 53,6%⁶. При этом Австрию принято считать барометром европейского полити-

¹ Мировой финансово-экономический кризис 2008–2012 годов — это... // ForexAW.com. 2013. November 15.

² Миграционный кризис в Европе в цифрах и графиках // Русская служба BBC. 2016. 19 февр.

³ Malashenko A., Nisnevich Y., Ryabov A. «Vertical Barbarism»: the new wave. Dialogue of Civilizations Research Institute. Berlin, 2017.

⁴ Barber T. Italy and Austria elections keep Europe on edge // Financial Times. 2016. November 7.

⁵ Hungary country profile // BBC News. 2016. December 8.

⁶ Ультраправый кандидат признал поражение на выборах в Австрии // Русская служба BBC. 2016. 4 дек.

ческого процесса. Как писал журналист Питер Шварц: «В Австрии, как в зеркале, европейские правительства видят свое будущее»¹.

В ФРГ после сентябрьских выборов 2017 г. в Бундестаг «Альтернатива для Германии» сформировала третью по численности фракцию в нижней палате парламента и стала главной силой, оппозиционной федеральному правительству. Помимо присутствия в Бундестаге эта партия сегодня представлена во всех 16 земельных парламентах Германии.

Таковую же роль в нижней палате парламента Нидерландов после выборов 2017 г. играет правопопулистская «Партия свободы» во главе с ярким противником иммиграции и евроинтеграции, национал-популистом Гертом Вильдерсом, сформировавшая вторую по численности фракцию. Стремительного успеха в Швеции добилась национал-популистская партия «Шведские демократы», занявшая третье место на парламентских выборах 2018 г. Во Франции лидер «Национального фронта» Марин Ле Пен заняла второе место на президентских выборах в мае 2017 г.

В начале XXI в. рост популярности и электоральной поддержки правых националистических и национал-популистских партий и политиков в Европе происходил плавно и постепенно, но затем в этом процессе произошел заметный скачок, который наглядно отражают данные о возрастающей динамике поддержки популистских сил в различных европейских государствах.

Так, в 1995 г. лидер «Национального фронта» Франции Жан-Мари Ле Пен в первом туре получил 15,00%, в 2002-м — 16,86% в первом туре и 17,79% во втором, в 2007-м — 10,44% в первом туре и не вышел во второй. Однако его дочь, Марин Ле Пен, в 2012 г. в первом туре получила 17,9% и заняла третье место, а в 2017-м — 21,3% и, заняв второе место, вышла во второй тур, где набрала 33,94%, но проиграла выборы².

Всего за один электоральный цикл резко нарастила поддержку избирателей «Альтернатива для Германии». Если на выборах в Бундестаг в 2014 г. за нее отдали голоса 4,7% избирателей, то в 2018-м — уже 12,6%.

В Австрии «Партия свободы» в 2002 г. получила 10,01% голосов, в 2006-м, после раскола, — 11,04%, в 2008-м на досрочных выборах — 17,54%, в 2013-м — 21,4%, а в 2017-м — уже 27,4%.

¹ Адлер К. Правый крен: стал ли в Европе сильнее национализм? // Русская служба BBC. 2016. 28 апр.

² ACE Electoral Knowledge Network.

Резкий рост электоральной поддержки характерен и для партии «Шведские демократы». На парламентских выборах 2006 г. она получила всего 2,9% голосов, в 2010-м — 5,7%, 2014-м — 9,7%, а в 2018-м увеличила число своих сторонников почти вдвое — до 17,5%.

Для того чтобы определить типологический политико-антропологический образ тех, кто голосует за национал-популистских политиков, партии и движения, обратимся к социологическим данным о двух наиболее значимых политических результатах новой волны «вертикального вторжения варваров» в политику.

Первый — это выход Великобритании из ЕС, так называемый Brexit, который осуществляется в соответствии с результатами референдума 2016 г., когда за выход из ЕС высказались 51,9% граждан из 72,2% принявших участие в голосовании, что составляет меньше половины (37,5%) всех граждан Великобритании³.

Следует отметить, что это политическое событие состоялось только благодаря современной демократии. Во-первых, было использовано такое высшее непосредственное выражение власти народа, такой механизм прямой демократии, как референдум. А во-вторых, премьер-министр Дэвид Кэмерон в духе подлинной демократии выполнил свое предвыборное обещание провести референдум о членстве Великобритании в ЕС, данное им перед парламентскими выборами, которые состоялись в мае 2015 г.⁴, несмотря даже на резкое обострение миграционного кризиса в Европе, что существенным образом сказалось на результатах референдума.

Социологические данные экзитпола, проведенного в день референдума, 23 июня 2016 г., лордом Ашкрофтом (*Lord Ashcroft*)⁵, и результаты исследования Фонда Джозефа Роунтри (*The Joseph Rowntree Foundation*) на основе данных сайта «Исследование британских выборов» (*The British Election Study (BES)*), также включающих данные экзитпола в день референдума⁶, дают возможность выявить трендовый политико-антропологический образ сторонников Brexit.

Преимущественно это белый британский мужчина из возрастных групп старше 45 лет, особенно старше 65 лет, с уровнем образования не выше аттестата об окончании сред-

³ EU Referendum. Results // BBC News.

⁴ Wheeler B. The David Cameron story // BBC News. 2016. September 12.

⁵ Lord Ashcroft. How the United Kingdom voted on Thursday... and why // LordAshcroftPolls.com. 2016. June 24.

⁶ Goodwin M., Heath O. Brexit vote explained: poverty, low skills and lack of opportunities // The Joseph Rowntree Foundation. 2016. August 31.

ней школы, проживающий в депрессивных населенных пунктах, в которых имеет место низкий уровень доходов, образования и профессиональной квалификации, мало возможностей для продвижения, неразвита постиндустриальная и конкурентная экономика. Сторонники Brexit в основном заняты на не очень квалифицированной работе, многие неполный рабочий день или не имеют постоянной работы, уровень их семейного дохода не превышает 20 тысяч фунтов в год, они недовольны уровнем государственной поддержки их потребностей и плохо адаптировались к постиндустриальной экономике и глобализации, придерживаются консервативных политических взглядов, выступают против гендерного равенства, свободы нетрадиционных ориентаций, иммиграции и глобализации, сторонники жестких судебных приговоров и смертной казни.

Следует отметить, что во время референдума о выходе Великобритании из ЕС проявился такой достаточно неожиданный феномен, как английский национализм, хотя до этого было известно исключительно о шотландском и ирландском национализме. Так, 79% из тех, кто проголосовал за выход из ЕС, заявили, что считают себя англичанами, а не британцами. При этом Шотландия (62% — против) и Северная Ирландия (56% — против) в целом проголосовали против выхода из ЕС, а Англия (54% — за) и Уэльс (52,5% — за) в целом проголосовали за выход. Это создает дополнительное межнациональное напряжение, осложнение отношений между составными частями Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии.

Приведенные результаты позволяют с достаточной степенью достоверности констатировать, что трендовый политико-антропологический образ тех, кто проголосовал за выход Великобритании из ЕС, в существенной мере коррелирует с типологией «человека массы», описанной Ортегой-и-Гассетом.

Второй значимый политический результат новой волны «вертикального вторжения варваров» в политику — это избрание 8 ноября 2016 г. президентом США Дональда Трампа.

Это событие состоялось только благодаря четкому соблюдению установленных в США порядков и правил современной представительной демократии, которая при таких условиях, как писал американский политолог Адам Пшеворский, есть «система упорядоченной неограниченности или организованной

неопределенности»¹. Именно организованная неопределенность, прежде всего результатов избирательного процесса, таит главную внутреннюю угрозу демократии самой себе — к власти могут прийти те, кто ради достижения собственных целей может уничтожить демократию. И такое уже не раз происходило в истории XX в. в результате «вертикального вторжения варваров» в политику под предводительством национал-популистов.

Социологические данные экзитпола, проведенного в день голосования на президентских выборах 8 ноября 2016 г. компанией CNN², дают возможность выявить трендовый политико-антропологический образ тех, кто проголосовал за Трампа.

Преимущественно это белый мужчина старше 45 лет без высшего образования, семейный, проживающий в сельской местности или пригородах, в основном со средним доходом, составляющим от 50 до 200 тысяч долларов в год (голоса 10% избирателей с доходами выше 200 тысяч разделились почти поровну между Хиллари Клинтон и Дональдом Трампом). Он придерживается консервативной идеологии, приверженец одной из евангелических церквей, посещающий церковь чаще раза в месяц. Он считает, что основными угрозами, стоящими перед США, являются иммиграция и терроризм, что работающих в стране нелегальных иммигрантов надо высылать, а система международной торговли лишает американских граждан рабочих мест. Он также рассержен и неудовлетворен работой федерального правительства, считает, что национальная экономика находится в плохом состоянии и страна движется в неверном направлении.

Приведенные результаты позволяют с достаточной степенью достоверности констатировать, что трендовый образ тех, кто голосовал на президентских выборах в США за Трампа, имеет много общего с трендовым политико-антропологическим образом тех, кто проголосовал за выход Великобритании из ЕС, и также в существенной мере коррелирует с типологией «человека массы».

Трендовые образы сторонников Brexit и президента Трампа во многом подтверждают то, что побудительным мотивом подъема новой волны «вертикального вторжения варваров» в политику действительно стало появившееся

¹ Пшеворский А. Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. М.: РОС-СПЭН, 2000. С. 31.

² CNN Politics. Exit Polls // CNN. 2016. November 23.

у «человека массы» ощущение дискомфорта и страха перед новыми условиями жизни, а также недостаточного внимания и заботы о нем со стороны государства.

Схожие по своей природе процессы наблюдаются и в странах континентальной Европы, хотя здесь они пока и не привели к столь же значимым по своим последствиям результатам.

В этом плане показательными являются также данные социологического опроса, проведенного во Франции накануне второго тура президентских выборов 4–6 мая 2017 г. совместно компаниями Ipsos и Sopra Steria¹, которые дают возможность выявить трендовый политико-антропологический образ тех, кто проголосовал за Ле Пен.

Преимущественно это мужчина в возрасте от 25 до 50 лет с образованием не выше среднего, проживающий в сельской местности, по профессии рабочий или служащий, который в настоящее время является мелким частным предпринимателем или безработным, придерживается правых или крайне правых взглядов, имеет среднемесячный доход до 2 тысяч евро и испытывает трудности с семейным бюджетом.

Приведенные результаты позволяют с достаточной степенью достоверности констатировать, что трендовый образ тех, кто голосовал за Ле Пен, имеет много общего с трендовыми политико-антропологическими образами тех, кто проголосовал за выход Великобритании из ЕС и за президента США Трампа, и в существенной мере коррелирует с типологией «человека массы».

Заключение

Начало эпохи постиндустриального транзита в развитых странах Запада объективно создало новые условия для социокультурных разрывов между новыми возможностями для современного «человека массы» и его готовностью адаптироваться к жизни, открывающей такие возможности. Эта новая цивилизационная реальность в значительной мере ведет к разрушению привычной для «человека массы» среды существования с ее определенностью и предсказуемостью. Результатом становится новое «восстание масс», которое, имея под собой глубокие политико-антропологические и социокультурные основания, привело в сфере политики к взлету популистских партий и движений.

При этом, как представляется, отличие не

¹ Election présidentielle 2017. 2-nd tour: sociologie des électeurs et profil des abstentionnistes // Ipsos. Sopra Steria. 2017. Mai 7.

столь значимых результатов новой волны «вертикального вторжения варваров» в континентальной Европе от того, что эта волна принесла Великобритании и США, объясняется следующими соображениями.

В XX в. государства континентальной Европы перенесли в тяжелых формах (фашизм, национал-социализм, франкизм и т.д.) болезнь крайне правого национализма и национал-популизма, и в обществах этих государств в определенной мере выработалась сопротивляемость данному явлению. Поэтому новая эпидемия правого национал-популизма в начале XXI в. не привела к очень серьезным последствиям для политического здоровья этих государств, хотя и спровоцировала заметный воспалительный процесс.

Государства англосаксонской группы не переболели в XX в. болезнью правого национал-популизма в тяжелых формах, и в обществах этих государств не выработались достаточно эффективные защитные механизмы для противостояния такому явлению. Поэтому новая эпидемия правого национал-популизма в начале XXI в. привела там к значимым политическим последствиям. Но учитывая то, что в этих государствах демократические политические системы являются в существенной мере устойчивыми и саморегулирующимися, достигнутые новой волной «вертикального вторжения варваров» в политику под предводительством правых национал-популистов политические результаты не могут существенно повлиять и качественно изменить правящие политические режимы. Можно ожидать, что пришедшие к власти в государствах англосаксонской группы правые национал-популисты либо без особых эксцессов встроятся в действующие демократические политические системы, либо будут так или иначе вытеснены за пределы публичной власти.

Список литературы

1. Адлер К. Правый крен: стал ли в Европе сильнее национализм? // Русская служба BBC. 2016. 28 апр. URL: http://www.bbc.com/russian/international/2016/04/160428_europe_far_right_lurching_analysis (дата обращения: 10.09.2019).
2. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М.: Культурная революция, Республика, 2006. 269 с.
3. Большой энциклопедический словарь.

- М.: ООО «Издательство АСТ», ООО «Издательство Астраль», 2003. 1247 с.
4. Букова И.А. Тенденция регионализации и «левый поворот» в странах Латинской Америки: дисс. ... канд. полит. наук. М.: Научная библиотека диссертаций и авторефератов disserCat, 2011. URL: <http://www.dissercat.com/content/tendentsiya-regionalizatsii-i-levyi-povorot-v-stranakh-latinskoi-ameriki> (дата обращения: 10.09.2019).
  5. Вайнштейн Г.И. Антиэлитные настроения и подъем популизма в Европе. Прогнозирование социально-политических процессов в странах Запада и в России. М.: ИМЭМО РАН, 2016. С. 46–61.
  6. Вайнштейн Г.И. Европейский популизм в конце 2010-х // Мировая экономика и международные отношения. 2018. № 3. С. 29–38.
  7. Вайнштейн Г.И. Современный популизм как объект политологического анализа // Полис. Политические исследования. 2017. № 4. С. 69–89.
  8. Выборы в Испании // Euronews. URL: <http://ru.euronews.com/tag/spanish-elections> (дата обращения: 10.09.2019).
  9. Глухова А.В. Популизм как политический феномен и вызов современной демократии // Полис. Политические исследования. 2017. № 4. С. 49–68.
  10. Государство всеобщего благоденствия. Политика. Толковый словарь / Д. Андерхилл, С. Барретт, П. Бернелл, П. Бернем, и др. Общая ред.: д.э.н. И.М. Осадчая. М.: «ИНФРА-М». Изд-во «Весь мир», 2001. URL: <http://niv.ru/doc/dictionary/politics/fc/slovar-223.htm#zag-1143> (дата обращения: 10.9.2019).
  11. Громыко А. «Новый популизм» и становление постбиполярного мирового порядка // Современная Европа. 2016. № 6. С. 5–10.
  12. Еремичева Н., Середенко С. Правый радикализм в партийно-политических системах современных европейских государств. С.-Петербург: Алетейя, 2016. 302 с.
  13. Кондрашов П. Постфордистский поворот: Глобальная альтернатива или проект для избранных? // Свободная мысль. 2016. № 2. С. 197–212.
  14. Концепция «общества знания» в современной социальной теории: сб. науч. трудов. М.: РАН, ИНИОН, 2010. 234 с.
  15. Кувалдин В.Б. Глобальный мир. Политика. Экономика. Социальные отношения. М.: Изд-во «Весь мир», 2017. 400 с.
  16. Макаренко Б. Популизм и политические институты: сравнительная перспектива. Популизм как общий вызов / отв. ред. К. Кроуфорд, Б.И. Макаренко, Н.В. Петров. М.: Политическая энциклопедия. 2018. С. 27–36.
  17. Миграционный кризис в Европе в цифрах и графиках // Русская служба BBC. 2016. 19 февр. URL: http://www.bbc.com/russian/international/2016/02/160219_migrant_crisis_charts (дата обращения: 10.09.2019).
  18. Мировой финансово-экономический кризис 2008–2012 годов — это... // ForexAW.com. 2013. 15 нояб. URL: http://forexaw.com/TERMs/Exchange_Economy/Macroeconomic_indicators/Employment/11530 (дата обращения: 10.09.2019).
  19. Нисневич Ю.А., Рябов А.В. Современный авторитаризм и политическая идеология // Полис. Политические исследования. 2016. № 4. С. 162–181.
  20. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. 509 с.
  21. Парламентские выборы в Греции // Euronews. URL: <http://ru.euronews.com/tag/greece-general-election> (дата обращения: 10.09.2019).
  22. Пикетти Т. Капитал в XXI веке. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. 592 с.
  23. Популизм как общий вызов / отв. ред. К. Кроуфорд, Б.И. Макаренко, Н.В. Петров. М.: Политическая энциклопедия, 2018. 127 с.
  24. Пшеворский А. Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. М.: РОССПЭН, 2000. 320 с.
  25. Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. 328 с.
  26. Толковый словарь обществоведческих терминов / Н.Е. Яценко. С.-Петербург: Изд-во «Лань», 1999. 528 с.
  27. Тоффлер Э. Третья волна. М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. 781 с.
  28. Трамп назвал крупные либеральные СМИ врагами американского народа // Радио «Свобода». 2017. 18 февр. URL: <http://www.svoboda.org/a/28316921.htm> (дата обращения: 10.09.2019).
  29. Ультраправый кандидат признал поражение на выборах в Австрии // Русская служба BBC. 2016. 4 дек. URL: http://www.bbc.com/russian/international/2016/12/161204_australia_election_winner

- www.bbc.com/russian/news-38202728 (дата обращения: 10.09.2019).
30. Фридман Т.Л. Плоский мир. Краткая история XXI века. М.: Хранитель, Мидгард, АСТ, 2007. 608 с.
  31. Харкевич М., Музалевский Е., Осколков П. Архаика и современный правый популизм в Европе // Современная Европа. 2016. № 1. С. 59–68.
  32. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2016. 208 с.
  33. ACE Electoral Knowledge Network. URL: <http://aceproject.org/> (дата обращения: 10.09.2019).
  34. Barber T. Italy and Austria elections keep Europe on edge // Financial Times. 2016. November 7. URL: <https://www.ft.com/content/653bf54c-ac1f-11e6-ba7d-76378e4fef24> (дата обращения: 10.09.2019).
  35. CNN Politics. Exit Polls // CNN. 2016. November 23. URL: <http://edition.cnn.com/election/results/exit-polls> (дата обращения: 10.09.2019).
  36. Election présidentielle 2017. 2-nd tour: sociologie des électeurs et profil des abstentionnistes // Ipsos. Sopra Steria. 2017. Mai 7. URL: http://www.ipsos.fr/sites/default/files/doc_associe/ipsos_sopra_steria_sociologie_des_electorats_7_mai_20h15_0.pdf (дата обращения: 10.09.2019).
  37. EU Referendum. Results // BBC News. URL: http://www.bbc.com/news/politics/eu_referendum/results (дата обращения: 10.09.2019).
  38. Goodwin M., Heath O. Brexit vote explained: poverty, low skills and lack of opportunities // The Joseph Rowntree Foundation. 2016. August 31. URL: <https://www.jrf.org.uk/report/brexit-vote-explained-poverty-low-skills-and-lack-opportunities> (дата обращения: 10.09.2019).
  39. Hungary country profile // BBC News. 2016. December 8. URL: <http://www.bbc.com/news/world-europe-17380792> (дата обращения: 10.09.2019).
  40. Lord Ashcroft. How the United Kingdom voted on Thursday... and why // LordAshcroftPolls.com. 2016. June 24. URL: <http://lordashcroftpolls.com/2016/06/how-the-united-kingdom-voted-and-why/> (дата обращения: 10.09.2019).
  41. Malashenko A., Nisnevich Y., Ryabov A. “Vertical Barbarism”: the new wave. Dialogue of Civilizations Research Institute. Berlin, 2017. URL: <https://doc-research.org/en/vertical-barbarism-new-wave/> (дата обращения: 10.09.2019).
  42. Robertson R. Globalisation or glocalisation? // Journal of International Communication. 1994. Vol. 1. No. 1. P. 33–52.
  43. Wheeler B. The David Cameron story // BBC News. 2016. September 12. URL: <http://www.bbc.com/news/uk-politics-eu-referendum-36540101> (дата обращения: 10.09.2019).
  44. Will robots outsmart us? The late Stephen Hawking answers this and other big questions facing humanity // The Sunday Times. 2018. October 14. URL: <https://www.thetimes.co.uk/magazine/the-sunday-times-magazine/stephen-hawking-ai-will-robots-outsmart-us-big-questions-facing-humanity-q95gdtq6w> (дата обращения: 10.09.2019).

РОССИЙСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В ЗЕРКАЛЕ ЭМПИРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Денис ВОЛКОВ
Степан ГОНЧАРОВ

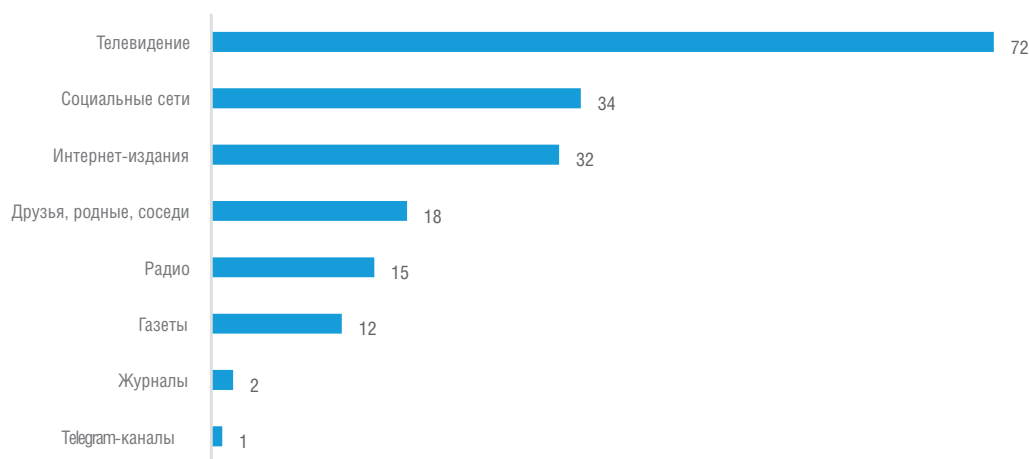
Российский медиаландшафт-2019: телевидение, пресса, Интернет и социальные сети¹

Основные источники информации

Телевидение по-прежнему остается основным источником информации для большинства россиян, но его аудитория постепенно снижается. Если 10 лет назад информацию по телевидению получали 94% россиян, то сегодня

таких 72%. Реже всего получают новости по телевидению самые молодые: 42% (среди россиян до 25 лет) против 93% (65 лет и старше). У молодежи роль главного источника информации сегодня играет не телевидение, а социальные сети.

Рисунок 1
ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ ИНФОРМАЦИИ

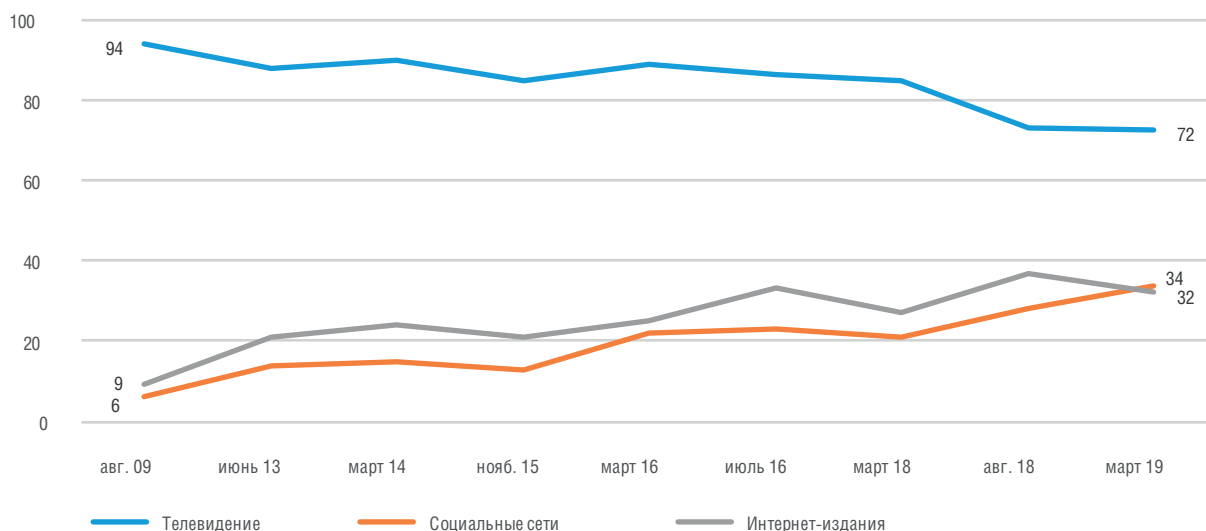

Вопрос: «Откуда вы чаще всего узнаете о новостях в стране и в мире?», март 2019 г.

¹ Очередной — третий — отчет «Российский медиаландшафт» показывает ряд изменений, которые произошли с потреблением новостей за последние 10–20 лет: продолжающийся постепенный упадок телевидения, ускоряющийся рост значения Интернета, социальных сетей и видеоблогов. Цель работы — анализ источников, из которых формируется картина мира российских граждан. Предыдущие отчеты (2014 и 2017 гг.), посвященные этой теме, доступны на сайте «Левада-Центра» в разделе «Аналитические отчеты».

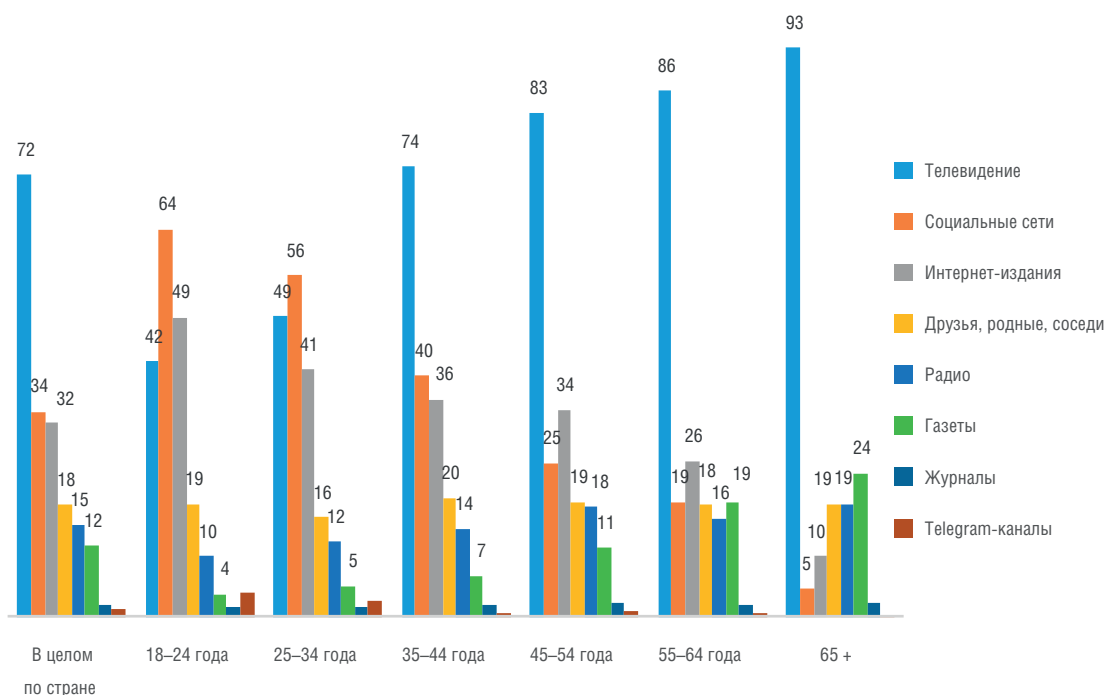
Такие традиционные каналы информации, как радио и газеты, за 10 лет сократили свои аудитории более чем в 2 раза. Часто их используют для получения новостей лишь 15 и 12% соответственно, и это прежде всего россияне старших возрастов. При этом в начале 1990-х гг. центральные газеты имели аудиторию, сопоставимую с

Рисунок 2
ОТКУДА ВЫ ЧАЩЕ ВСЕГО УЗНАЕТЕ О НОВОСТЯХ В СТРАНЕ И В МИРЕ?

В 2009 г. вместо варианта «социальные сети» предлагался вариант «иные источники Интернета».

Рисунок 3
ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ ПОЛУЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ВОЗРАСТА

Вопрос: «Откуда вы чаще всего узнаете о новостях в стране и в мире?», март 2019 г.

телевизионной. Наиболее популярными изданиями на протяжении последних лет являются «Аргументы и факты» (10%), «Комсомольская правда» (8%), «Российская газета» (5%), «Известия» и «Московский комсомолец» (по 4%). Деловые издания, такие как «Коммерсантъ» и «Ведомости», имеют аудиторию примерно 1–2% россиян. При этом РБК имеет большую аудито-

рию за счет сайта (около 4%) и телеканала (также 4%), а не газеты РБК Daily (1%).

Новыми источниками информации об окружающем мире становятся видеоблоги и видеоблогеры. Около трети россиян смотрят их раз в неделю или чаще (в том числе 7% смотрят ежедневно), а среди самых молодых россиян, до 25 лет, — две трети (в том числе 19% смотрят еже-

Рисунок 4
ОТКУДА ВЫ ЧАЩЕ ВСЕГО УЗНАЕТЕ О НОВОСТЯХ В СТРАНЕ И В МИРЕ? (Динамика в группе 18-24 года)

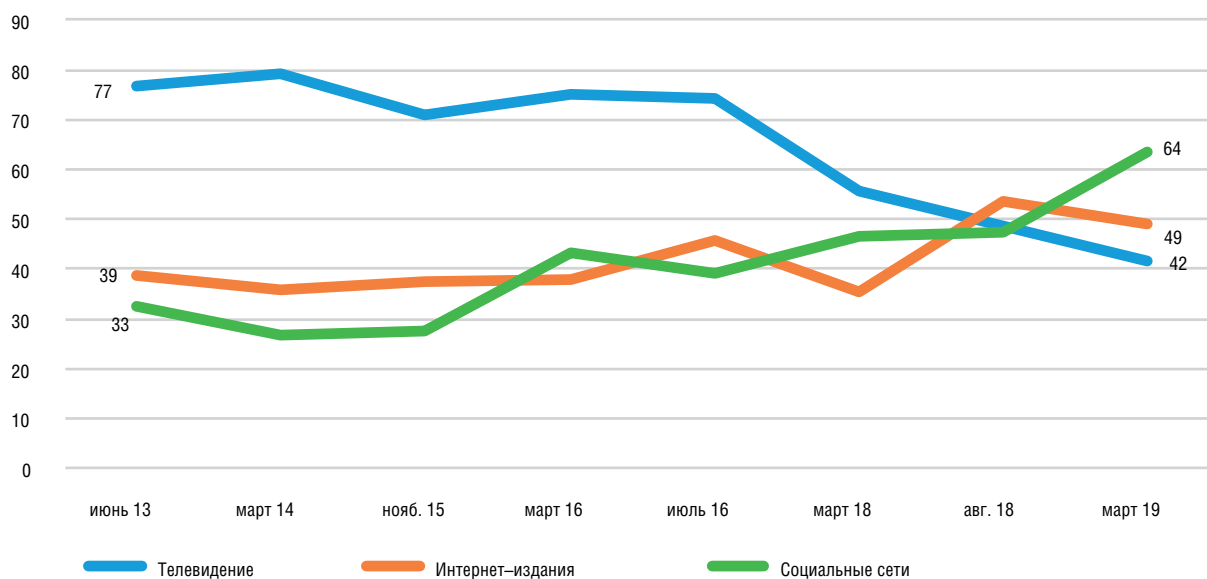
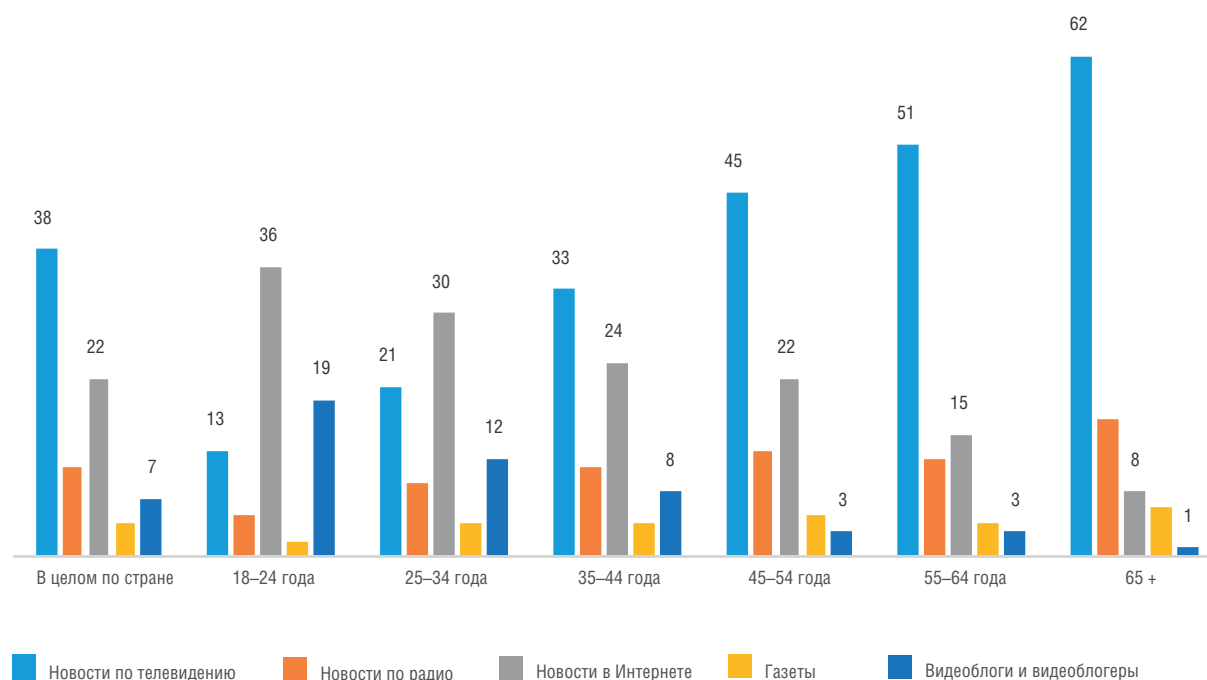

Рисунок 5
РЕГУЛЯРНЫЕ ИСТОЧНИКИ НОВОСТЕЙ: ЕЖЕДНЕВНО СМОТРЯТ, ЧИТАЮТ, СЛУШАЮТ...

Ответы на вопросы: «Как часто вы смотрите новости по телевидению?», «Как часто вы слушаете новости по радио?», «Как часто вы читаете новости в Интернете?», «Как часто вы читаете газеты?», «Как часто вы смотрите видеоблоги и видеоблогеров?». Приводятся только варианты ответов «Ежедневно, по несколько раз в день», март 2019 г.

дневно). Telegram-каналы являются регулярным источником новостей примерно для 1% россиян.

Изменения наиболее заметны среди самых молодых опрашиваемых россиян (18–24 года). В этой возрастной группе происходит явный рост интереса к интернет-источникам (2013 г.:

39%; 2019 г.: 49%) и еще более существенное укрепление социальных сетей (2013 г.: 33%; 2019 г.: 64%). Вместе с тем телевидение стремительно сдает позиции: за шесть лет число респондентов, чаще всего получающих новости из ТВ, снизилось с 77 до 42%.

Доверие источникам информации

Доверие к телевидению как источнику новостей последние несколько лет колеблется вокруг 55%. Однако 10 лет назад эта цифра была на треть выше — почти 80%. Доверие к телевидению сохраняют прежде всего люди старше 35 лет. Кроме того, в 2018 г. заметно снизилось доверие россиян к тому, как телевидение освещает отдельные темы, прежде всего экономические. Сегодня более половины россиян считают, что освещение телеканалами положения дел в экономике «не соответствует действительности».

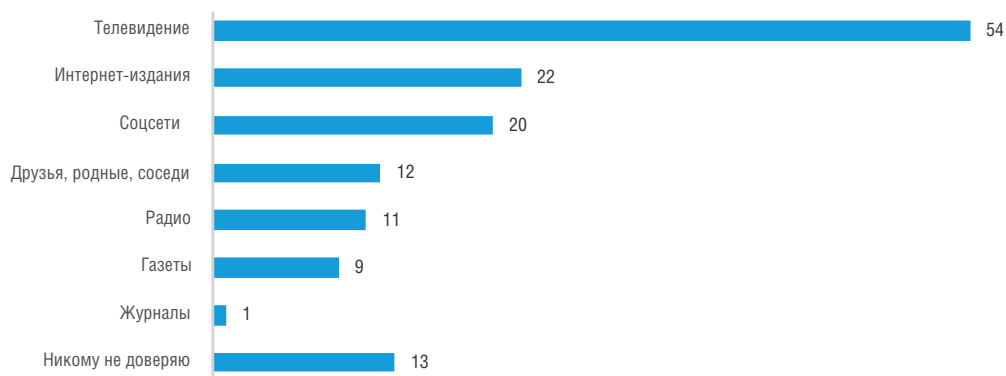
Уровень доверия к телевидению имеет нелинейную динамику. Зачастую телевидение представляется респондентами зависимым от государства каналом информации, поэтому

уровень доверия к нему связан с одобрением деятельности руководства страны и положением дел в стране. Опросы «Левада-Центра» фиксировали снижение уровня доверия в 2018 г. (до 49%) и небольшую коррекцию до 54% по состоянию на март 2019 г.

Доверие россиян к интернет-ресурсам и социальным сетям растет. За 10 лет регулярных измерений оно выросло в 3–4 раза и сегодня колеблется вокруг 20%. Самые молодые россияне доверяют социальным сетям больше, чем телевидению, прежде всего потому, что телевидение они смотрят мало. Россияне старших возрастов совершенно не доверяют Интернету и социальным сетям, прежде всего потому, что ими не пользуются.

Рисунок 6

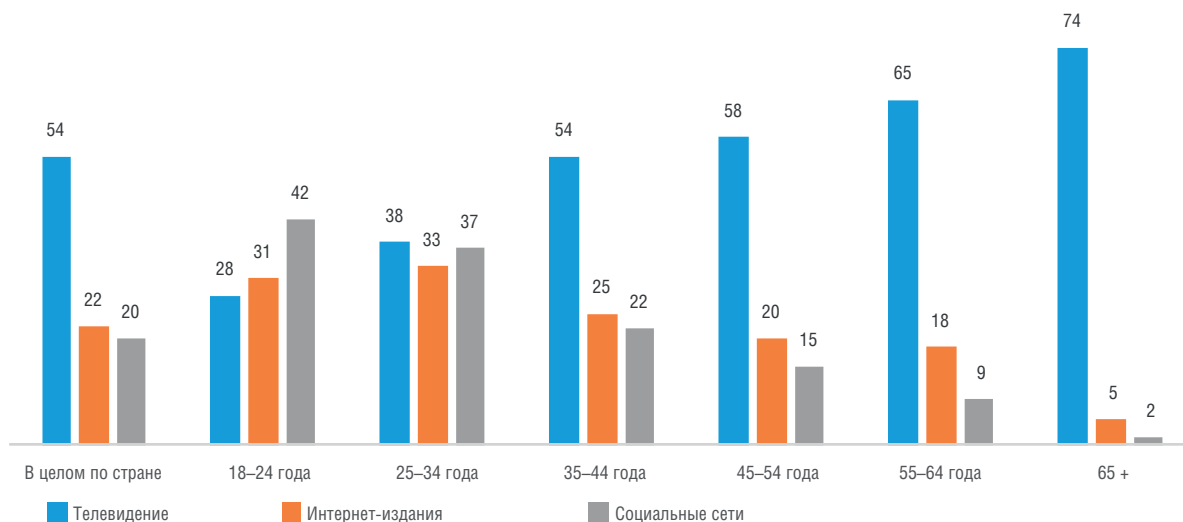
ДОВЕРИЕ ИСТОЧНИКАМ ИНФОРМАЦИИ

Вопрос: «Каким источникам вы более всего доверяете в освещении событий в стране и в мире?».

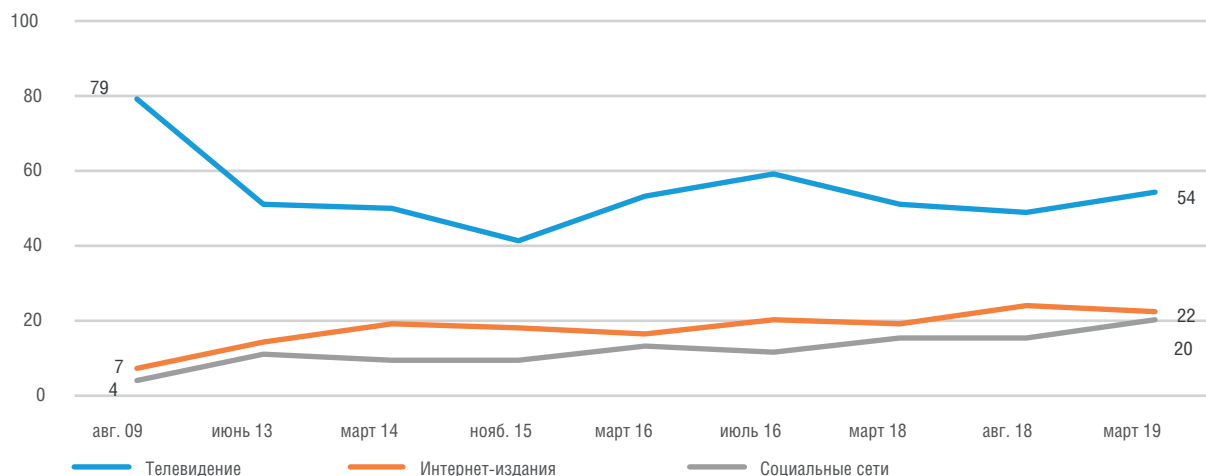
Рисунок 7

ДОВЕРИЕ ТРЕМ ОСНОВНЫМ ИСТОЧНИКАМ ИНФОРМАЦИИ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ВОЗРАСТА РЕСПОНДЕНТОВ

Вопрос: «Каким источникам вы более всего доверяете в освещении событий в стране и в мире?», март 2019 г.

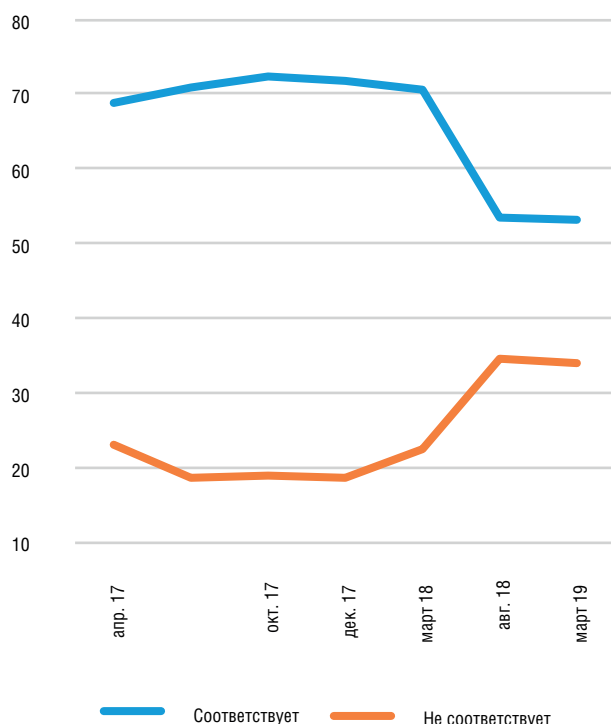
Рисунок 8
ДОВЕРИЕ ОСНОВНЫМ ИСТОЧНИКАМ ИНФОРМАЦИИ

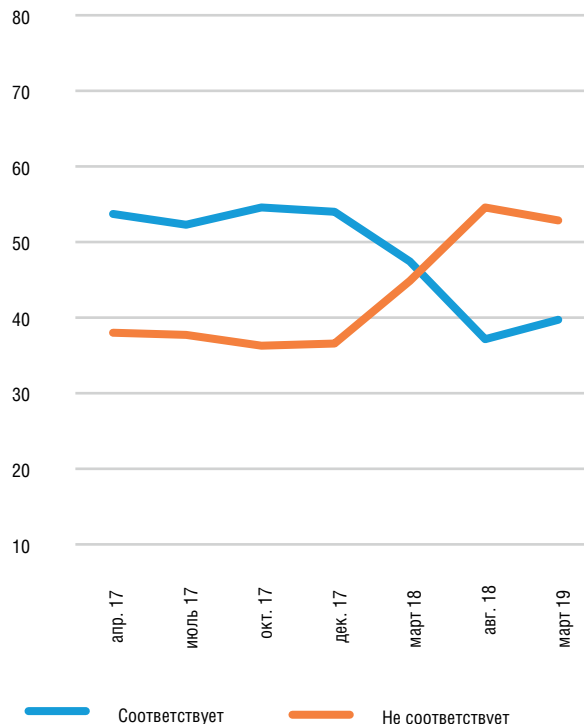
Вопрос: «Каким источникам вы более всего доверяете в освещении событий в стране и в мире?».

Рисунок 9
НАСКОЛЬКО СООТВЕТСТВУЕТ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ ТО, КАК ТВ В РОССИИ ОСВЕЩАЕТ...

...внешнюю политику

...состояние экономики

Телеканалы, газеты, интернет-сайты

Среди основных телеканалов, которые являются для россиян источниками новостей, сегодня по-прежнему лидируют «Россия-1» (48%) и «Первый канал» (47%). За ними с некоторым отрывом следуют НТВ (36%), «Россия-24» (31%) и Рен ТВ (17%). Небольшую аудиторию имеют телеканал «Культура» (5%) и РБК ТВ

(4%), а также телеканалы типа «Спаса» (2%), Euronews (2%) и «Дождя» (1%).

Наиболее заметные изменения произошли в уровне популярности «Первого канала»: за год число респондентов, назвавших его в перечне регулярно просматриваемых, снизилось с 72 до 47%. Снизилась популярность и других наиболее известных телеканалов: «России-1» —

с 57 до 48%, НТВ — с 44 до 36%, «России-24» — с 38 до 31%.

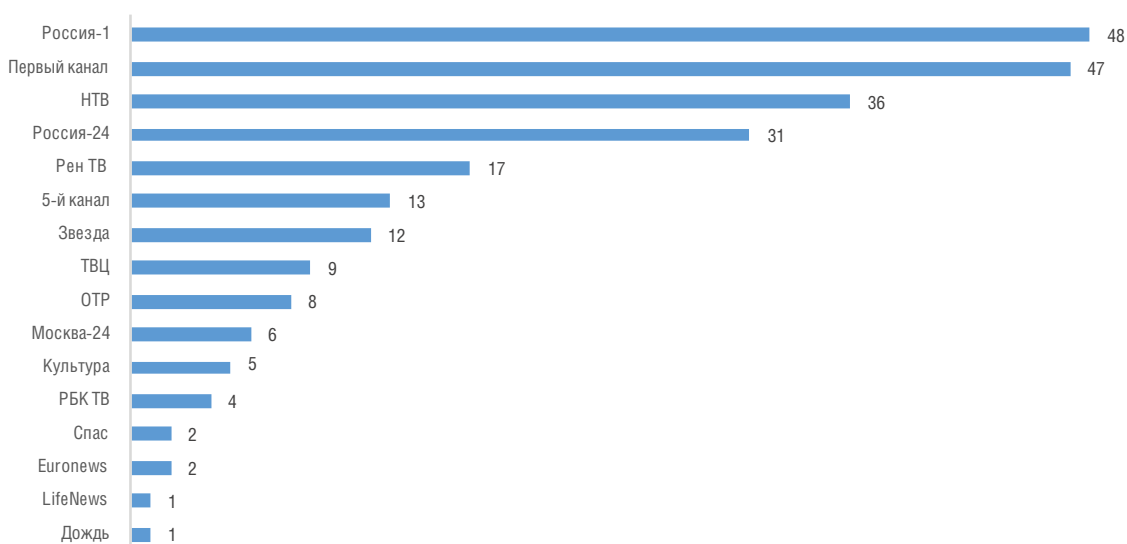
Опросы фиксируют рост популярности интернет-источников новостей: декларируемое использование «Яндекс.Новостей» выросло с 29% в 2018 г. до 39% в марте 2019 г. Традиционно вторую и третью позицию по популярности занимают «Новости Mail.ru» (15%) и Лента.ру (10%). Схожая динамика и в потреблении других основных источников интернет-новостей.

Среди журналистов наибольшее доверие у россиян вызывают ведущие популярных телевизионных ток-шоу и новостных передач как наиболее массовых программ: Владимир Соло-

вьев (23%), Андрей Малахов (11%), Владимир Познер, Андрей Норкин, Ольга Скабеева (по 6%), Дмитрий Киселев (5%) — таковы ответы на открытый вопрос, в котором респонденты сами называли фамилии журналистов.

Приблизительная совокупная аудитория независимых СМИ, которые регулярно публикуют точки зрения, отличные от официальной, на сегодняшний день составляет примерно 35% россиян (при этом только 6% регулярно используют сразу несколько независимых источников). В крупнейших городах эти цифры приближаются к 50% (в том числе 16% москвичей используют несколько независимых источников). Из предыдущих исследований мы знаем,

Рисунок 10
НОВОСТИ НА КАКИХ ТЕЛЕКАНАЛАХ СМОТРЯТ

Вопрос: «Смотрите ли вы новостные передачи следующих телевизионных каналов и, если да, новости каких каналов вы смотрите более или менее регулярно, в том числе в Интернете?», март 2019 г.

Рисунок 11
ТОП-5 ТЕЛЕКАНАЛОВ В ДИНАМИКЕ

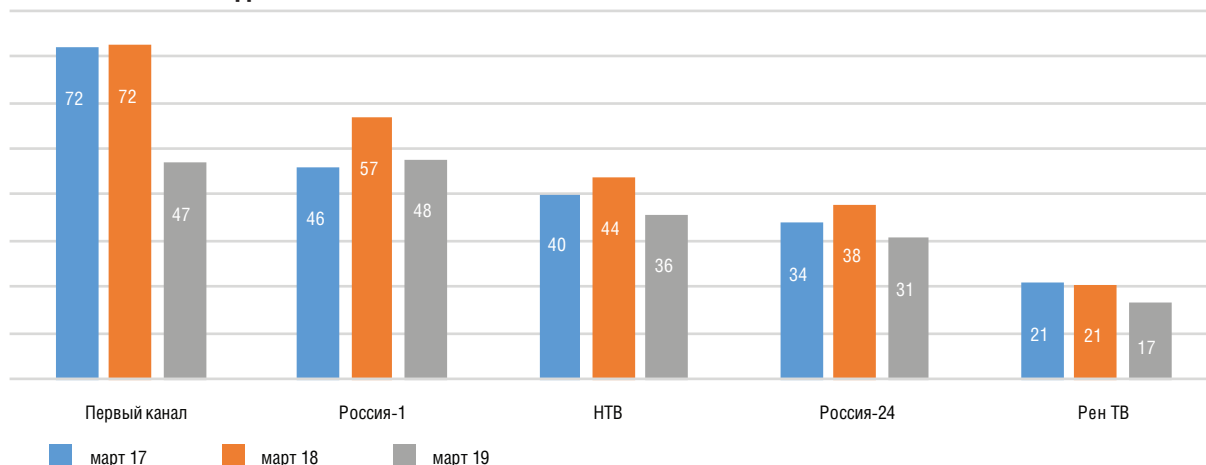
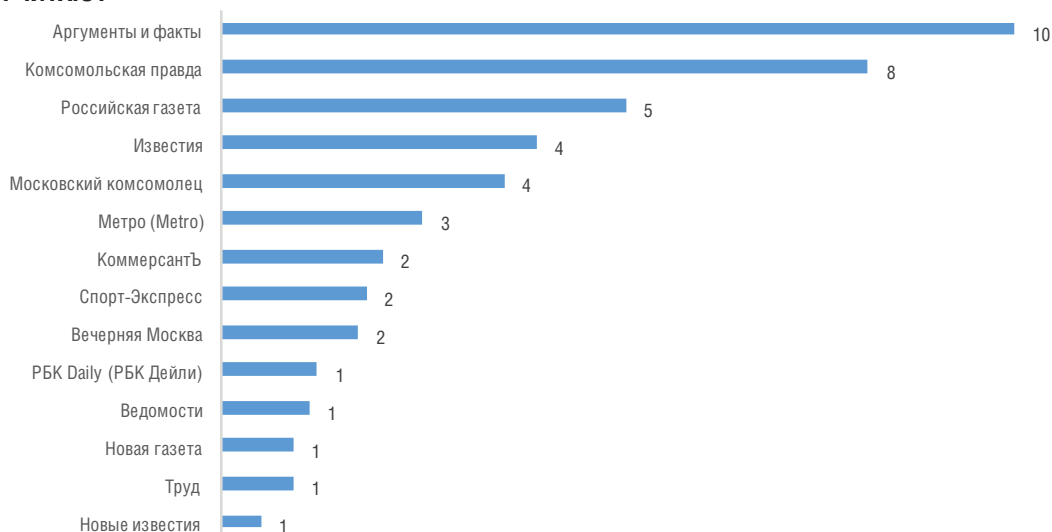
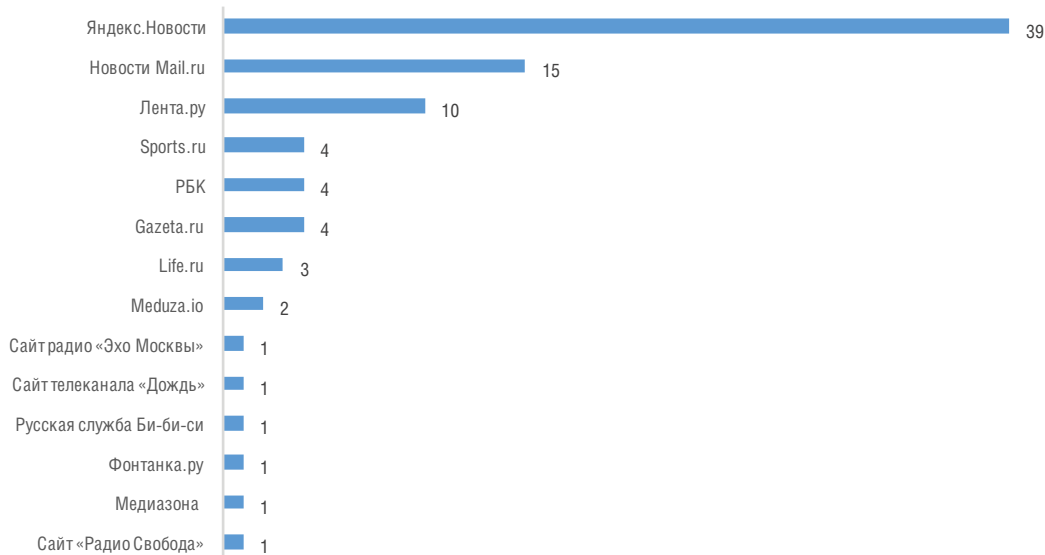

Рисунок 12
КАКИЕ ГАЗЕТЫ ЧИТАЮТ

Вопрос: «Какие из следующих газет вы читаете более или менее регулярно, в том числе в Интернете и через мобильные приложения?», март 2019 г.

Рисунок 13
ПОПУЛЯРНОСТЬ ИНТЕРНЕТ-ИЗДАНИЙ

Вопрос: «Посещаете ли вы более или менее регулярно следующие интернет-сайты?», март 2019 г.

Рисунок 14
ПОСЕЩЕНИЕ ПОПУЛЯРНЫХ ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСОВ

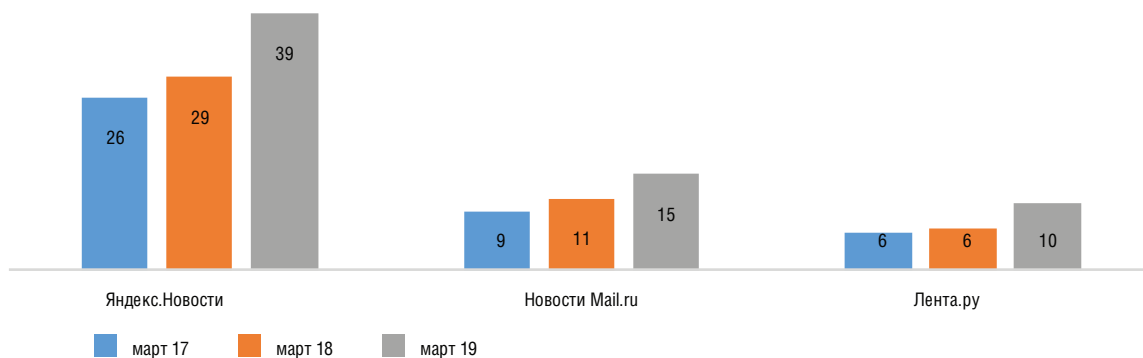
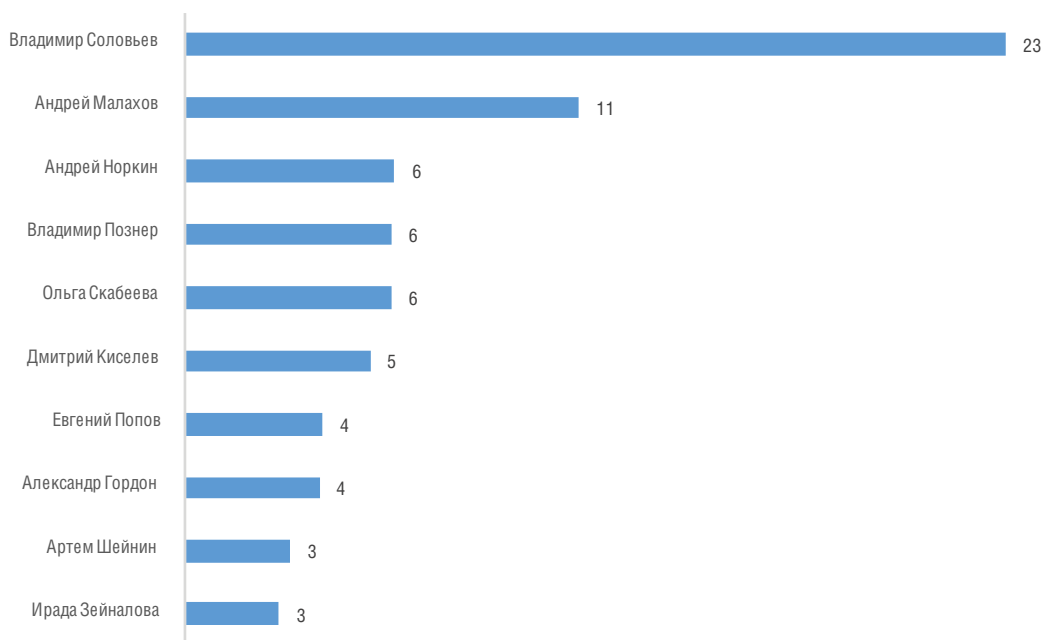

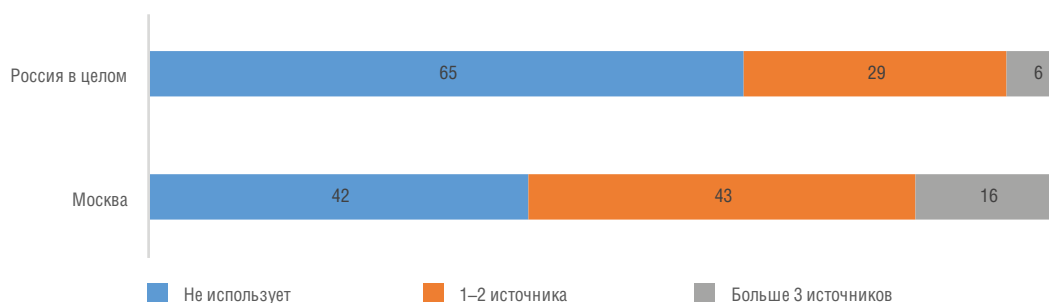

Рисунок 15
ЖУРНАЛИСТЫ, ВЫЗЫВАЮЩИЕ ДОВЕРИЕ

Открытый вопрос, респонденты сами называли фамилии журналистов, которые вызывают наибольшее доверие. Вопрос: «Назовите, пожалуйста, пять российских журналистов, публицистов, обозревателей, ведущих общественно-политические ток-шоу, выступающих на радио, телевидении, в прессе и Интернете, за работой и выступлениями которых вы стараетесь следить», март 2019 г.

Рисунок 16
ДОЛЯ РОССИЯН, ИСПОЛЬЗУЮЩИХ НЕЗАВИСИМЫЕ СМИ

что более критический взгляд на происходящее имеют как раз те респонденты, которые пользуются несколькими независимыми источниками информации; те, кто используют лишь один-два, по своим оценкам происходящего и политическим взглядам мало отличаются от среднестатистического российского гражданина¹.

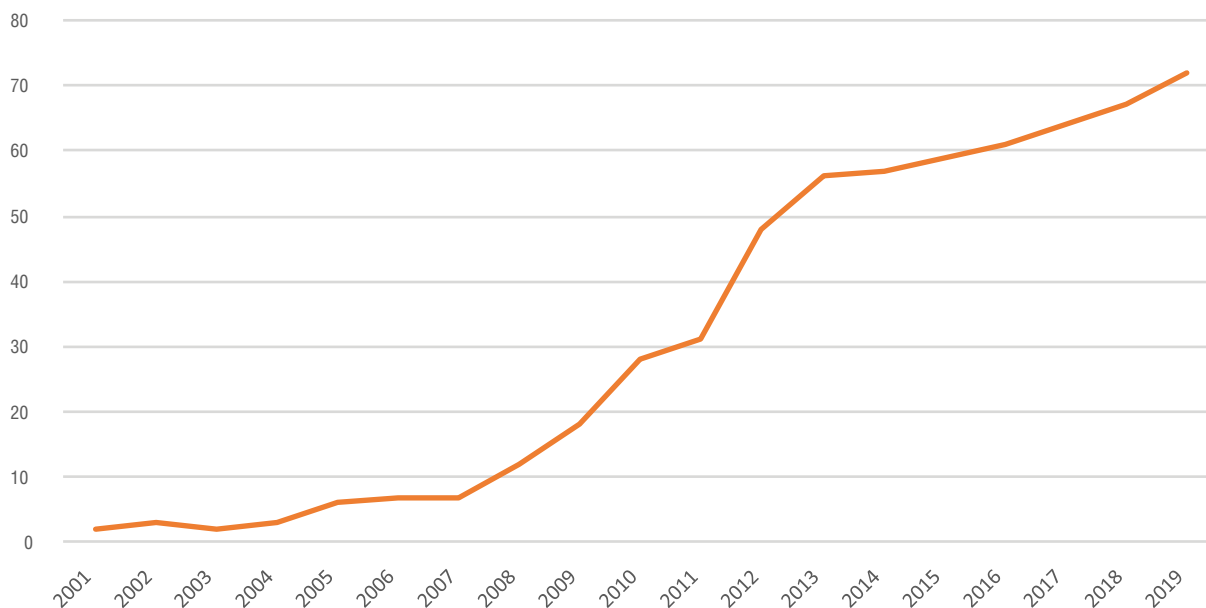
Совокупная аудитория независимых СМИ рассчитывается на основе данных следующих вопросов: «Посещаете ли вы более или менее регулярно следующие интернет-сайты?», «Какие из следующих газет вы читаете более или

менее регулярно, в том числе в Интернете и через мобильные приложения?», «Смотрите ли вы новостные передачи телевизионных каналов и, если да, новости каких каналов вы смотрите более или менее регулярно, в том числе в Интернете?». «Независимыми источниками» в данном случае считаются те ресурсы (телеканалы, газеты, интернет-сайты), на которых хотя бы время от времени звучат мнения, альтернативные официальным. Согласно такой логике к «независимым источникам» были отнесены ресурсы РБК, газеты «Коммерсантъ» и «Ведомости», телеканалы «Дождь» и Euronews и т.д. Такая методология хоть и содержит множество допущений, тем не менее позволяет приблизи-

¹ Волков Д., Гончаров С. Российский медиаландшафт: основные тенденции использования СМИ // Вестник общественного мнения. 2017. № 1–2.

Рисунок 17

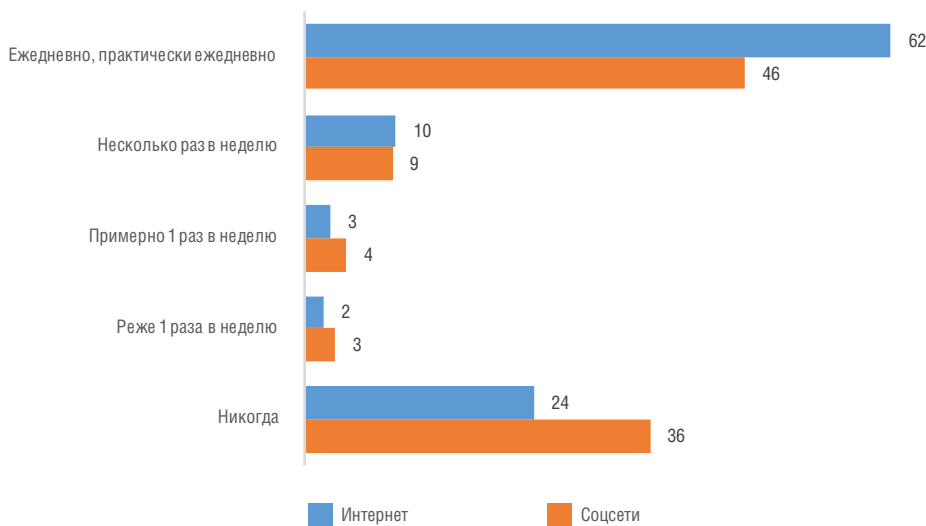
ДОЛЯ РЕГУЛЯРНЫХ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ ИНТЕРНЕТА

Доля регулярных пользователей Интернета определяется как сумма респондентов, которые пользуются Интернетом ежедневно или несколько раз в неделю. Вопрос: «Как часто вы в среднем выходите в Интернет?», последний замер — апрель 2019 г.

Рисунок 18

ПОЛЬЗОВАНИЕ ИНТЕРНЕТОМ И СОЦИАЛЬНЫМИ СЕТЯМИ

Вопрос: «Как часто вы в среднем выходите в Интернет?», апрель 2019 г. Вопрос: «Посещаете ли вы социальные сети в Интернете? Если да, то как часто?», март 2019 г.

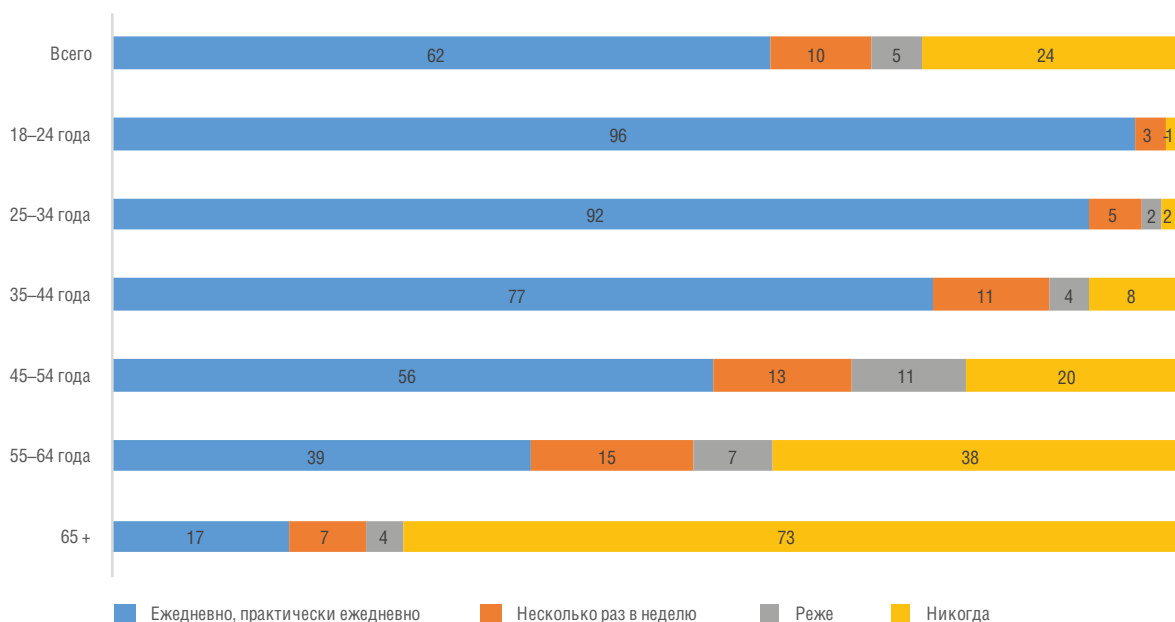
тельно оценить аудиторию независимых СМИ в России и знакомство населения страны с альтернативными мнениями.

Интернет, социальные сети, мессенджеры

Увеличение влияния интернет-ресурсов происходит благодаря продолжающемуся ро-

сту российской интернет-аудитории. На сегодняшний день около 72% населения пользуются Интернетом «ежедневно, практически ежедневно» и «несколько раз в неделю»; в 2001 г. таких было всего 2–3%. При этом около 45% выходят в Интернет «несколько раз в день»; это прежде всего самые молодые россияне (моло-

Рисунок 19
ПОЛЬЗОВАНИЕ ИНТЕРНЕТОМ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ВОЗРАСТА

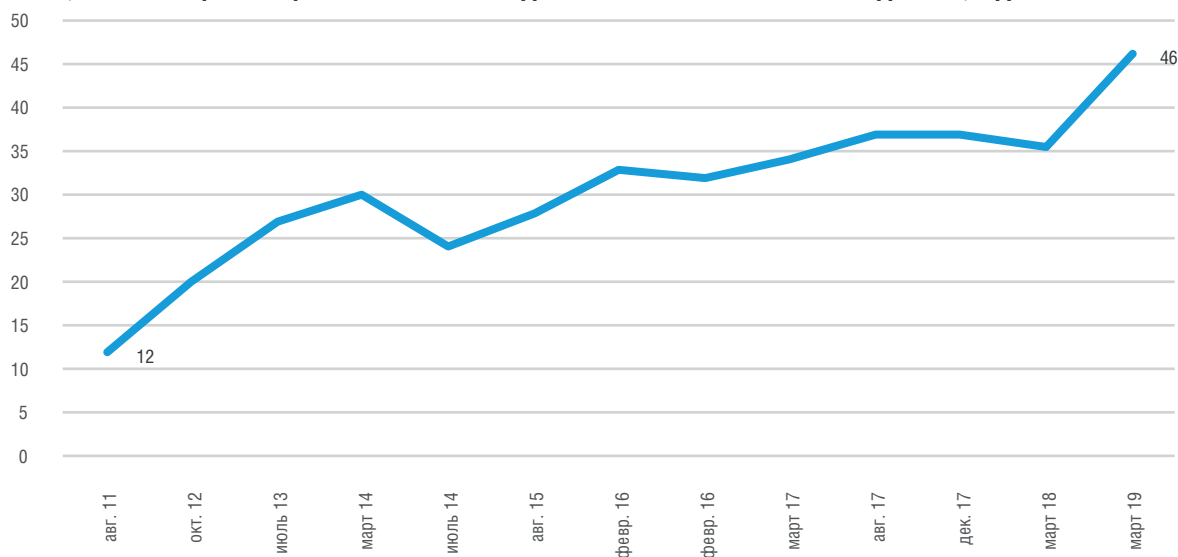
Вопрос: «Как часто вы в среднем выходите в Интернет?», апрель 2019 г.

же 25 лет) — 87%. По этому показателю разница между самыми молодыми и самой старшей возрастной группой (65 лет и старше) достигает 14,5 раза: 87 против 6%.

Социальными сетями сегодня регулярно («ежедневно», «практически ежедневно» и «несколько раз в неделю») пользуются примерно

56% россиян. Никогда не пользовались ими около трети населения страны. За восемь лет наблюдений число регулярных пользователей социальных сетей выросло в 2,5 раза (с 22% в 2011 г.). Наиболее активными пользователями являются самые молодые россияне — 85% посещают сети «ежедневно или практически

Рисунок 20
ДОЛЯ ТЕХ, КТО ПОСЕЩАЕТ СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ ЕЖЕДНЕВНО ИЛИ ПРАКТИЧЕСКИ ЕЖЕДНЕВНО, В ДИНАМИКЕ

Вопрос: «Посещаете ли вы социальные сети в Интернете? Если да, то как часто?».

ежедневно». Среди старшей возрастной группы (65 лет и старше) таких только 8%.

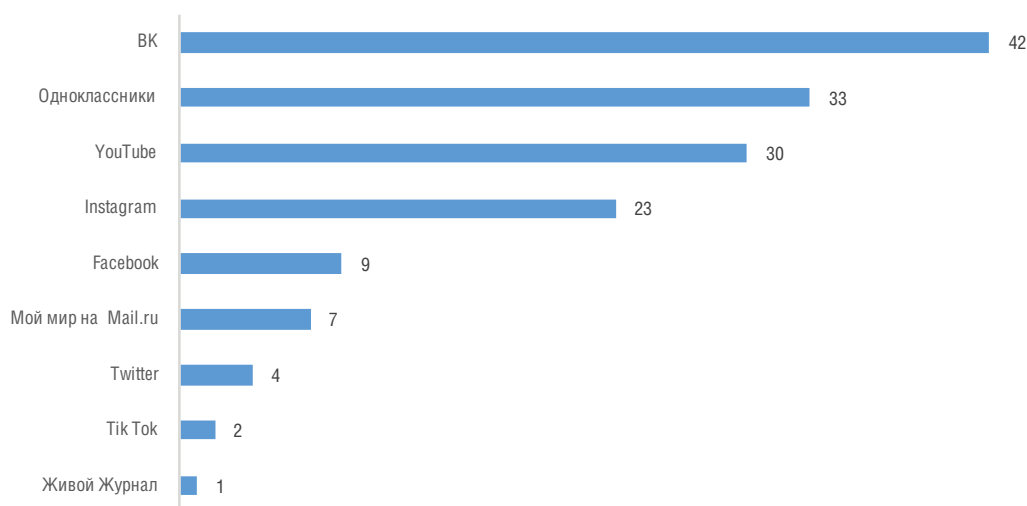
Наиболее популярными социальными сетями в России являются «ВКонтакте» (42%), «Одноклассники» (33%), YouTube (30%) и Instagram (23%). При этом YouTube, Instagram и «ВКонтакте» сегодня являются наиболее быстрорастущими сетями. Аудитория Facebook в России насчитывает примерно 9% россиян, Twitter — 4%. Согласно опросам аудитория «ВКонтакте», Instagram и Twitter является более молодой, аудитория «Одноклассников» — более пожилой. YouTube тоже смотрят прежде

всего молодые, но аудитория этой сети более равномерно распределена между разными возрастными группами.

Данные исследований «Левада-Центра» указывают на практически непрерывный рост числа посетителей социальных сетей на протяжении последних восьми лет. В ходе опроса в марте 2019 г. 46% респондентов отметили, что посещают социальные сети ежедневно или практически ежедневно. Вместе с тем доля тех, кто не пользуется социальными сетями, сократилась с 65% в 2011 г. до 36%. В 2017 г. доля тех, кто использовал социальные сети не-

Рисунок 21

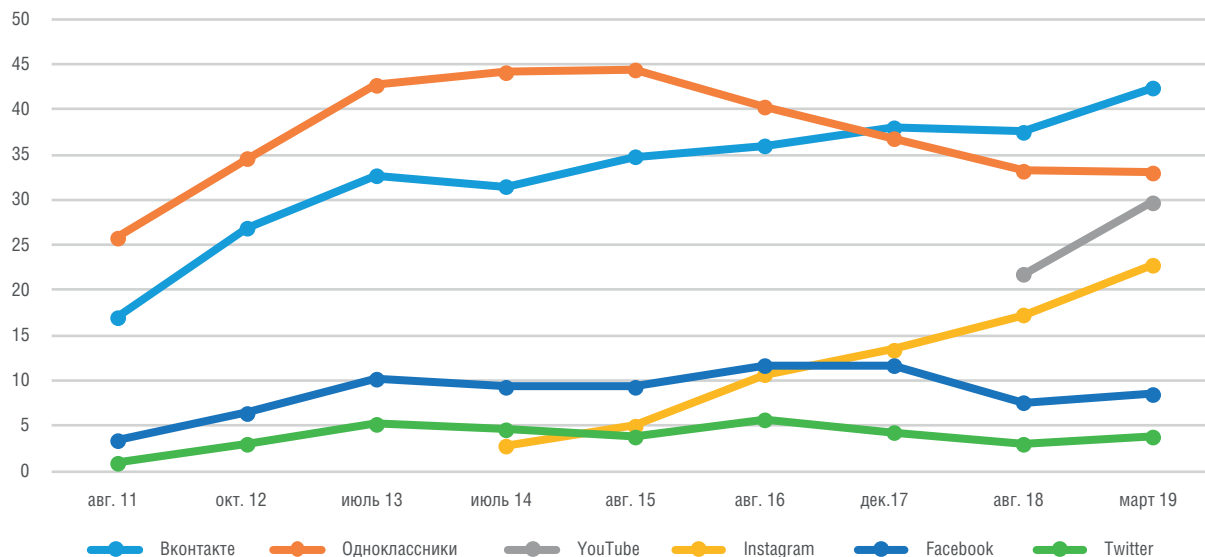
КАКИЕ СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ ПОСЕЩАЮТ

Вопрос: «Какие социальные сети вы посещаете?», март 2019 г.

Рисунок 22

АУДИТОРИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ В ДИНАМИКЕ

Последний замер — март 2019 г. В вопросе данной формулировки подсказка Instagram предлагается с 2014 г., подсказка YouTube предлагается с 2018 г.

сколько раз в неделю, составляла 19%, а в марте 2019 г. — только 9%.

Освоение социальных сетей происходит практически во всех возрастных группах, кроме самой молодой (18–24 года), где произошло насыщение (более 80% используют соцсети ежедневно). При этом разрыв за прошедшие несколько лет увеличился с 40 до 66% (доля респондентов в возрасте 18–24 минус доля респондентов в возрасте 55+).

Среди наиболее популярных социальных сетей лидируют «ВКонтакте» (67%) и «Одноклассники» (52%). «ВКонтакте» сохраняет уровень популярности, а «Одноклассники» демонстрирует некоторое снижение по сравнению с 2017 г. Третьей по популярности социальной сетью в России оказывается YouTube, доля которого выросла на 21% по сравнению с 2018 г. (до 2018 г. замеры не проводились). Большой

рост также демонстрирует Instagram: доля его пользователей выросла на 13% по сравнению с замером в 2018 г.

Российская аудитория мессенджеров быстро растет. За три года наблюдений она увеличилась вдвое — с 31% в 2016 г. до 62% в марте 2019 г. Лидерами среди приложений являются WhatsApp (49%) и Viber (31%). Мессенджером «ВКонтакте» пользуются 17%, Skype — 14%. Аудитория Telegram, которая заметно выросла в 2018 г. на фоне блокировок, на сегодняшний день составляет около 8%. Мессенджерами пользуется преимущественно молодежь, однако WhatsApp и Viber распространены и в остальных возрастных группах.

Пользование онлайн-услугами

Среди распространенных интернет-услуг у россиян наибольшей популярностью пользуют-

Таблица 1

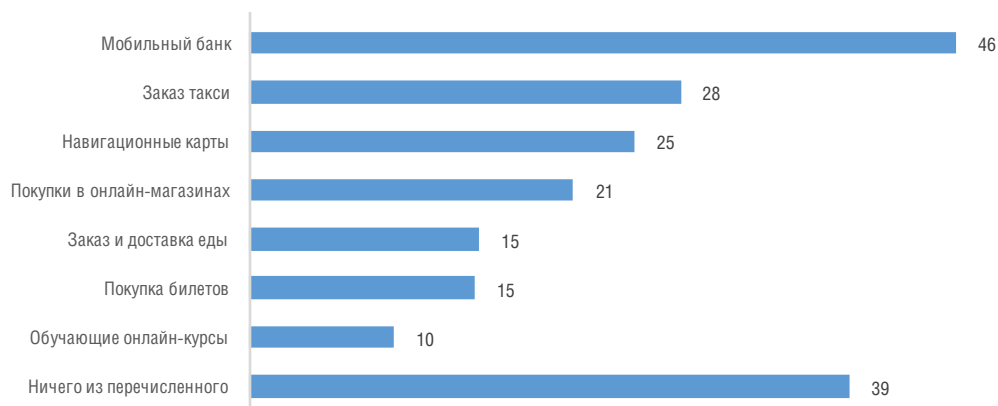
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРИЛОЖЕНИЙ ДЛЯ МОБИЛЬНЫХ ТЕЛЕФОНОВ ДЛЯ ЗВОНКОВ И ОБМЕНА СООБЩЕНИЯМИ

	февр. 16	март 17	апр. 18	март 19
WhatsApp	17	24	36	49
Viber	16	20	29	31
Мессенджер «ВКонтакте»	-*	15	26	17
Skype	14	12	19	14
Telegram	1	3	8	8
Мессенджер Facebook	2	3	5	3
iMessage / FaceTime	2	3	1	2
Другие	2	2	3	2
Не пользуюсь приложениями для мобильных телефонов для звонков и обмена сообщениями	65	52	43	37
Затруднились ответить	4	5	1	1

*Подсказка не предлагалась; вопрос: «Пользуетесь ли вы приложениями для мобильных телефонов для звонков и обмена сообщениями?».

Рисунок 23

УСЛУГИ ОНЛАЙН (ХОТЯ БЫ ВРЕМЯ ОТ ВРЕМЕНИ)

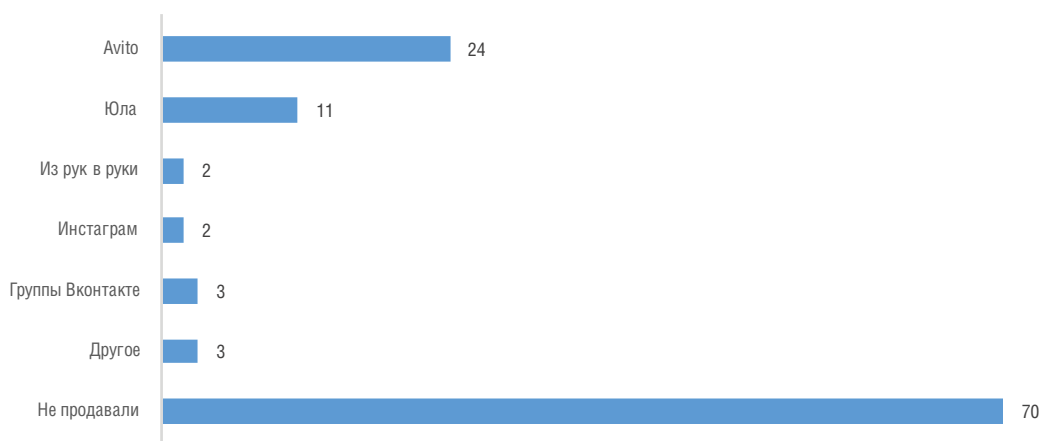
Вопрос: «Используете ли вы Интернет или мобильные приложения хотя бы время от времени для следующих целей?», март 2019 г.

Таблица 2

ПОЛЬЗОВАНИЕ ОНЛАЙН-УСЛУГАМИ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ВОЗРАСТА

	Всего по стране	18–24 года	25–34 года	35–44 года	45–54 года	55–64 года	65 + лет
Мобильный банк	46	72	68	57	45	29	10
Заказ такси	28	56	50	32	20	14	4
Навигационные карты	25	41	44	27	25	14	2
Покупки в онлайн-магазинах	21	42	36	27	13	10	4
Заказ и доставка еды	15	42	27	17	8	5	1
Покупка билетов	15	27	23	18	12	8	4
Обучающие онлайн-курсы	10	21	15	13	8	3	1
Ничего из перечисленного	39	10	14	26	42	59	85

Рисунок 24

ОПЫТ ПРОДАЖИ ТОВАРОВ ИЛИ УСЛУГ ПО ИНТЕРНЕТУ

Вопрос: «Вы когда-нибудь продавали вещи или услуги через Интернет, если да, то какими сайтами или приложениями вы для этого пользовались?», март 2019 г.

ются мобильный банк (46% используют «время от времени»), заказ такси (28%), навигационные карты (25%) и покупки в онлайн-магазинах (21%). Еще 15% россиян заказывают еду и покупают билеты онлайн, 10% проходили обучающие онлайн-курсы. Около трети российских граждан продавали сами или покупали у других товары или услуги по Интернету. Для этого люди обычно пользуются Avito (25% имели такой опыт) или «Юлой» (11%). Как и во всем, что связано с Интернетом, наиболее активными пользователями являются молодые россияне.

Основные выводы исследования

(Все цифры приводятся в % от населения России старше 18 лет)

1. Телевидение по-прежнему остается основным источником информации для большинства россиян, но его аудитория постепенно снижается. Если 10 лет назад информацию по ТВ получали 94% россиян, то сегодня таких

72%. Реже всего получают новости по ТВ самые молодые: 42% (до 25 лет) против 93% (65 лет и старше). У молодежи роль главного источника информации сегодня играет не телевидение, а социальные сети.

2. Доверие к телевидению как источнику новостей в последние годы колеблется вокруг 55%. Однако 10 лет назад эта цифра была на треть выше — почти 80%. Доверие к телевидению сохраняют прежде всего люди старше 35 лет. Кроме того, в 2018 г. заметно снизилось доверие россиян к тому, как телевидение освещает отдельные темы, прежде всего экономические. Сегодня более половины населения считает, что освещение телеканалами положения дел в экономике «не соответствует действительности».

3. Среди основных телеканалов, которые являются для россиян источниками новостей, сегодня по-прежнему лидируют «Россия-1» (48%) и «Первый канал» (47%). За ними с не-

которым отрывом следуют НТВ (36%), «Россия-24» (31%) и Рен ТВ (17%). Небольшую аудиторию имеют телеканал «Культура» (5%) и РБК ТВ (4%). Небольшой аудиторией обладают телеканалы, такие как «Спас» (2%), Euronews (2%) и «Дождь» (1%).

4. Интернет и социальные сети как источники новостей по значимости сегодня опережают остальные источники информации, кроме телевидения. За 10 лет их аудитория выросла в 3 раза, с 9% до трети населения страны. Лишь россияне моложе 35 лет чаще узнают новости по Интернету, чем по телевизору.

5. Новым источником информации об окружающем мире становятся видеоблоги. Около трети россиян смотрят их раз в неделю или чаще (в том числе 7% — ежедневно), а среди россиян до 25 лет — две трети (в том числе 19% — ежедневно). Telegram-каналы являются важными источниками новостей примерно для 1% россиян. На протяжении нескольких лет замеров наиболее популярными источниками новостей в Интернете являются «Яндекс.Новости» (40%), «Mail.ru Новости» (15%) и Lenta.ru (10%).

6. Доверие россиян к интернет-ресурсам и социальным сетям растет. За 10 лет регулярных измерений оно выросло в 3–4 раза и сегодня колеблется вокруг 20% населения. Самые молодые россияне доверяют социальным сетям больше, чем телевидению, прежде всего потому, что телевидение смотрят мало. Россияне старших возрастов совершенно не доверяют Интернету и социальным сетям, прежде всего потому, что ими не пользуются.

7. Увеличение влияния интернет-ресурсов происходит благодаря продолжающемуся росту российской интернет-аудитории. На сегодняшний день около 72% населения пользуются Интернетом «ежедневно», «практически ежедневно» и «несколько раз в неделю»; в 2001 г. таких было всего 2–3%. При этом около 45% граждан выходят в Интернет «несколько раз в день»; это прежде всего россияне моложе 25 лет, среди них таких 87%. По этому показателю разница между самыми молодыми и самой старшей возрастной группой (65 лет и старше) достигает 14,5 раза: 87 против 6%.

8. Такие традиционные каналы информации, как радио и газеты, за 10 лет сократили свои аудитории более чем в 2 раза. Часто используют их для получения новостей лишь 15 и 12% соответственно, и это прежде всего россияне старших возрастов. При этом в начале 1990-х гг. центральные газеты имели аудито-

рию, сопоставимую с телевизионной. Наиболее популярными изданиями на протяжении последних лет являются «Аргументы и факты» (10% россиян), «Комсомольская правда» (8%), «Российская газета» (5%), «Известия» и «Московский комсомолец» (по 4%). Деловые издания, такие как «Коммерсантъ» и «Ведомости», имеют аудиторию примерно 1–2%. При этом РБК имеет большую аудиторию за счет сайта (4%) и телеканала (также 4%), а не газеты РБК Daily (1%).

9. Среди журналистов наибольшее доверие у россиян вызывают ведущие популярных телевизионных ток-шоу и новостных передач как наиболее массовых программ: Владимир Соловьев (23%), Андрей Малахов (11%), Владимир Познер, Андрей Норкин, Ольга Скабеева (по 6%) и Дмитрий Киселев (5%) — таковы ответы на открытый вопрос, в котором респонденты сами называли фамилии журналистов.

10. Приблизительная совокупная аудитория «независимых СМИ», которые регулярно публикуют точки зрения, отличные от официальных, на сегодняшний день составляет около 35% россиян (при этом только 6% регулярно использует сразу несколько независимых источников). В крупнейших городах эти цифры приближаются к половине населения (в том числе 16% москвичей используют несколько независимых источников). Из предыдущих исследований известно, что более критический взгляд на происходящее и политическую ситуацию имеют респонденты, которые пользуются несколькими независимыми источниками информации. Люди, которые используют лишь один-два независимых канала, по своим оценкам происходящего и политическим взглядам мало отличаются от среднестатистического российского гражданина.

11. Социальными сетями сегодня регулярно («ежедневно», «практически ежедневно» и «несколько раз в неделю») пользуются 56% россиян. Никогда не пользовались ими около трети населения страны. За восемь лет наблюдений количество регулярных пользователей социальных сетей выросло в 2,5 раза (22% в 2011 г.). Наиболее активными пользователями являются самые молодые россияне — 85% посещают сети «ежедневно или практически ежедневно». Среди старшей возрастной группы (65 лет и старше) таких только 8%.

12. Наиболее популярными социальными сетями в России являются «ВКонтакте» (42%), «Одноклассники» (33%), YouTube (30%) и Instagram (23%). При этом YouTube, Instagram

и «ВКонтакте» сегодня являются наиболее быстрорастущими сетями. Аудитория Facebook в России насчитывает 9% населения, Twitter — 4%. Согласно опросам аудитория «ВКонтакте», Instagram и Twitter является более молодой, аудитория «Одноклассников» — более пожилой. YouTube тоже смотрят прежде всего молодые, но аудитория этой сети более равномерно распределена между разными возрастными группами.

13. Российская аудитория мессенджеров для обмена сообщениями и звонками быстро растет. За три года наблюдений она увеличилась вдвое — с 31% в 2016 г. до 62% в марте 2019 г. Лидерами среди приложений являются WhatsApp (49%) и Viber (31%). Мессенджером «ВКонтакте» пользуются 17%, Skype — 14%. Аудитория Telegram, которая заметно выросла в 2018 г. на фоне блокировок, на сегодняшний

день составляет примерно 8% населения. Мессенджерами пользуется преимущественно молодежь, однако WhatsApp и Viber распространены и в остальных возрастных группах.

14. Среди распространенных интернет-услуг у россиян наибольшей популярностью пользуются мобильный банк (46% используют «время от времени»), заказ такси (28%), навигационные карты (25%) и покупки в онлайн-магазинах (21%). Еще 15% россиян заказывают еду и покупают билеты онлайн, 10% проходили обучающие онлайн-курсы. Около трети российских граждан продавали сами или покупали у других товары или услуги по Интернету. Для этого люди обычно пользуются Avito (25%) или «Юлой» (11%). Как и во всем, что связано с Интернетом, наиболее активными пользователями интернет-услуг являются молодые россияне.

Екатерина СЛОБОДЕНЮК

Стратификация российского общества по жизненным шансам и рискам: динамика структуры и мобильность россиян

Введение

Вопросы стратификации общества, неравенства и мобильности, несмотря на давнюю традицию изучения, не теряют своей актуальности и входят в число центральных тем для социальных наук и по сей день. Недавно опубликованная монография под редакцией Д. Груски «Неравенства в XXI веке»¹ вновь напоминает, что в современных обществах различия, приводящие к неравенствам, многообразны, а значит, и анализ структурных деформаций и мобильности индивидов должен уходить от простых бинарных срезов. Иными словами, он должен быть комплексным и учитывать изменения, происходящие в различных сферах жизни². Схожей точки зрения придерживаются и российские ученые, изучающие стратификацию современного российского общества³ и присущую ему мобильность⁴.

В рамках исследования, заложенного в основу данной статьи, мы поставили перед собой две задачи: 1) отследить факты социальных перемещений россиян между структурными позициями в стратификации современного российского общества, продиктованные изменениями, происходящими одновременно в различных сферах их жизни; 2) оценить, в какой мере вся эта многоаспектная картина социальных перемещений приводит к снижению или увеличению социальных неравенств и изменению профиля социальной стратификации

в целом. Реализация поставленных задач, на наш взгляд, сможет, с одной стороны, в некоторой мере дополнить сформированное на данный момент понимание масштабов и особенностей социальной мобильности в современной России. С другой стороны, она позволит оценить устойчивость и динамику социальной стратификации, замеряемой немонетарно, так как подобные оценки, проводимые в предшествующих исследованиях, оканчиваются преимущественно 2013 г.⁵

Для решения поставленной задачи нам требовался инструмент, позволяющий учесть положение индивидов в различных социальных полях. По этой причине мы использовали веберовский подход к стратификации общества, в основе которого находятся показатели позитивной и негативной привилегированности — индикаторы, выступающие конституирующими признаками классовой ситуации в теории М. Вебера⁶. На основе анализа широкого спектра научных публикаций в области классового анализа и человеческого капитала нами⁷ была реализована операционализация критериев позитивной привилегированности («жизненных шансов») и негативной привилегированности («рисков») в различных сферах жизни человека⁸ — экономических условиях жизни, ситуации на работе, возможностях сохранения и наращивания человеческого капитала, потребления и досуге (табл. 1).

¹ Inequality in the 21st Century. Edited by David B. Grusky and Jasmine Hill. London; New York: Routledge Taylor & Francis Group, 2018. 488 p.

² Обзор ключевых сюжетов монографии на русском языке см.: Сушко П.Е. Социальные неравенства: старые формы — новые воплощения? // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2019. № 19. С. 95–106.

³ Тихонова Н.Е. Социальная структура России: теории и реальность. М.: Новый хронограф, 2014; Шкаратан О.И. Социология неравенства. Теория и реальность. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2012.

⁴ Социальная мобильность в усложняющемся обществе: объективные и субъективные аспекты: [монография] / [В.В. Семенова и др.]; отв. ред. В.В. Семенова, М.Ф. Черныш, П.Е. Сушко. ФНИСЦ РАН. М.: ФНИСЦ РАН, 2019. 512 с.

⁵ Тихонова Н.Е. Социальная структура России: теории и реальность. М.: Новый хронограф, 2014.

⁶ Weber M. ([1924] 1978) Economy and society (G. Roth & C. Wittich Eds.). Berkeley: University of California Press.

⁷ Методология разрабатывалась научно-исследовательским коллективом в составе Тихоновой Н.Е., Мареевой С.В., Лежниковой Ю.П., Аникина В.А., Каравай А.В. и автора данной статьи.

⁸ См. подробнее: Аникин В.А. Социальная стратификация по жизненным шансам: попытка операционализации для массовых опросов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 4 (146).

Таблица 1

СУБШКАЛЫ И ПОКАЗАТЕЛИ, ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ДЛЯ ПОСТРОЕНИЯ МОДЕЛИ СТРАТИФИКАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА ПО ЖИЗНЕННЫМ ШАНСАМ И РИСКАМ¹

Показатели шкалы позитивной привилегированности		Показатели шкалы негативной привилегированности	
Экономические условия жизни			
Наличие второго пригодного для круглогодичного проживания жилья	1	Наличие множественных или крупных долговых обязательств	
Наличие иной недвижимости при условии одновременного наличия автомобиля	2	Наличие значительных неэластичных текущих расходов (аренда жилья и т.п.)	
Наличие инвестиций и сбережений, позволяющих прожить на них продолжительный период	3	Нестабильность доходов при отсутствии постоянной занятости	
Ситуация на работе			
Наличие ресурса влияния на работе	1	Неблагоприятные условия занятости	
Наличие работы, являющейся объектом желаний большинства россиян (интересной и т.п.)	2	Несоблюдение на работе законодательства (отсутствие официального оформления и т.п.)	
Наличие дополнительных социальных благ по месту занятости (социальный пакет и т.п.)	3	Риски длительной безработицы (опыт нахождения без работы более 3 месяцев подряд)	
Возможности сохранения и наращивания человеческого капитала			
Возможность использовать платное образование для взрослых и детей	1	Недоступность необходимого образования	
Возможность использовать платные формы заботы о здоровье (медицинские и оздоровительные услуги)	2	Вероятность значимого ухудшения здоровья (работа на вредных производствах и т.п.)	
Наличие развитых навыков существования в цифровой среде (многообразие целей, регулярность использования Интернета)	3	Отсутствие доступа к IT-технологиям в повседневной жизни (отсутствие средств доступа к ним или навыков их использования)	
Особенности потребления и досуга			
Возможность расширенного стилового товарного потребления (число товаров длительного пользования в д/х более 1,25 медианы по населению в целом)	1	Суженный стандарт предметного потребления (число товаров длительного пользования в д/х менее 0,75 медианы по населению в целом)	
Особая комфортность жилищных условий (большая площадь занимаемого жилья при наличии в нем коммунальных удобств)	2	Плохие жилищные условия (отсутствие коммунальных удобств, общая площадь менее 12 кв. м на человека)	
Хорошие возможности проведения отпуска (проведение отпуска хотя бы раз в год вне дома и т.п.)	3	Наличие пищевых деприваций (самооценка питания как плохого, экономия на еде)	

Приведенные в табл. 1 индикаторы, заложенные в основу методологии, подразумевают значимое отклонение от распространенного и типичного для России стандарта жизни, имеют равный вес (1 балл) и, в случае позитивной привилегированности, положительный знак, а в случае негативной привилегированности — отрицательный. При этом в рамках одной сферы жизненные шансы могут компенсировать риски, и наоборот².

¹ Приводится по источнику: Тихонова Н.Е. Стратификация по жизненным шансам массовых слоев современного российского общества // Социологические исследования. 2018. Т. 6. № 6. С. 55–56.

² Компенсация шансов рисками может осуществляться вне зависимости от их нумерации в табл. 1.

Уникальное сочетание жизненных шансов и рисков у россиян может быть изучено как в логике вертикально-ориентированной структуры, в рамках которой индивиды располагаются от максимальной негативной до максимальной позитивной привилегированности, так и в логике горизонтально-ориентированной структуры, отражающей наиболее типичные сочетания тех или иных признаков шансов и рисков у различных социальных групп российского общества.

В рамках исследования мы следовали первой логике и анализировали суммарное значение индекса, которое варьируется от –12 баллов (ситуация максимальной негативной

привилегированности, когда у россиян присутствуют все перечисленные риски и отсутствуют жизненные шансы, которые могли бы их компенсировать) до +12 баллов (обратная ситуация максимальной положительной привилегированности). На основе сформированного интегрального индекса методом двухэтапного кластерного анализа были выделены гомогенные кластеры — нижняя, средняя и верхняя страты, охватывающие суммарные значения индекса в первом случае от –12 до –2 баллов, во втором — от –1 до +2 баллов, в третьем — от +3 до +12 баллов. Детальное изучение выявленных страт с точки зрения социально-экономических и социально-демографических характеристик позволило верифицировать методологию как надежную, выделяющую значимо отличающиеся между собой массовые группы российского общества, характеризующиеся схожим человеческим потенциалом, положением на рынке труда, мышлением и рядом иных характеристик их представителей¹.

Для достижения цели, поставленной в начале статьи, мы использовали данные исследования РМЭЗ НИУ ВШЭ². Выбранное исследование является панельным, т.е. позволяет, во-первых, построить стратификацию общества в разные годы по абсолютно идентичной методологии ввиду преемственности инструментария и закрытий используемых вопросов, а во-вторых, проследить за судьбами людей на протяжении ряда лет и изучить характер их перемещений между статусными позициями. Временными точками, избранными для этой цели, были: 2013 г. — для фиксации положения россиян в наиболее благоприятных социально-экономических условиях, предвещавших экономическую рецессию; 2015 и 2017 гг. — для анализа колебаний россиян в условиях ее раз-

гара и в период восстановления экономики после выхода из нее; 2018 г. — для анализа краткосрочных изменений и предоставления наиболее актуальных данных.

Выделение панельной выборки произошло на репрезентативных базах данных, при этом в нее были включены только те россияне, которые на момент 2013 г. достигли совершеннолетнего возраста. Последнее, однако, не исключало возможности анализа факта наличия несовершеннолетних в семье, так как эта информация была доступна в базах данных по домохозяйствам и также задействована в нашем анализе. В итоговую панель вошли 6169 россиян.

Для проверки качества сформированной панельной выборки было проведено сравнение конфигураций моделей стратификации на данных репрезентативных выборок за каждый год и панельной выборки (рис. 1).

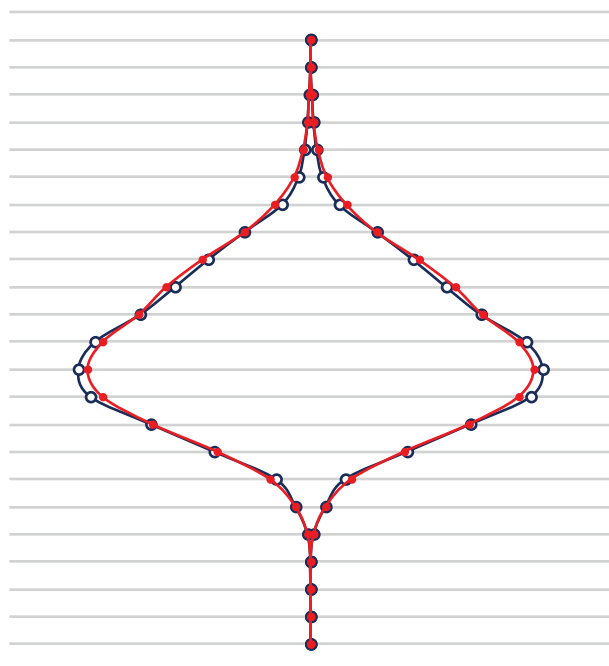
Как видно из рис. 1, несмотря на значительную потерю объема выборки (составляющую практически треть от 2018 г.), силуэты стратификации российского общества, построенные на репрезентативных и панельной выборках, практически не отличаются. Мы также оценили то, насколько сохранилось качество выборки по базовым срезам — типам поселений, полу и возрасту. Отличия панельной выборки в большинстве случаев не превышали 5% и преимущественно заключались в увеличении доли лиц пенсионных возрастов и несколько большем охвате жителей сельской местности в панельной базе данных³. Все указанное выше выступило аргументом в пользу достаточно высокого качества полученной панельной выборки и возможности ее использования для дальнейшего анализа на данных 2018 г. Рассмотрим подробнее, как видоизменялась стратификация и каковы были перемещения россиян на 25-ступенчатой лестнице жизненных шансов и рисков.

¹ Результаты подобного анализа представлены в: *Тихонова Н.Е.* Стратификация по жизненным шансам массовых слоев современного российского общества // Социологические исследования. 2018. Т. 6. № 6. С. 55–56; *Мареева С.В.* Жизненные шансы жителей столиц и провинций в массовом сознании // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 6. С. 365–385; *Лежнина Ю.П.* Риски и возможности россиян как база социальной динамики // The Journal of Social Policy Studies. 2019. Т. 17. № 2. С. 207–222; *Каравай А.В.* Основные модели социально-экономической адаптации в разных стратах российского общества // Terra Ecomomicus. 2019.

² Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE), проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел-Хилле и Института социологии РАН (сайты обследования RLMS-HSE: URL: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rfms> и <http://www.hse.ru/rfms>).

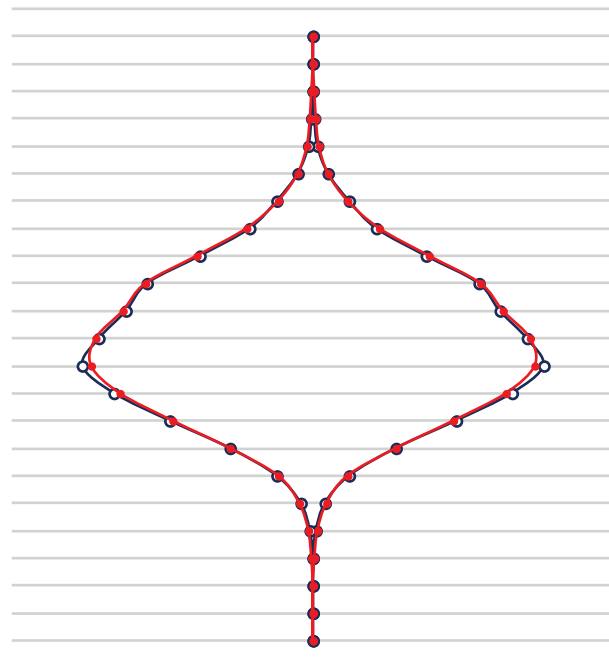
³ Доля женщин в панельной выборке по данным 2018 г. составляла 60,5% (в репрезентативной за 2018 г. соответственно 55,4%), доля жителей областных центров, иных городов, ПГТ и сел в панельной выборке — 36,0, 24,8, 7,9, 31,2% (в репрезентативной — 40,9, 26,6, 7,0, 25,5%), доля россиян в возрастах 22–30 лет, 31–40 лет, 41–50 лет, 51–60 лет, старше 60 лет в панельной выборке — 8,8, 16,2, 18,2, 20,0, 36,8% (в репрезентативной — 18,2, 19,2, 19,6, 20,0, 23,0% соответственно). Указанная нижняя возрастная граница объясняется тем, что в панель входили только те россияне, которые достигли совершеннолетнего возраста в 2013 г.

Рисунок 1
ИЗМЕНЕНИЕ СТРАТИФИКАЦИИ ПО ЖИЗНЕННЫМ ШАНСАМ И РИСКАМ ПРИ ПЕРЕХОДЕ ОТ РЕПРЕЗЕНТАТИВНОЙ К ПАНЕЛЬНОЙ ВЫБОРКЕ

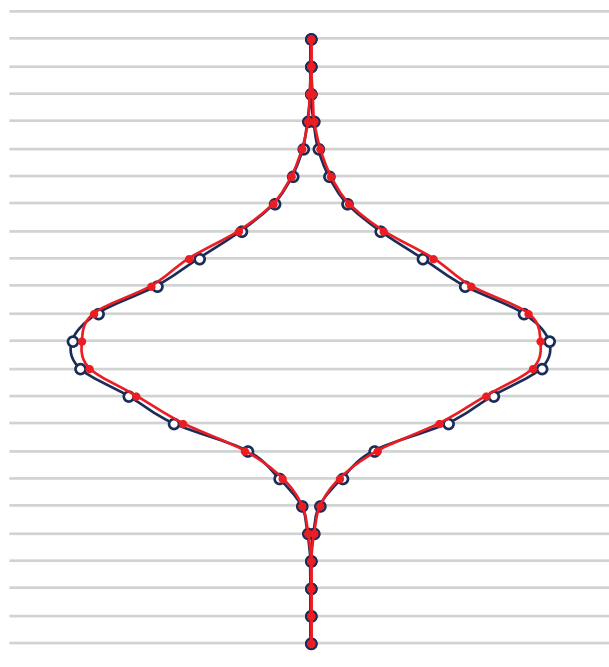
—○— 2013 г. (панельная)   —●— 2013 г. (репрезентативная)

А) 2013 г.
 Репрезентативная: НС 34%, СС 50%, ВС 16%
 Панельная: НС 35%, СС 50%, ВС 15%
 Минимум –9 баллов, максимум +11 баллов

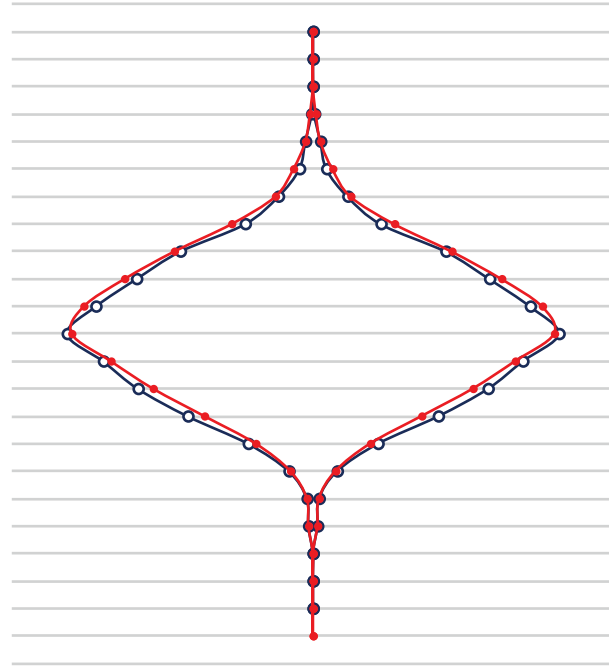
—○— 2015 г. (панельная)   —●— 2015 г. (репрезентативная)

Б) 2015 г.
 Репрезентативная: НС 31%, СС 53%, ВС 16%
 Панельная: НС 31%, СС 53%, ВС 16%
 Минимум –10 баллов, максимум +11 баллов

—○— 2017 г. (панельная)   —●— 2017 г. (репрезентативная)

В) 2017 г.
 Репрезентативная: НС 27%, СС 55%, ВС 18%
 Панельная: НС 28%, СС 56%, ВС 16%
 Минимум –10 баллов, максимум +11 баллов

—○— 2018 г. (панельная)   —●— 2018 г. (репрезентативная)

Г) 2018 г.
 Репрезентативная: НС 24%, СС 57%, ВС 19%
 Панельная: НС 27%, СС 56%, ВС 17%
 Минимум –9 баллов, максимум +11 баллов

Динамика социальной стратификации и мобильность россиян

Вернемся к рис. 1, из которого понятно, как изменялся силуэт стратификации. Как видим, часть структурных позиций, относившихся к нижней части распределения (нижней страте), подтянулись вверх, в среднюю страту, и сконцентрировались близ медианного значения. При этом само медианное значение индекса в течение всего периода наблюдений оставалось неизменным и равнялось 0 баллов. Иными словами, сам стандарт жизни, скрытый за показателями интегрального индекса, качественным образом не изменился, однако изменилась конфигурация массовых слоев населения вокруг него. Это же прослеживается и из динамики среднего показателя, который¹ в 2013 г. составлял $-0,25$, в 2015-м — $-0,12$, в 2017-м — $+0,21$, в 2018-м — $+0,32$ балла. Повышение среднего показателя по стране происходило за счет общего повышения уровня жизни, т.е. часть динамики населения, которую мы будем рассматривать далее, была продиктована структурными факторами, повлекшими перемещение приблизительно 10% всех структурных позиций. Произшедшие изменения привели к сокращению масштабов нижней страты на треть, расширению средней страты, а на размерах верхней страты практически не сказались. Из рис. 1 видно и то, что глубина неравенств практически не претерпела изменений, а лишь немного усилилась под влиянием экономической рецессии, — не претерпели практически никаких изменений ни максимальные и минимальные значения индекса, ни наполненность полярных групп².

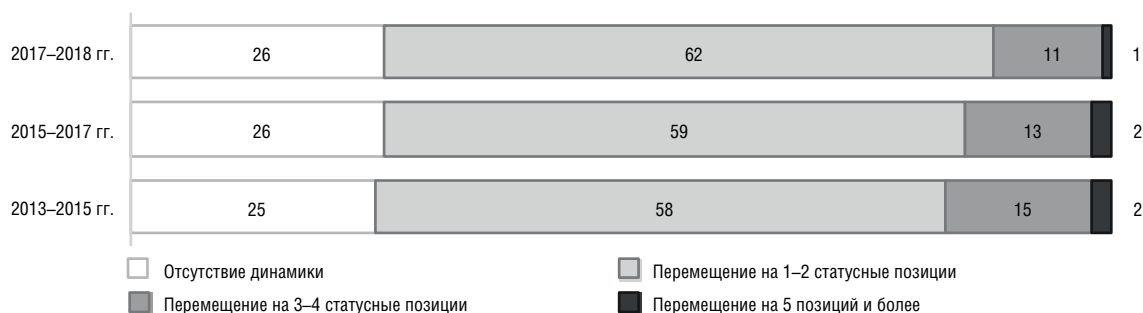
Несмотря на устойчивость самой стратификации, за указанными силуэтами скрывается довольно динамичное население — между любыми двумя временными точками (т.е. на интервале длиной в один или два года) приблизительно три четверти россиян меняют свою структурную принадлежность. В большинстве случаев это небольшие колебания на одну или две позиции относительно своего изначального положения. Более значимые скачки, ведущие к существенному улучшению или ухудшению жизни россиян, происходят редко — в общей сложности менее чем в 20% случаев. При этом шаги длиной в 5 и более баллов, подразумевающие потенциальную возможность перехода между верхней и нижней стратами «с запасом» хотя бы в 1 балл, встречаются чрезвычайно редко³ (рис. 2).

Указанные колебания временами приводят к переходу в более высокую или низкую страту, однако доминирующим все же является пребывание в своей страте. Так, в промежутке между 2013 и 2015 гг. 67,5% россиян остались в своей страте, у 14,0% динамика привела к переходу в более высокую страту, а у оставшихся 18,5% — к переходу в более низкую страту⁴ (в 2015–2017 гг. — 69,1, 13,6 и 17,3%, а в 2017–2018 гг. — 71,8, 12,7 и 15,5%). Таким образом, на временных интервалах длиной в один или два года не менее двух третей россиян сохраняют принадлежность к своей страте. То же самое наблюдается и на временном интервале в пять лет: простое сопоставление положения россиян в 2013 и 2018 гг. демонстрирует, что 63,9% россиян в 2018 г. остались в той же страте, 23,6% смогли ее повысить, а 12,5% — понизить.

Рисунок 2

ДИСТАНЦИЯ СТАТУСНЫХ ПЕРЕМЕЩЕНИЙ РОССИЯН НА ИНТЕГРАЛЬНОМ ИНДЕКСЕ ЖИЗНЕННЫХ ШАНСОВ И РИСКОВ

(в %)

¹ Данные приведены по репрезентативным выборкам.

² Так, доля россиян со значениями индекса от -11 до -7 баллов в 2013 г., 2015 г., 2017 г., 2018 г. составляла 0,3, 0,4, 0,2 и 0,3% соответственно, а со значениями от $+7$ до $+11$ — 0,8, 0,7, 0,9, 0,8% соответственно. Данные приведены по репрезентативным выборкам.

³ Конечно, не все эти случаи скрывают за собой смену принадлежности к страте, тем более столь значимую, как переход через страту, но позволяют оценить потенциальную возможность таких скачков.

⁴ Превалирование восходящей мобильности над нисходящей объясняется указанным на рис. 1 фактом изменения силуэта стратификации.

Важно отметить, что изменения в жизни людей могут быть довольно хаотичными, т.е. далеко не всегда за приведенными цифрами скрывается последовательное однонаправленное движение в сторону улучшения или ухудшения положения. Для внесения ясности мы разграничили все случаи мобильности на четыре массовые категории: 1) **отсутствие мобильности** (когда индивид пребывал в одной и той же страте во все годы наблюдений); 2) **восходящая мобильность** (когда индивид хотя бы на одном из временных интервалов поднялся из своей страты в более высокую, вне зависимости от того, в соседнюю страту или через страту, и ни разу не спустился в более низкую); 3) **нисходящая мобильность** (по аналогии с восходящей) и 4) **разнонаправленная мобильность** (когда индивид и поднимался, и опускался в более высокие и низкие страты).

Подобная группировка опирается на данные о направлении мобильности за каждый из трех анализируемых временных интервалов, что позволяет проследить специфику передвижений россиян более детально. Использование такого среза позволило выявить, что случаи устойчивой восходящей мобильности охватывают 10,5% россиян, устойчивой нисходящей — 20,1%, а полного отсутствия мобильности — 41,8%. Четверть же населения (27,6%) демонстрировала разнонаправленные перемещения между стратами.

Одновременный учет и информации о дальности перемещений (на одну или две страты), и их направления показывает то, что случаи мобильности чаще всего представлены однократным поднятием или спуском в соседнюю страту с последующим пребыванием в ней до конца периода наблюдения (табл. 2, светло-серые

ячейки). Разнонаправленная же мобильность в большинстве случаев приводит к тому, что индивид в итоге возвращается в свою страту (темно-серая ячейка соответственно).

В рамках нашего анализа мы решили сфокусировать свое внимание на тех россиянах, которые характеризовались полным отсутствием мобильности в течение всех лет наблюдений, так как они являются наиболее типичными представителями своих страт. Отметим, что внутри этой подгруппы населения в подавляющем большинстве случаев колебания вокруг структурной позиции (как и у остальных россиян) либо отсутствовали (34,3, 36,3, 36,0% в 2013–2015 гг., 2015–2017 гг., 2017–2018 гг. соответственно), либо находились в пределах 1–2 баллов (60,3, 59,1, 60,3% соответственно).

Напомним, что эта подгруппа — устойчиво пребывающие в своей страте россияне — составляет 41,8% населения страны, причем 14,9% относятся к нижней страте, 22,1% — к средней, 4,8% — к верхней. В составах своих страт осенью 2018 г. они насчитывали: 56,4% в нижней страте, 39,2% — в средней, 27,9% — в верхней. Таким образом, в наименьшей степени пополнилась новыми членами нижняя страта российского общества — часть ее представителей просто покинули ее состав за счет описанного ранее перемещения ряда структурных позиций в среднюю страту. Верхняя же страта, наоборот, из года в год характеризовалась достаточно большой нестабильностью состава. Это же прослеживается и на данных, отражающих то, в какой степени состав страты воспроизводится ее же собственными представителями предшествующего года. На временном интервале в один или два года средняя и нижняя страты воспроизводят свой состав приблизительно на

Таблица 2

ХАРАКТЕР МОБИЛЬНОСТИ РОССИЯН МЕЖДУ СТРАТАМИ ПО ЖШИР С УЧЕТОМ НАПРАВЛЕНИЯ И СИЛЫ (в %)

	Численность россиян
Разнонаправленная мобильность с понижением на 2 страты	0,1
Разнонаправленная мобильность с понижением на 1 страту	2,0
Разнонаправленная мобильность без изменения страты	22,0
Разнонаправленная мобильность с повышением на 1 страту	3,4
Разнонаправленная мобильность с повышением на 2 страты	0,1
Нисходящая мобильность с понижением на 2 страты	0,2
Нисходящая мобильность с понижением на 1 страту	10,3
Отсутствие мобильности в течение всех лет	41,8
Восходящая мобильность с повышением на 1 страту	19,7
Восходящая мобильность с повышением на 2 страты	0,5

три четверти, а верхняя страта даже на столь коротких временных интервалах обновляет свой состав более чем на половину (табл. 3).

дифференцируются по состоянию их здоровья: как плохое или очень плохое его оценивают 52,3% первых, 29,7% вторых и 4,0% тре-

Таблица 3

ВОСПРОИЗВОДСТВО СОСТАВА ГРУППЫ ЗА СЧЕТ СОБСТВЕННЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ПРЕДЫДУЩЕГО ГОДА (в %)

	Нижняя страта	Средняя страта	Верхняя страта
Доля группы, пополнившаяся в 2015 г. своими представителями 2013 года	75	67	54
Доля группы, пополнившаяся в 2017 г. своими представителями 2015 года	75	70	56
Доля группы, пополнившаяся в 2018 г. своими представителями 2017 года	75	74	59

Опираясь на результаты приведенного выше анализа, можно сделать заключение о том, что все три страты имеют в своем составе устойчивое ядро, включающее наиболее типичных ее представителей, и своего рода периферию, представители которой колеблются на границе между стратами, то поднимаясь, то опускаясь обратно. При этом в устойчивое благополучие попадает лишь один из двадцати россиян, а в устойчивое неблагополучие как минимум каждый десятый. Рассмотрим, каков портрет этих трех устойчивых зон с точки зрения наиболее значимых социально-экономических и социально-демографических характеристик их представителей.

Устойчивое благополучие, неблагополучие и норма жизни в координатах жизненных шансов и рисков

Наиболее яркие отличия анализируемых групп приведены в сводной табл. 4. Оговоримся, что среди представителей «устойчивых зон» 35,7% являются представителями устойчивого неблагополучия, 52,8% — нормы, 11,5% — благополучия. В дальнейшем мы будем обращаться к этим данным для оценки того, насколько повышены, или, наоборот, понижены для разных категорий россиян вероятности оказаться в той или иной группе¹.

С точки зрения базовых социально-демографических характеристик стоит отметить различный возрастной состав групп. Так, более половины представителей устойчивого неблагополучия — россияне пожилых возрастов, в то время как в устойчивом благополучии их менее одной пятой группы. Доля пенсионеров по возрасту в устойчивом благополучии, норме и благополучии составляла соответственно 64,3, 51,2, 25,3%. Пенсионеры, попадающие в устойчивые подгруппы, значимо

тких. При этом такие оценки обоснованы их объективными отличиями в состоянии здоровья. Например, группа по инвалидности назначена 33,6% первых, 19,7% вторых и 12,0% третьих. Верно и обратное — шансы пенсионеров попасть в зону устойчивого благополучия вдвое ниже средних (5,5%), в зону устойчивого неблагополучия — сравнимы со средними (51,1%), а в зону устойчивого неблагополучия — повышены (43,4%). Эту отличительную черту — смещение пенсионеров с плохим здоровьем в зону рисков — следует запомнить, к ней мы вернемся чуть позже.

Вторым фактором, формирующим неравенства в этой области, выступает тип поселения. Проживание в сельской местности вдвое снижает шансы попасть в устойчивое благополучие (4,5%) и весомо повышает риски скатиться в устойчивое неблагополучие (53,4%). В поселках городского типа столь тяжелой ситуации не наблюдается — проживание в них не формирует повышенных рисков неблагополучия, а лишь расширяет шансы оказаться в устойчивой норме жизни (62,2%) и несколько снижает шансы на благополучие (6,5%). Проживание в областных центрах, наоборот, значимо снижает риски неблагополучия (22,8%) и повышает шансы на благополучие (18,7%). По этой причине практически каждый второй устойчиво неблагополучный представитель — житель села, в то время как в устойчивом благополучии более половины — жители крупных городов (табл. 4). Таким образом, типы поселений с их различными рынками труда, предложением качественной медицинской помощи и образования формируют для россиян неравные возможности на стабильную и достойную жизнь. Ответом на этот сформированный в России вызов может выступать территориальная мобильность — из сельской местности в поселки городского типа, из городов — в областные центры и города-миллионники.

¹ Здесь и далее при сравнении за 100% будут взяты исключительно россияне, характеризовавшиеся полным отсутствием мобильности.

Таблица 4

**СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ
УСТОЙЧИВОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ, НЕБЛАГОПОЛУЧИЯ И НОРМЫ ЖИЗНИ (в %)**

Страты по жизненным шансам	Устойчивое неблагополучие	Устойчивая норма	Устойчивое благополучие
Тип поселения			
Областные центры и мегаполисы	22,9	39,9	58,2
Иные города	21,8	25,5	24,9
Поселки городского типа	6,3	8,4	4,0
Села	49,0	26,2	12,8
Возраст			
22–30 лет	3,6	9,6	9,1
31–40 лет	9,5	13,5	29,0
41–50 лет	12,3	15,0	24,6
51–60 лет	16,8	20,6	19,9
Старше 60 лет	57,8	41,3	17,5
Пол			
Мужской	38,3	38,1	40,1
Женский	61,7	61,9	59,9
Трудовая активность			
Среди лиц моложе пенсионных возрастов: работающие	48,1	74,1	89,6
Среди лиц моложе пенсионных возрастов: незанятые	51,9	25,9	10,4
Иждивение в трудоспособных возрастах			
Временно неработающие, ищут работу	11,8	7,0	13,0
Временно неработающие, не ищут работу	43,8	31,4	13,0
Неработающие инвалиды и пенсионеры (не по возрасту)	27,8	18,0	13,0
Неработающие женщины (в отпуске декретном / по уходу за ребенком, домохозяйки)	14,8	21,5	56,5
Иное	1,8	22,4	4,5
Образование*3			
Неполное среднее	36,9 (50,5)	6,3 (7,9)	1,5 (0,0)
Полное среднее	44,4 (25,2)	31,5 (31,8)	10,1 (2,5)
Среднее специальное	16,3 (18,3)	32,1 (33,3)	11,6 (20,0)
Высшее	2,5 (6,0)	30,1 (26,9)	76,9 (77,5)
Профессия по ISCO-08*3			
1-й класс — Руководители различных уровней	0,0 (2,5)	3,9 (7,2)	17,3 (15,4)
2-й класс — Профессионалы высшего уровня квалификации (инженеры, врачи, биологи, химики, физики, архитекторы, преподаватели и пр.)	2,5 (6,2)	15,5 (23,4)	31,0 (38,5)
3-й и 4-й классы — Иные работники нефизического труда (техники, полупрофессионалы — медсестры, бухгалтеры, торговые представители, воспитатели в детских садах; работники рутинного нефизического труда — кладовщики, почтальоны и служащие сортировки, клерки по погрузкам, отправкам и пр.)	10,0 (15,3)	23,9 (24,9)	31,5 (28,2)
5-й класс — Работники сервиса и продаж (продавцы, консьержи, кассиры и пр.)	20,0 (23,9)	18,5 (13,8)	9,1 (5,1)
6–9-е классы — Рабочие различной квалификации	67,5 (51,9)	37,8 (30,5)	10,6 (12,8)
0-й класс — Военнослужащие	0,0 (0,2)	0,4 (0,2)	0,5 (0,0)
Уровень доходов			
Низкие (менее 0,75 медианных по региону)	34,9	20,0	8,1
Средние (0,75–2,0 медианных по региону)	63,3	73,4	66,2
Высокие (более 2,0 медианных по региону)	1,8	6,6	25,7
<i>Справочно</i>			
Трудоспособные, проживающие с несовершеннолетними детьми	32,8	50,0	59,9
Трудоспособные, проживающие без несовершеннолетних детей	67,2	50,0	40,1

Примечания:

*1 — серым цветом выделены ячейки с наибольшими значениями;

*2 — подгруппа неработающих представителей из зоны устойчивого благополучия составляла 23 индивида, отчего распределения по ней ненадежны;

*3 — в срезах по уровню образования и профессии данные приведены по всем работающим и незанятым пенсионерам.

Третьим значимым отличием, приводящим к неравенствам, в современной России выступает уровень образования: отказ от обучения в школе повышает риски неблагополучия в разы и практически полностью предопределяет попадание в зону неблагополучия (81,1%), снижает шансы даже на поддержание стандарта жизни (18,3%). Получение высшего образования, наоборот, в разы повышает шансы на устойчивое благополучие (34,5%) и существенно страхует от неблагополучия (6,6%). В результате более трех четвертей устойчиво неблагополучных — россияне с образованием не выше полного среднего, а более трех четвертей благополучных — россияне с высшим образованием (табл. 4).

Четвертым — и одним из наиболее значимых — отличием (наряду с образовательным уровнем) выступает трудовая активность. Осознанный или вынужденный отказ от работы практически исключает вероятность оказаться в рядах устойчиво благополучных (3,8%), а занятость страхует от рисков неблагополучия (18,8%). В результате в устойчивом благополучии трудоустроена лишь половина лиц трудоспособных возрастов, в то время как среди нормы жизни и благополучия таких более трех четвертей. При этом причины незанятости кроются отнюдь не в необходимости ухаживать за детьми — как видно из табл. 4, устойчиво неблагополучные россияне, находящиеся в трудоспособных возрастах, более чем в половине случаев проживают в домохозяйствах, в составе которых нет несовершеннолетних детей, в то время как в устойчивом благополучии картина обратная. Причины незанятости кроются в качестве занимаемых рабочих мест. Среди устойчиво неблагополучных 23,7% трудоустроенных не оформлены по ТК РФ (в устойчивой «норме» жизни таких всего 4,7%, а среди устойчиво благополучных их практически нет — 1,6%), т.е. они оказываются представителями теневого сектора экономики. Для сравнения отметим, что среди представителей нижней страты, характеризовавшихся «разнонаправленной» мобильностью, не оформленных по ТК РФ всего 13,3%, т.е. практически вдвое меньше, чем в зоне устойчивого благополучия. Исходя

из этого можно сделать вывод, что трудоустройство на рабочих местах «низкого качества» значительно повышает риски попасть в зону устойчивого благополучия и во многом становится отличительной чертой ее представительниц. Все вышеуказанные различия приводят к качественно отличающемуся профессиональному составу групп. В устойчивом благополучии концентрируются работники тяжелого физического труда, в то время как в устойчивом благополучии — высококвалифицированного умственного или рутинного нефизического труда, причем различия вновь оказываются диаметрально противоположными.

Опираясь на данные о последнем трудоустройстве пенсионеров и их образовательном уровне (табл. 4, значения в скобках), мы можем заключить, что во времена своего трудового прошлого они занимали схожие профессиональные позиции, что было вызвано схожим и столь же сильно отличающимся уровнем их образования. Ранее мы зафиксировали весомые различия в состоянии здоровья у пенсионеров. С одной стороны, плохое состояние здоровья вынуждает пожилых тратить свой и без того небольшой нетрудовой доход на дорогостоящие лекарственные медикаменты, что отражается на возможности их поддержания иных сфер своей жизни, а значит, оно само по себе может быть мыслимо как фактор, дифференцирующий россиян по жизненным шансам. С другой стороны, данные о последнем месте трудоустройства таких пенсионеров наталкивают на предположение о том, что плохое здоровье, равно как и хорошее, становится результатом разного положения на рынке труда в прошлом.

Таким образом, анализ ключевых социально-демографических и социально-экономических характеристик демонстрирует, что повышенными рисками устойчивого благополучия на сегодняшний день обладают россияне, принимающие решение об отказе от обучения и освоения специализации (причем чем раньше это решение принимается, тем губительнее оказываются последствия), проживающие в сельских типах поселений и ввиду своего низкого уровня образования претендующие на трудовые позиции низкого качества, зачастую

не гарантирующие их трудовые права, либо вообще отказывающиеся от поиска работы. Повышенными шансами на устойчивое благополучие, напротив, обладают те россияне, которые получают высшее образование, проживают в крупных городах — областных центрах, мегаполисах, со свойственным им широким рынком труда и высокой доступностью базовых благ и услуг высокого качества, занимают позиции как минимум нефизического труда (в особенности квалифицированного умственного). При этом факт наличия детей в домохозяйстве не формирует неравенств в отношении шансов на устойчивое благополучие, хотя, как известно, он выступает значимым риском снижения уровня жизни.

В этой связи, завершая сопоставление характеристик групп, мы отметим, что стратификация по жизненным шансам и рискам во многом формируется под влиянием иных факторов, нежели стратификация по уровню жизни: уровень доходов россиян хоть и имеет значимую положительную корреляцию (коэффициент Спирмана — 0,27, значим на 99-процентном доверительном интервале), зона устойчивого благополучия лишь на треть представлена низкодходными россиянами, а зона устойчивого благополучия лишь на четверть — россиянами с высокими доходами (табл. 4). Это значит, что в устойчиво привилегированном положении по отношению ко всем остальным зачастую оказываются россияне со вполне скромными доходами, находящимися близ медианных в регионе проживания индивидов. Таким образом, устойчивое благополучие, т.е. значимое и длящееся во времени превалирование жизненных рисков над шансами, едва ли можно считать той самой повседневной реальностью, в которой на сегодняшний день проживают наши бедные сограждане, равно как и богатство далеко не всегда являет собой реальность, свободную от жизненных рисков.

Заключение

Опираясь на все вышеизложенное, мы можем заключить, что стратификация общества в России по жизненным шансам и рискам сформирована и устойчива. При этом особенностью ее динамики в 2013–2018 гг. был, бесспорно, положительный тренд подтягивания ряда структурных позиций, относившихся в 2013 г., к зоне рисков, т.е. нижней страте, к стандарту жизни, в среднюю страту. Вызванная внешними факторами реконфигурация ряда структурных позиций, имевшая место в весьма неста-

бильных социально-экономических условиях, привела к восходящей мобильности по жизненным шансам и рискам приблизительно 10% россиян. Мы предполагаем, что указанная динамика могла быть обусловлена особенностями социальной политики последних лет, направленной на борьбу с социальным неблагополучием и бедностью. Однако столь позитивный тренд не повлек за собой снижения глубины неравенств по жизненным шансам и рискам, и в современной России сохраняются зоны чрезвычайной негативной и позитивной привилегированности.

При этом за довольно устойчивым профилем структурных позиций скрывается динамичное население. Подавляющее большинство россиян сталкивается с ежегодными изменениями в различных аспектах жизни, что приводит к небольшим колебаниям вокруг занимаемых ими структурных позиций. Анализируемая стратификация характеризуется и довольно прозрачными границами, так как мобильность россиян между массовыми стратами присутствует, хотя и невелика по своим масштабам (охватывает не более трети россиян — тех, которым удалось пересечь границы страт и закрепиться). И чуть менее половины россиян устойчиво пребывают в своих стратах, а их повседневность характеризуется, как и у остальной части населения, лишь небольшими изменениями в уровне жизни. Эти россияне присутствуют во всех стратах и репрезентируют их типичных представителей.

На формирование таких застойных зон влияют в первую очередь особенности положения россиян на рынке труда, вызванные, с одной стороны, спецификой локальных рынков труда в сельских и городских типах поселений, а с другой — качеством того человеческого ресурса, который россияне могут предложить работодателю. Место проживания, доступность в нем образовательных и медицинских учреждений, позволяющих наращивать человеческий капитал, социально-психологическая среда, связанные между собой, усиливают эффект друг от друга, формируя зоны устойчивого благополучия и устойчивого неблагополучия.

Проживание в малой России, приводящее к формированию человеческого ресурса довольно низкого качества, а также отсутствие рабочих мест высокого качества приводят к вытеснению части россиян на низкооплачиваемые рабочие позиции, которые нередко находятся вне поля зрения легальной экономики. Такие места не предоставляют возможности

официального трудоустройства (хотя и формируют заработок), не формируют страховых накоплений, т.е. никак не страхуют работников. Занятие таких рабочих мест приводит к постоянному пребыванию в условиях неопределенности, как результат — к постоянному стрессу, неуверенности в завтрашнем дне, внешнему локус-контролю, отказу от планирования своей жизни и даже от рождения детей — шага, требующего этой самой уверенности в будущем¹. Чаще всего на таких позициях работники заняты физическим трудом, а значит, они изнашивают свой физический ресурс намного быстрее и не имеют возможности продолжать трудовую активность после выхода на пенсию, более того, вынуждены, имея в распоряжении зачастую малую величину нетрудового дохода, тратить его на восстановление утраченного здоровья либо на финансовую поддержку родственников, находящихся в столь же тяжелых обстоятельствах и не имеющих работы.

На другом полюсе российской действительности располагаются рожденные в крупных городах россияне, получившие доступ к качественному образованию, устроенные на трудовых местах высокого качества, преимущественно умственного труда, и потому предоставляющих возможность длительного трудоустройства даже после достижения пенсионного возраста. Это врачи и педагоги в вузах, ученые, крупные менеджеры, руководители крупных подразделений, архитекторы и пр.

Отличительной особенностью современного российского общества выступает то, что зона устойчивого неблагополучия в нем значимо шире зоны устойчивого благополучия, что коррелирует с результатами недавнего исследования о статусной консистентности занятого населения России². При этом тревожным является тот факт, что в зоне устойчивого благополучия зачастую оказываются россияне, доходы которых выше не только черты прожиточного минимума — абсолютной черты бедности (такowymi обладают три четверти ее представителей), но даже те, чьи доходы превышают относительную черту бедности (т.е. 3/4 медианных по региону среднедушевых доходов). Это значит, что в современном россий-

ском обществе присутствует не просто зона неблагополучия, но устойчивое социальное дно, объединяющее многомерно депривированных граждан, в подавляющем большинстве не попадающих в поле зрения государства, — россиян, занимающих ущемленное положение на рынке труда, и пенсионеров, «пожинающих плоды» такого положения в прошлом. Последнее является большим вызовом и для общества, и для государства, так как требует разработки мер социальной политики, направленных на нивелирование провалов рынка труда (как минимум в области контроля защиты трудовых прав работников), а также расширения доступа к социальным услугам, в первую очередь к здравоохранению и образованию. Разработка таких мер позволит не только сократить долю устойчиво неблагополучных на сегодняшний день россиян, но и предотвратить скатывание в эту тяжелую повседневность пожилых россиян в будущем.

Список использованной литературы

1. *Аникин В.А.* Социальная стратификация по жизненным шансам: попытка операционализации для массовых опросов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 4 (146).
2. *Каравай А.В.* Основные модели социально-экономической адаптации в разных стратах российского общества // Terra Economicus. 2019.
3. *Коленникова Н.Д.* Статусная консистентность занятого населения в современной России // Социологические исследования. 2019. № 11. С. 52–63.
4. *Лежнина Ю.П.* Риски и возможности россиян как база социальной динамики // The Journal of Social Policy Studies. 2019. Т. 17. № 2. С. 207–222.
5. *Мареева С.В.* Неравенство жизненных шансов россиян в сфере баланса жизни и труда // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 3. С. 324–344.
6. *Мареева С.В.* Жизненные шансы жителей столиц и провинций в массовом сознании // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 6. С. 365–385.
7. *Слободенюк Е.Д.* Жизненные риски и низший класс в России // Вестник обще-

¹ О социально-психологических характеристиках представителей нижней страты см.: *Слободенюк Е.Д.* Жизненные риски и низший класс в России // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2019. Т. 128. № 1–2. С. 43–55.

² *Коленникова Н.Д.* Статусная консистентность занятого населения в современной России // Социологические исследования. 2019. № 11. С. 52–63.

- ственного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2019. Т. 128. № 1–2. С. 43–55.
8. Социальная мобильность в усложняющемся обществе: объективные и субъективные аспекты: [монография] / [В.В. Семенова и др.]; отв. ред. В.В. Семенова, М.Ф. Черныш, П.Е. Сушко. ФНИСЦ РАН. М.: ФНИСЦ РАН, 2019. 512 с.
  9. Сушко П.Е. Социальные неравенства: старые формы — новые воплощения? // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2019. № 19. С. 95–106.
  10. Тихонова Н.Е. Стратификация по жизненным шансам массовых слоев современного российского общества // Социологические исследования. 2018. Т. 6. № 6. С. 55–56.
  11. Тихонова Н.Е. Социальная структура России: теории и реальность. М.: Новый хронограф, 2014.
  12. Inequality in the 21st Century. Edited by David B. Grusky and Jasmine Hill. London; New York: Routledge Taylor & Francis Group, 2018. 488 p.
  13. Weber M. ([1924] 1978) Economy and society (G. Roth & C. Wittich Eds.). Berkeley: University of California Press.

Елена ЧУРИЛОВА
Сергей ЗАХАРОВ

РЕПРОДУКТИВНЫЕ УСТАНОВКИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ: ЕСТЬ ЛИ ПОВОД ДЛЯ ОПТИМИЗМА?

Введение

Демографическая ситуация в России характеризовалась ускоренным снижением рождаемости в начале 1990-х и десятилетним периодом сверхнизкой рождаемости, которые вызывали беспокойство общества и политиков. Повышение коэффициента суммарной рождаемости, начиная с 2006 г., одними исследователями оценивается как результат сдвигов календаря рождений [Frejka, Zakharov, 2013; Андреев, Захаров, 2017; Захаров, 2019], а другими — как результат проводимой политики материальной поддержки семей с детьми [Архангельский, 2015; Рыбаковский, 2015; Архангельский и др., 2017; Archangelsky, Dzhanava, 2015]. Однако коэффициент суммарной рождаемости является конъюнктурным показателем рождаемости периода и в последнее время подвергается жесткой критике со стороны научного сообщества. Одна из причин этой критики состоит в том, что он не может быть использован в качестве индикатора реализации репродуктивных намерений и в оценках конечных демографических результатов семейной и (или) пронаталистской политики [Sobotka, Lutz, 2010, рус. пер. Сobotка, Луц, 2011].

Исследования социальных норм детности, личных предпочтений относительно числа детей и репродуктивных намерений идут не одно десятилетие как за рубежом, так и в России. Так, впервые вопрос об идеальном размере семьи был сформулирован П. Гэллапом в 1936 г. и звучал следующим образом: «Как вы думаете, каково идеальное число детей для средней американской семьи?». Впоследствии формулировка этого вопроса была подвергнута критике в середине 1960-х, так как, по мнению

ряда исследователей, само понятие идеального числа детей вне контекста и времени могло вызвать сложности у респондентов [Philipov, Bernardi, 2012]. В отечественной литературе дискуссия об эвристической ценности индикаторов намерений / предпочтений в отношении числа детей — идеального, желаемого и ожидаемого — также поддерживается уже не одно десятилетие [Белова, 1971, 1976; Борисов, 1976, 1997; Белова, Дарский, 1972; Дарский, 1979; Архангельский, 2006; Антонов, Борисов, 2011].

Тем не менее за время проведения многочисленных исследований было установлено, что идеальное число детей отражает представления индивидов о социальной норме детности и довольно устойчиво во времени [Testa, 2007; Testa, 2011; Sobotka, Beaujouan, 2014]. Однако личные идеальные предпочтения относительно числа детей в семье могут меняться как во времени, так и по мере взросления [Heiland et al., 2008; Ray et al., 2018]. А ожидаемое число детей по ответам респондентов молодого возраста довольно близко к итоговой рождаемости когорт [Beaujouan, Berghammer, 2019].

Исследовательский интерес к вопросам репродуктивных установок и репродуктивных планов в советское время зародился в конце 1960-х [Белова, Дарский, 1972; Захаров, 2007]. Первое крупномасштабное исследование женщин из семей рабочих и служащих на предмет числа детей в семье 1969 г. позволило выявить, что они имеют довольно конкретное представление как о наилучшем числе детей в семье, так и о своих репродуктивных планах. Идеальное число детей для всех жительниц РСФСР по итогам этого обследования составило 2,69, а среднее ожидаемое 2,21. При этом жительницы столичных городов — Москвы и Ленинграда — проявляли большую склонность к однодетной семье, чем в целом по РСФСР [Бондарская, 1999].

¹ Данная статья подготовлена в результате проведения исследования в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) с использованием средств субсидии в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100».

До конца 1980-х регулярно проводились крупномасштабные общероссийские опросы замужних женщин об идеальном и ожидаемом числе детей. Результаты этих исследований позволяют проследить, как менялись представления об идеальном числе детей в семье и ориентации семей в сторону двухдетности [Дарский, 2005]. Кроме того, вопросы о желаемом и ожидаемом числе детей были заданы в микропереписи населения 1994 г. Результаты этих исследований были обобщены в статье [Андреев, Бондарская, 2000], в которой показана как изменчивость репродуктивных планов молодых женщин, так и реализация своих репродуктивных планов женщинами из поколений, уже завершивших репродуктивную карьеру. Так, было выявлено, что среднее число рожденных детей лежит между максимальной и минимальной оценкой ожидаемого числа детей, что открывает возможности для использования этого показателя при построении прогнозов.

Во второй половине 1990-х Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) регулярно проводил опросы взрослого населения России с целью выявления репродуктивных ориентаций [Бодрова, 2002], однако достоверность результатов опросов 1998 и 1999 гг. была поставлена под сомнение [Население России..., 2000]. Результаты более ранних опросов, проведенных в начале и середине 1990-х, отражают представления россиян о желаемом и ожидаемом числе детей у россиян всех возрастов. В публикации [Бодрова, 1994] не приведены распределения мнений населения о желаемом и ожидаемом числе детей по группам возраста. А результаты опросов 1995 и 1996 гг. представлены по довольно широкому группам возраста, но без разделения по полу [Бодрова, 1996; Бодрова, 1997].

В 2000-е мнения населения об идеальном, желаемом и ожидаемом числе детей практически ушли из фокуса внимания общенациональных исследований, хотя на локальном уровне практика измерений намерений населения сохранялась (см. обобщение локальных и региональных исследований: [Архангельский, 2006]). Среди крупномасштабных социально-демографических исследований вопросы о желаемом и ожидаемом числе детей были заданы в исследовании «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе»¹ в 2007 г., в исследовании

¹ Панельное социально-демографическое исследование «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (РиДМиЖ) является частью международной программы «Поколения и гендер». При формировании выборки использовался метод многоступенчатого вероят-

«Человек, семья, общество»² в 2013-м, а также в исследованиях, организованных Федеральной службой государственной статистики: «Семья и рождаемость»³ (2009 г.), «Выборочное обследование репродуктивных планов населения» в 2012⁴ и в 2017 гг.⁵ Различия в объекте исследования, характере формирования выборки и шкалы ответов на вопросы о желаемом и ожидаемом числе детей затрудняют сравнение результатов этих опросов. Тем не менее схожесть результатов исследований состоит в том, что все они показали ориентацию мужчин и женщин на двухдетную модель семьи [Краткие итоги, 2010; Малева, Тындик, 2014а; Захаров, Чурилова, Агаджанян, 2016]. Кроме того, для женщин была выявлена перевернутая U-образная зависимость желаемого числа детей от уровня образования [Тындик, 2012].

Для жителей Москвы по результатам крупного обследования «Москва и москвичи — 2013» были выявлены как более низкое среднее желаемое число детей для мужчин и для женщин, так и тенденция бездетности [Малева, Тындик, 2014а; Малева, Тындик, 2014б]. Результаты ряда локальных исследований в различных областях России показали наличие обратной связи субъективной оценки уровня жизни с желаемым числом детей и отсутствие какой-либо зависимости между оценкой уровня жизни и ожидаемым числом детей [Архангельский, 2011]. Обратная связь потребительского статуса и желаемого числа детей и отсутствие значительного

ностного отбора жилищ, в которых затем выбирали домохозяйства и, наконец, в домохозяйстве случайным образом (с использованием процедуры Киша) отбирали одного респондента. Дизайн выборки РиДМиЖ выстроен на принципах, аналогичных принципам, по которым строится выборка РМЭЗ. Обследование является репрезентативным для всего населения страны в возрастной группе 18–79 лет.

² Социально-демографическое исследование «Человек, семья, общество» было проведено в 2013 г. Выборка репрезентативна для взрослого населения России. Объем выборочной совокупности составил 9557 респондентов.

³ Выборочное обследование «Семья и рождаемость» было проведено Федеральной службой государственной статистики (Росстат) в 2009 г. Опрос проводился в 30 субъектах Российской Федерации, представляющих все федеральные округа. Выборка составила 1999 человек, из них 1118 женщин и 881 мужчина. Опрашивались как супруги (881 супружеская пара), так и незамужние матери (237 человек).

⁴ Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения в 2012 г. проведено Росстатом в сентябре — октябре 2012 г. Опрос проводился среди женщин в возрасте 18–44 года и среди мужчин в возрасте 18–60 лет. Доля опрошенных женщин с неполным высшим, высшим и послевузовским образованием составляет 50,4%.

⁵ Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения в 2017 г. проведено Росстатом в сентябре — октябре 2017 г. Опрос проводился среди женщин в возрасте 18–44 года и среди мужчин в возрасте 18–60 лет. Доля опрошенных женщин с неполным высшим, высшим и послевузовским образованием составляет 50,6%.

роста среднего ожидаемого числа детей с ростом потребительского статуса были выявлены по результатам опроса «Левада-Центра» в 2005 г. [Голов, 2005], а также по результатам выборочного наблюдения репродуктивных планов населения 2017 г. [Землянова, Чумарина, 2018].

Вопросы о желаемом и ожидаемом числе детей были заданы и при проведении микропереписи 2015 г., однако результаты расцениваются как заниженные по сравнению с другими исследованиями репродуктивных установок [Архангельский, Зинькина, 2019].

Основная задача данной работы — исследование динамики репродуктивных установок мужчин и женщин в России.

Данные

Настоящая работа основывается на микроданных исследований репродуктивных установок россиян, проведенных ВЦИОМом и «Левада-Центром» в отдельные годы в период с 1995 по 2019 г. Данные за 1995–2001 гг. были собраны в рамках демографического мониторинга. Опросы в указанные годы проведены по репрезентативной выборке, представляющей городское и сельское населения России по полу, возрасту, уровню образования, семейному положению и типам населенных пунктов.

Вопросы о репродуктивных установках россиян в 2003, 2006, 2010, 2015 и 2019 гг. были заданы в рамках ежемесячного исследования omnibusного типа «Курьер». Этот опрос проводится по репрезентативной выборке городского и сельского населения России. Всего в исследовании опрашивается 1600 человек в возрасте от 18 лет и старше. Опрос проводится не менее чем в 50 субъектах РФ, в 137 точках опроса, в том числе в 97 городских населенных пунктах и 40 сельских районах.

Краткая характеристика исследований приведена в приложении 1. Число респондентов в выборках варьируется от 1600 до 2407. Доля опрошенных мужчин составляет от 36,9 до 45,7%. Доля респондентов с высшим образованием варьируется от 16,4 до 31%. При анализе массива данных была проведена процедура взвешивания по полу, возрасту и уровню образования.

Для анализа данных нами была отобрана подвыборка мужчин в возрасте от 18 до 54 лет и женщин в возрасте от 18 до 44 лет. Мы выбрали в качестве верхней возрастной границы 44 года для женщин, а не конец репродуктивного периода 49 лет, так как, во-первых, в возрасте от 45 до 49 лет рождаемость близка к нулю, во-

вторых, женщины склонны умалчивать о своих умерших детях [Андреев, Бондарская, 2000], что может привести к смещению показателя ожидаемого числа детей к большей бездетности или меньшей детности женщин в позднем репродуктивном возрасте.

Формулировки вопросов

Идеальное число детей

Вопрос об идеальном числе детей был задан в исследованиях 1995–2001 гг., а также в исследованиях, проведенных в 2006 и в 2010 гг. Этот вопрос сформулирован следующим образом: «Если говорить об идеальной семье, как вы думаете, сколько детей должно быть в ней?» — во всех перечисленных выше исследованиях, кроме исследования 2006 г. В 2006 г. формулировка вопроса немного отличалась: «Сколько детей должно быть в идеальной семье?». Для респондентов фиксировалось указанное точное число детей, однако последний интервал открытый: пять и более. Кроме того, шкала ответов включала в себя вариант «затрудняюсь ответить».

Желаемое число детей

Вопрос о желаемом числе детей в исследованиях, проведенных в 1995–2015 гг. был сформулирован одинаковым образом: «Сколько всего детей (включая тех, которые уже есть) вы хотели бы иметь, если бы у вас были все необходимые для этого условия?». Для каждого респондента фиксировалось указанное число детей: ни одного, один, два, три, четыре, пять и более. Формулировка вопроса в исследовании 2019 г. немного отличалась. В ней усилен акцент на желаниях самого респондента. Вопрос звучал следующим образом: «Сколько вы лично хотели бы иметь детей, если бы у вас для этого были все необходимые условия?». Кроме того, для респондента фиксировалось точное указанное им число желаемых детей. Шкала ответов на вопрос о желаемом числе детей во всех исследованиях включала в себя вариант «затрудняюсь ответить».

Ожидаемое число детей

В исследованиях, проведенных с 1995 по 2003 г., вопрос об ожидаемом числе детей был сформулирован следующим образом: «Сколько детей (включая тех, которые уже есть) вы планируете иметь в своей семье?». В 2005 г. формулировка вопроса была изменена: «Сколько всего детей, по вашим ожиданиям, будет у вас в течение всей жизни?». Формулировка вопроса, заданного в исследовании 2006 г., вновь была изменена: «Сколько всего детей (включая тех, которые у вас уже родились) будет у вас в течение всей жизни?».

В 2010 г. у респондентов спрашивали: «А сколько всего детей, включая тех, которых вы уже произвели на свет, вы планируете иметь в своей семье?». Во всех исследованиях, проведенных до 2010 г. включительно, для каждого респондента фиксировалось указанное число детей: ни одного, один, два, три, четыре, пять и более. Однако в исследованиях 1996–2000 гг. шкала ответов содержала вариант «возраст не позволяет иметь детей». В исследовании 2019 г. вопрос звучал следующим образом: «Сколько всего детей (включая тех, которые у вас уже есть) вы собираетесь иметь?». Для респондента записывалось точное указанное им число детей. Вариант «затрудняюсь ответить» присутствовал в шкалах ответов на вопрос об ожидаемом числе детей во всех исследованиях. В исследовании 2015 г. вопрос об ожидаемом числе детей респондентам не задавался.

Число рожденных детей

В исследованиях, проведенных в 1995–1998 гг., 2001, 2003, 2005, 2006 и 2010 гг., респондентам был задан вопрос о числе детей, которые у них уже есть. Формулировка вопроса в исследованиях 1995–1998 гг. была следующей: «Сколько детей есть у вас (или было в течение жизни) в той семье, в которой вы сейчас живете (жили до последнего момента)?». Ответ на подобным образом сформулированный вопрос, особенно для мужчин, очевидно, не содержит общего количества ранее рожденных детей, так как в нем находится указание на семью, в которой респондент сейчас живет. То есть, если у респондента в течение жизни было несколько семей, то согласно формулировке этого вопроса он должен говорить только о числе детей в последней его семье. Кроме того, нигде нет указания на биологическое родство с этими детьми. Тем не менее далее мы будем использовать этот вопрос для контроля несоответствий в данных.

В 2001 и 2003 гг. вопрос был сформулирован более корректно: «Сколько всего детей вы за свою жизнь произвели на свет?». Немного в другой формулировке был задан этот вопрос в 2005

и 2006 гг.: «Сколько всего детей родилось у вас за все время вашей жизни?». Наконец, в 2010 г. вопрос был задан в следующей формулировке: «Сколько всего детей вы за свою жизнь произвели на свет?». Во всех перечисленных выше исследованиях для каждого респондента фиксировалось указанное им число детей: ни одного, один, два, три, четыре, пять и более.

Гармонизация массива данных и контроль несоответствий

Ранее было упомянуто, что опубликованные результаты опросов ВЦИОМа, проведенных в 1998 и 1999 гг., были поставлены под сомнение, так как среднее ожидаемое число детей в них оказалось меньше, чем среднее число уже рожденных. Простая кросс-табуляция ожидаемого числа детей и числа рожденных детей позволяет выявить, были ли респонденты, указавшие меньшее ожидаемое число детей, чем число рожденных детей.

Результаты этой кросс-табуляции (табл. 1) продемонстрировали, что такая проблема действительно есть, а доля респондентов, указавших меньшее ожидаемое число детей, чем у них уже рождено, достигает 23%. При этом большая часть несогласующихся ответов приходится на ситуацию, когда в числе ожидаемых детей было указано «ни одного».

Обратим также внимание, что в наименьшей степени несоответствие чисел ожидаемых и рожденных детей было обнаружено для опросов 2005 и 2006 гг., в которых в вопросе об ожидаемом числе детей отсутствует отсылка к планированию, что есть в других исследованиях, кроме проведенного в 2019 г. Таким образом, для последнего мы можем предположить аналогичную маленькую долю ошибочных с точки зрения логики исследования ответов.

Проведенный анализ показал, что, очевидно, в ряде случаев либо интервьюеры неправильно задавали вопрос респонденту, либо сама формулировка вопроса «Сколько детей (включая тех, которые уже есть) вы планируете иметь в

Таблица 1

ДОЛЯ РЕСПОНДЕНТОВ, УКАЗАВШИХ МЕНЬШЕЕ ОЖИДАЕМОЕ ЧИСЛО ДЕТЕЙ, ЧЕМ ЧИСЛО УЖЕ РОЖДЕННЫХ ДЕТЕЙ (%)

	Год проведения исследования									
	1995	1996	1997	1998	2001	2003	2005	2006	2010	
Указали меньшее число ожидаемых детей	23,0	15,7	12,4	13,1	12,1	13,6	3,0	2,5	17,2	
в т.ч. указаны 0 ожидаемых детей	20,0	13,5	10,4	10,9	12,1	12,2	3,0	2,5	15,2	

Источник данных: объединенный массив результатов опросов о репродуктивных установках 1995–2019 гг. Расчеты авторов.

своей семье?» приводила к неправильному пониманию респондентами вопроса и, вероятно, было указано, сколько еще респондент хочет иметь детей. Поэтому для всех случаев превышения числа рожденных детей над числом ожидаемых детей нами было принято решение прибавить к указанному числу ожидаемых детей число уже рожденных.

Однако есть еще одна проблема, связанная с использованием в шкалах ответа опросов 1996—2000 гг. варианта «возраст не позволяет иметь детей». Доля респондентов, ответивших таким образом, велика и составляет в зависимости от года проведения опроса от 13 до 22% среди мужчин и от 6,2 до 12,4% среди женщин (табл. 2). Очевидно, что проигнорировать так ответивших при дальнейшем анализе данных нельзя. Однако анализ распределения ответов на вопрос об ожидаемом числе детей по возрасту показал, что подобный ответ на вопрос чаще всего встречается среди женщин старше 35 лет и среди мужчин старше 40 лет. Наиболее вероятно, что респонденты этого возраста либо не хотят, либо не могут иметь детей. Поэтому нами было принято решение в исследованиях 1996—1998 гг. заменить указанный вариант от-

вета «возраст не позволяет иметь детей» на фактическое число детей респондента.

Для опросов 1999 и 2000 гг. описанные выше две корректировки данных не могут быть произведены, так как в этих опросах не задавался вопрос о числе рожденных детей. Доля респондентов, указавших при ответе на вопрос об ожидаемом числе детей вариант «возраст не позволяет иметь детей», составляет всего 6% в 1999 г. для женщин, но довольно высока для мужчин. Кроме того, обычное распределение числа ожидаемых детей показало, что доля респондентов, которые указали «ни одного», составило среди мужчин 14,8% в 1999 г. и 11,6% в 2000 г., а для женщин 12,4 и 11,2% соответственно, что выглядит неправдоподобно. Поэтому использование данных ответа на вопрос об ожидаемом числе детей в исследованиях, проведенных в 1999 и 2000 гг., не представляется возможным.

Результаты

Идеальное число детей в семье

На рис. 1 приведено среднее идеальное число детей для мужчин и для женщин. Первое, что обращает на себя внимание, — это от-

Таблица 2

ДОЛЯ РЕСПОНДЕНТОВ, ОТВЕТИВШИХ «ВОЗРАСТ НЕ ПОЗВОЛЯЕТ ИМЕТЬ ДЕТЕЙ» НА ВОПРОС ОБ ОЖИДАЕМОМ ЧИСЛЕ ДЕТЕЙ (по полу и группам возраста, %)

Возрастная группа	Год проведения опроса				
	1996	1997	1998	1999	2000
Мужчины					
18–24	3,9	0,0	3,1	0,0	12,0
25–29	0,0	0,0	1,7	0,0	0,0
30–34	1,9	1,1	0,0	0,0	0,0
35–39	4,3	11,1	3,7	0,0	8,2
40–44	14,2	24,0	12,2	14,3	33,0
45–49	38,3	45,5	34,0	29,9	44,0
50–54	60,3	66,0	62,3	55,7	67,2
Всего	13,4	16,7	14,6	13,0	22,0
Женщины					
18–24	3,0	0,0	1,1	0	1,6
25–29	0,9	0,0	0,0	0	0,0
30–34	2,9	2,8	1,6	0	1,6
35–39	9,6	12,3	9,1	0	9,9
40–44	36,0	46,6	38,1	24,6	31,7
Всего	10,1	12,4	9,4	6,2	9,6

Источник данных: объединенный массив результатов опросов о репродуктивных установках 1995–2019 гг. Расчеты авторов.

сутствие статистически значимых отличий в значениях среднего для мужчин и для женщин для всех календарных лет опроса, кроме опроса 2006 г. Если говорить о динамике этого показателя, то в 1995 и 1996 гг. этот показатель составлял 2,2. В предкризисный 1997 г. он опустился до 2,0 и статистически значимо не менялся ни в 1998-м, ни в 1999-м. Однако опрос 2000 г. зафиксировал значимый компенсирующий рост этого показателя до 2,1 у женщин и 2,16 у мужчин. В последующих опросах, проведенных в 2000-е, идеальное число детей в семье для женщин оставалось неизменным и составляло в среднем 2,3 ребенка. Для мужчин этот показатель был значимо выше только в 2006-м и составил 2,4.

Чтобы понять причину снижения и дальнейшего компенсирующего роста среднего значения идеального числа детей, рассмотрим распределение представлений респондентов об идеальном числе детей в семье (табл. 3).

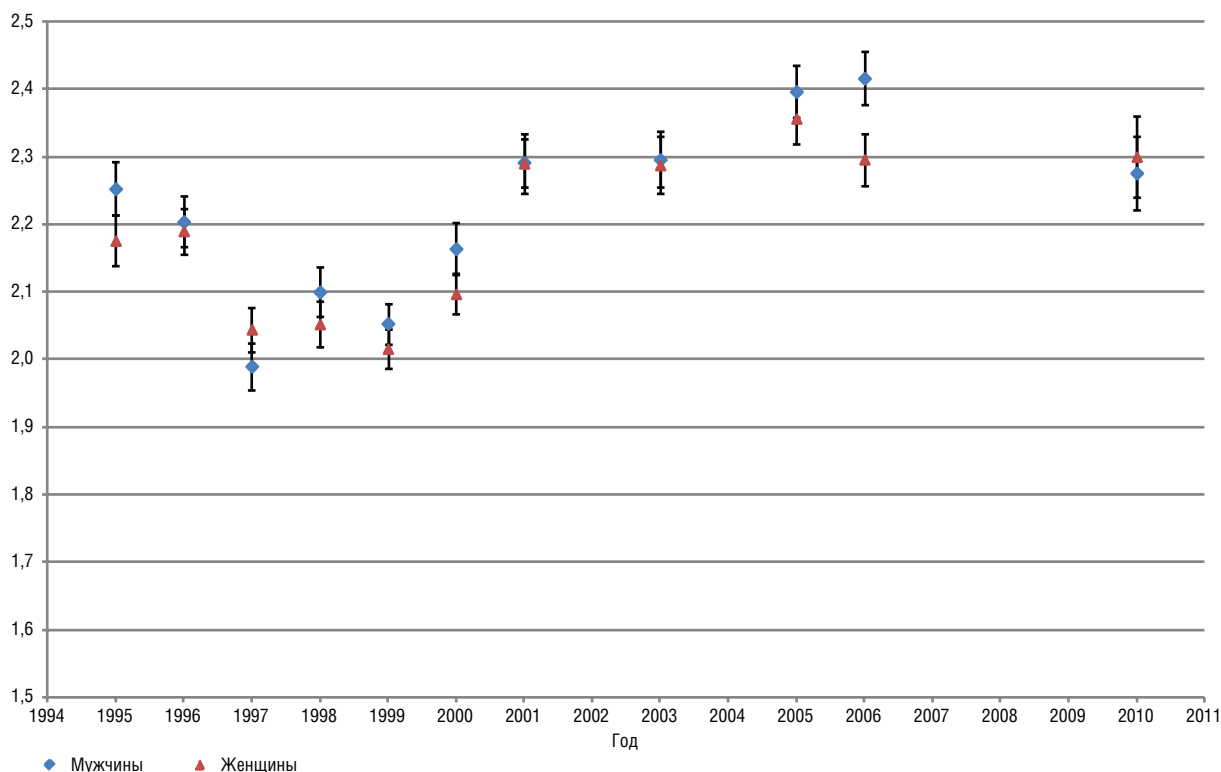
Очевидно, что снижение среднего идеального числа детей в 1997 и 1999 гг. было связано с тем, что респонденты чаще, чем в предыдущие и в последующие годы, отмечали, что считают одного ребенка идеальным для семьи. Кроме того,

отметим, что и среди мужчин, и среди женщин в 2000-е снизилась доля тех, кто считает, что в семье не должно быть детей вообще, хотя доля таковых респондентов и в 1990-е была небольшой. При этом увеличения доли мужчин и женщин, которые считали бы идеальным для семьи трех и более детей, тоже не произошло. Таким образом, все больше респондентов стали считать двухдетную семью идеалом. Доля женщин, выбравших два ребенка в семье в качестве идеального числа, возросла с 58,1% в 1995 г. до 67,2% в 2010 г.

Желаемое число детей в семье

Среднее желаемое число детей среди россиян, как правило, значимо выше у мужчин, чем у женщин. Динамика этого показателя представлена на рис. 2. Среднее желаемое число детей у мужчин в 1995 г. составляло 2,2, а у женщин 2,1. В 1996 и 1997 гг. для мужчин этот показатель немного снизился, а для женщин оставался прежним. Можно предположить, что социально-экономическая обстановка в стране в эти годы не могла существенно повлиять на ответы респондентов, так как при ответе на вопрос респонденту предполагалось представить, что у него есть все необходимые условия для рожде-

Рисунок 1
СРЕДНЕЕ ИДЕАЛЬНОЕ ЧИСЛО ДЕТЕЙ В СЕМЬЕ ПО МНЕНИЮ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН

Источник данных: объединенный массив результатов опросов о репродуктивных установках 1995–2019 гг., взвешенные данные. Расчеты авторов.

ния детей. Тем не менее до конца уверенными в этом предположении быть нельзя, поскольку диспозиция принимаемых репродуктивных

решений и их декларируемая мотивировка на массовом уровне в период бурных перемен далеко не очевидна.

Таблица 3

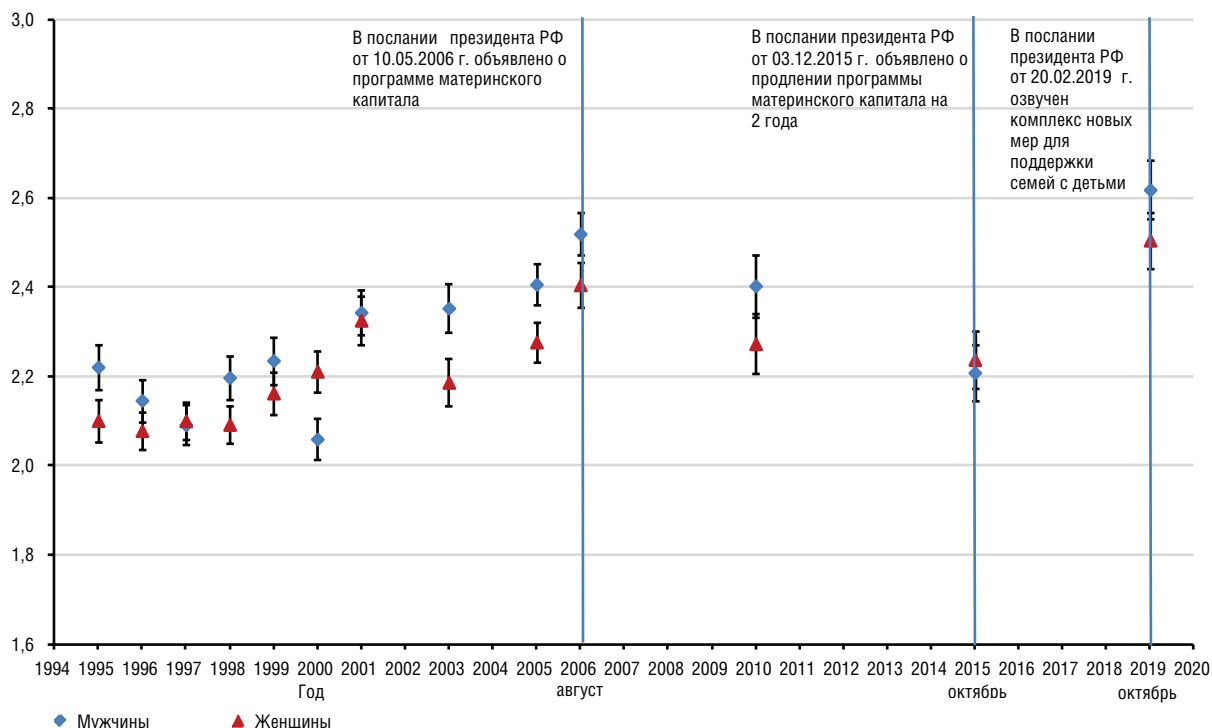
РАСПРЕДЕЛЕНИЕ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН ПО ИДЕАЛЬНОМУ ЧИСЛУ ДЕТЕЙ В СЕМЬЕ (в % от ответивших)

Число детей	Год проведения исследования										
	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2003	2005	2006	2010
Мужчины											
0	3,4	3,1	4,6	3,5	1,9	2,5	0,3	2,0	0,2	0,2	1,0
1	10,1	12,5	16,7	13,6	14,0	15,7	9,6	9,0	7,7	8,3	9,0
2	54,2	54,6	59,8	60,7	64,6	54,3	58,2	57,9	56,3	53,0	60,9
3	27,3	24,4	14,8	18,8	17,6	23,0	26,9	25,4	29,2	32,9	24,0
4	2,7	3,5	3,1	1,0	1,1	2,0	3,6	2,7	4,0	2,7	2,8
5 и более	2,3	1,9	0,9	2,4	0,8	2,5	1,3	2,9	2,6	3,0	2,2
Женщины											
0	2,3	1,2	3,2	1,6	0,3	1,0	1,0	0,8	0,3	0,8	0,9
1	13,0	11,4	12,2	17,1	16,6	13,4	7,6	7,1	4,4	4,7	5,3
2	58,1	60,1	65,1	60,8	67,1	64,2	64,2	62,3	61,2	65,4	67,2
3	21,5	24,6	16,6	18,4	14,3	18,5	22,7	26,0	30,2	25,1	20,4
4	3,5	1,3	2,5	0,6	1,3	2,4	1,3	2,0	2,6	2,6	4,1
5 и более	1,7	1,4	0,4	1,5	0,4	0,4	3,3	1,9	1,3	1,4	2,2

Источник данных: объединенный массив результатов опросов о репродуктивных установках 1995–2019 гг., взвешенные данные. Расчеты авторов.

Рисунок 2

СРЕДНЕЕ ЖЕЛАЕМОЕ ЧИСЛО ДЕТЕЙ В СЕМЬЕ ПО МНЕНИЮ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН

Источник данных: объединенный массив результатов опросов о репродуктивных установках 1995–2019 гг., взвешенные данные. Расчеты авторов.

Колебания среднего желаемого числа детей в 2000-е и 2010-е представляют интерес. Первый значимый прыжок этого показателя вверх мы видим по итогам опроса в декабре 2001 г. как у мужчин, так и у женщин. Среднее желаемое число детей увеличилось до 2,33 у женщин и до 2,34 у мужчин. Заметно больше респондентов стали говорить о желании родить троих детей, так же как сократилась доля тех, кто не хотел бы детей вообще (табл. 4). Насколько нам известно, единственным значимым событием в этот год было одобрение распоряжением правительства РФ № 1270-р от 24 сентября 2001 г. «Концепции демографического развития Российской Федерации на период до 2015 года», хотя никакого повышения пособий по уходу за детьми и выплат при рождении детей не произошло. Кроме того, в 2003 г. мы видим, что среднее желаемое число детей для женщин вернулось к значению 2,2, каким оно было в 1999 и 2000 г., и статистически незначимо выросло до 2,28 к 2005-му. Для мужчин этот показатель тоже несущественно увеличился до значения 2,4.

Но по итогам опроса в августе 2006 г. мы вновь видим резкий подъем среднего желаемого числа детей как для мужчин, так и для женщин. Его значение составило 2,52 и 2,4 соответственно. Отметим, что на 2006 г. приходится два важных события. С 1 января 2006 г.

сразу на 1/3, до 8000 руб., было увеличено единовременное пособие при рождении ребенка, менее значительно, но увеличены пособие по уходу за ребенком до достижения им полутора лет и максимальный размер пособия по беременности и родам [Елизаров, 2006]. Однако более интересным стало послание президента РФ Федеральному собранию от 10.05.2006 г., в ходе которого был озвучен ряд мер материальной поддержки, и особый резонанс вызвала новая мера: материнский капитал в размере 250 000 руб. при рождении второго или последующих детей, средства которого можно было направить на покупку жилья, образование детей или накопительную часть пенсии матери. Как результат, среди женщин немного снизилась доля тех, кто не хотел детей вообще, доля тех, кто хотел только одного ребенка, и стала выше в 2 раза доля ответивших, что при всех необходимых условиях хотели бы родить четырех и более детей. Аналогичные изменения произошли у мужчин. При этом по итогам опроса в августе 2010 г. мы видим снижение среднего желаемого числа детей вновь до 2,4 у мужчин, и до 2,27 у женщин. Опрос в октябре 2015 г. показал, что среднее желаемое число детей еще снизилось до 2,2 у мужчин и до 2,24 у женщин. Обратим внимание, что доля женщин, высказавших желание родить троих детей, снизилась с 25,7% в 2006 г. до 21% в 2010-м и 2015-м, а доля тех,

Таблица 4

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН ПО ЖЕЛАЕМОМУ ЧИСЛУ ДЕТЕЙ В СЕМЬЕ (в % от ответивших)

Число детей	Год проведения исследования													
	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2003	2005	2006	2010	2015	2019	
Мужчины														
0	9,8	8,1	5,3	6,3	7,7	9,6	4,5	6,4	2,5	0,4	0,0	5,0	3,1	
1	6,2	10,3	13,4	13,6	12,1	14,6	10,4	8,9	9,9	8,8	12,5	10,7	12,4	
2	51,0	50,9	56,1	52,0	48,4	48,3	47,7	49,5	48,8	50,0	54,0	53,1	39,9	
3	25,6	24,6	21,0	19,3	21,7	21,0	28,9	24,4	30,0	30,3	24,2	24,7	29,2	
4	3,8	4,0	2,2	4,3	5,3	3,7	4,8	5,2	4,8	5,3	4,3	4,5	5,2	
5 и более	3,7	2,1	2,0	4,5	4,7	2,9	3,8	5,5	4,0	5,2	5,0	1,9	10,2	
Женщины														
0	8,3	6,2	3,0	5,2	4,5	4,6	2,2	6,7	0,8	0,5	0,0	2,5	1,3	
1	11,6	14,3	17,5	15,4	15,2	12,5	13,1	7,6	11,1	9,2	10,9	10,9	12,4	
2	53,3	50,6	51,5	53,2	52,6	54,6	49,6	53,7	56,0	56,4	62,3	57,9	47,7	
3	21,7	25,3	24,0	21,8	22,0	20,6	28,3	28,1	27,7	25,5	20,8	21,3	26,4	
4	1,8	2,6	2,8	1,9	1,9	4,1	2,4	2,0	2,3	4,5	3,3	5,9	4,6	
5 и более	3,3	1,0	1,1	2,4	3,8	3,6	4,4	2,0	2,1	4,0	2,7	1,5	7,6	

Источник данных: объединенный массив результатов опросов о репродуктивных установках 1995–2019 гг., взвешенные данные. Расчеты авторов.

кто хотел бы родить только одного ребенка или только двух детей, наоборот, повысилась. Для мужчин доля тех, кто хотел бы родить троих, также снизилась, с 30% в 2006 г. до 24% в 2010-м и 2015-м. Интересно, что опрос 2010 г. прошел вне контекста озвучивания мер материальной поддержки семей с детьми, а опрос 2015 г. состоялся в октябре, за два месяца до послания президента РФ Федеральному собранию от 03.12.2015 г., в ходе которого было озвучено решение продлить действие программы материнского капитала на два года.

В опросе 2006 г., помимо вопросов об идеальном, желаемом и ожидаемом числе детей, был задан блок вопросов о том, сколько детей в семье нужно иметь: а) чтобы не ущемлять себя материально; б) чтобы чувствовать уважение со стороны окружающих; в) чтобы не чувствовать себя одиноким. Результаты, представленные в табл. 5, показывают, что, чтобы не ущемлять себя материально, почти 12% и мужчин, и женщин предпочли бы не иметь детей. Более 40% высказали мнение, что только рождение одного ребенка в семье позволит не испытывать материальных трудностей, еще треть респондентов предпочли бы иметь двоих детей в семье, и менее 10% посчитали, что рождение троих и более детей не вызовет материальных трудностей.

Социальную нормативность двухдетной семьи подтверждают и ответы респондентов на вопросы о числе детей, чтобы чувствовать уважение окружающих. При этом каждый четвертый мужчина и женщина ответили, что для уважения со стороны окружающих число детей не имеет значения. Ответы на вопрос о числе детей в семье, чтобы не чувствовать себя оди-

ноким, показали, что только для 12% мужчин и 13% женщин это число не важно. Остальные респонденты почти в равной степени говорили об одном или двух детях, а 18% женщин и 22,6% мужчин хотели бы иметь троих и более, чтобы не чувствовать себя одинокими.

Наконец, по итогам опроса в октябре 2019 г. мы опять увидели резкий рост среднего желаемого числа детей. Этот показатель увеличился до 2,6 у мужчин и до 2,5 у женщин. И вновь произошло изменение в распределении по озвученному числу желаемых детей: у мужчин доля тех, кто хотел бы двоих детей, снизилась на 14 п.п., с 54 до 40%; доля тех, кто хотел бы троих, увеличилась на 4,5 п.п., до 28,7%; а доля тех, кто хотел бы четверых и более, резко выросла более чем в 2 раза, с 6 до 15%. И среди женщин, и среди мужчин, по сравнению с 2010 г., снизилась доля тех, кто хотел бы только двоих детей: с 58,5 до 47,8%. Доля женщин, которые хотели бы троих, увеличилась на 5,6 п.п., до 26,6%, а доля тех, кто хотел бы четверых и более, также резко возросла, с 7 до 12%. Интересно при этом, что 20 февраля 2019 г. в послании президента РФ был озвучен комплекс новых мер для поддержки семей с детьми. В частности, предложенные новые меры включали в себя существенное снижение налоговой нагрузки на многодетные семьи, льготную ставку по ипотеке на весь срок действия кредита для семей, в которых родился второй или последующий ребенок, а также погашение задолженности по ипотечному кредиту в семьях, в которых рождается третий или последующий ребенок, в размере 450 000 руб.

Таким образом, исходя из динамики желаемого числа детей, мы видим, что доброволь-

Таблица 5

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН ПО ЧИСЛУ ДЕТЕЙ, КОТОРОЕ ОНИ СЧИТАЮТ НЕОБХОДИМЫМ ИМЕТЬ В СЕМЬЕ В РАЗНЫХ СИТУАЦИЯХ, 2006 Г. (% ОТ ОТВЕТИВШИХ)

Сколько детей в семье нужно иметь	0	1	2	3	4 и более	Число детей не имеет значения
Мужчины						
Чтобы не ущемлять себя материально	11,6	42,0	33,6	7,9	1,3	3,7
Чтобы чувствовать уважение со стороны окружающих	0,4	12,0	39,5	20,0	4,5	23,6
Чтобы не чувствовать себя одиноким	0,4	28,2	36,9	18,0	4,6	11,9
Женщины						
Чтобы не ущемлять себя материально	11,9	43,6	32,2	6,6	1,6	4,2
Чтобы чувствовать уважение со стороны окружающих	0,8	13,6	37,7	17,3	4,3	26,3
Чтобы не чувствовать себя одиноким	0,2	31,0	37,4	14,6	3,5	13,3

Источник данных: объединенный массив результатов опросов о репродуктивных установках, 2006 г., взвешенные данные. Расчеты авторов.

ная бездетность, как и прежде, не является желательным сценарием ни для мужчин, ни для женщин; что семья с двумя детьми была и остается наиболее предпочтительной в глазах россиян; что, несмотря на отсутствие систематических опросов о репродуктивных установках россиян во второй половине 2000-х и в 2010-е, есть основание предполагать, что периодически вводимые меры социальной поддержки семей с детьми оказывают, по крайней мере, декларативный эффект на показатель желаемого числа детей.

Ожидаемое число детей

Среднее ожидаемое число детей отражает непосредственно репродуктивные планы населения с учетом существующих условий и ограничений, таких как материальные возможно-

сти, жилищные условия, состояние здоровья и т.д. Среднее ожидаемое число детей по ответам мужчин и женщин оказывается всегда меньше, чем идеальное или желаемое число детей в семье. Динамика этого показателя по результатам опросов представлена в табл. 6. Первое, что обращает на себя внимание, — это то, что средние ожидаемые числа детей по ответам мужчин и женщин значимо не отличаются друг от друга. Второе — что колебания среднего ожидаемого числа детей за рассматриваемый период были несущественными: минимум зафиксирован у мужчин в опросе 1997 г. и составил 1,75, максимум — у женщин по итогам опроса 2010 г. и составил 1,99.

Что касается распределения по ожидаемому числу детей, то необходимо зафиксировать, что согласно опросу 2019 г. каждый десятый респо-

Таблица 6

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН ПО ОЖИДАЕМОМУ ЧИСЛУ ДЕТЕЙ (% от ответивших) И СРЕДНЕЕ ОЖИДАЕМОЕ ЧИСЛО ДЕТЕЙ

Число детей	Год проведения исследования									
	1995	1996	1997	1998	2001	2003	2005	2006	2010	2019
Мужчины										
0	4,4	6,2	7,0	6,9	6,0	4,1	2,4	3,4	1,9	10,7
1	21,7	26,1	30,6	30,0	25,8	25,2	26,6	22,7	23,1	27,2
2	57,2	50,5	49,9	50,6	51,7	55,2	52,6	59,7	58,0	41,9
3	13,5	12,8	9,1	8,9	12,9	11,5	15,8	11,5	13,6	15,0
4	1,1	1,9	1,6	0,8	3,3	2,0	2,2	1,7	3,1	1,9
5 и более	2,2	2,5	1,8	2,9	0,3	2,0	0,5	1,0	0,4	3,3
Среднее	1,94 (0,04)	1,88 (0,04)	1,75 (0,04)	1,78 (0,04)	1,83 (0,04)	1,90 (0,04)	1,91 (0,04)	1,90 (0,04)	1,94 (0,05)	1,83 (0,06)
Женщины										
0	2,9	1,9	3,0	5,2	2,6	2,9	2,5	3,1	2,1	9,1
1	26,4	29,6	35,3	34,2	29,1	29,1	27,2	31,0	20,0	31,1
2	53,2	53,2	49,4	49,0	55,8	55,7	55,0	53,1	63,2	42,6
3	12,1	13,1	8,9	8,0	10,9	8,6	13,4	8,7	10,3	12,9
4	3,1	0,5	1,1	1,4	1,1	0,9	1,6	2,1	2,4	2,1
5 и более	2,4	1,7	2,3	2,3	0,5	2,8	0,3	2,0	2,1	2,3
Среднее	1,96 (0,04)	1,88 (0,04)	1,79 (0,04)	1,76 (0,04)	1,81 (0,04)	1,87 (0,05)	1,86 (0,04)	1,84 (0,05)	1,99 (0,07)	1,77 (0,06)

Источник данных: объединенный массив результатов опросов о репродуктивных установках 1995–2019 гг., взвешенные данные. Расчеты авторов.

Примечание: в скобках указана стандартная ошибка среднего.

нент отметил, что вообще не собирается иметь детей¹. Кросс-табуляция ожидаемого числа детей и возраста респондентов-женщин показала, что о бездетности заявили 12% женщин в возрасте 35–44 лет, для которых скорее всего существенных изменений по числу рожденных детей не произойдет. Кроме того, 11% женщин в возрасте 18–24 лет сказали, что не хотели бы рожать детей, но, вероятно, их планы будут в дальнейшем скорректированы.

Сильного повышения доли тех, кто хотел бы только одного ребенка, не произошло: 27% среди мужчин и 31% среди женщин, что уже неоднократно встречалось ранее. Что же касается респондентов, которые собираются родить двоих, доля таковых снизилась до 42% среди как мужчин, так и женщин. Во всех предыдущих опросах, проведенных в 1990-е и 2000-е, собирались родить двоих 50–60% респондентов. Отметим, что согласно опросу 2019 г. прирост тех, кто ориентирован на рождение троих и бо-

лее детей, по сравнению с серединой 2000-х не-большой: об ориентации на многодетность сказали 17% женщин и 20% мужчин по сравнению с 13 и 14% в 2006 г.

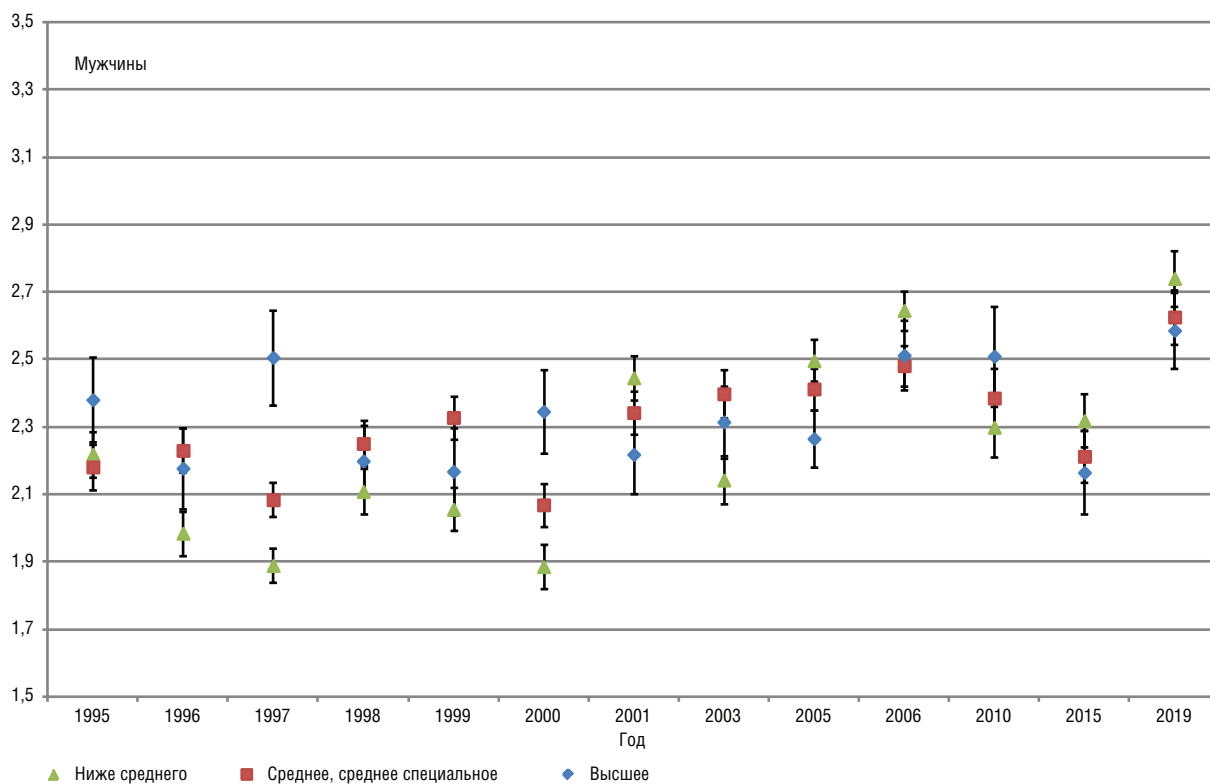
К сожалению, мы не располагаем данными за промежуточные годы между 2010-м и 2019-м, которые могли бы подтвердить или опровергнуть произошедшие изменения. Между тем сравнение желаемого и ожидаемого числа детей для женщин по результатам опроса 2019 г. показало, что среди ориентированных на трехдетность реализовать свои намерения планируют только 35%, в то время как среди ориентированных на одноплодность таковых 85%, а среди ориентированных на двухдетность — 60%.

Репродуктивные установки и уровень образования

Для мужчин взаимосвязь между желаемым числом детей и уровнем образования неочевидна (рис. 3). Единственные два опроса, в кото-

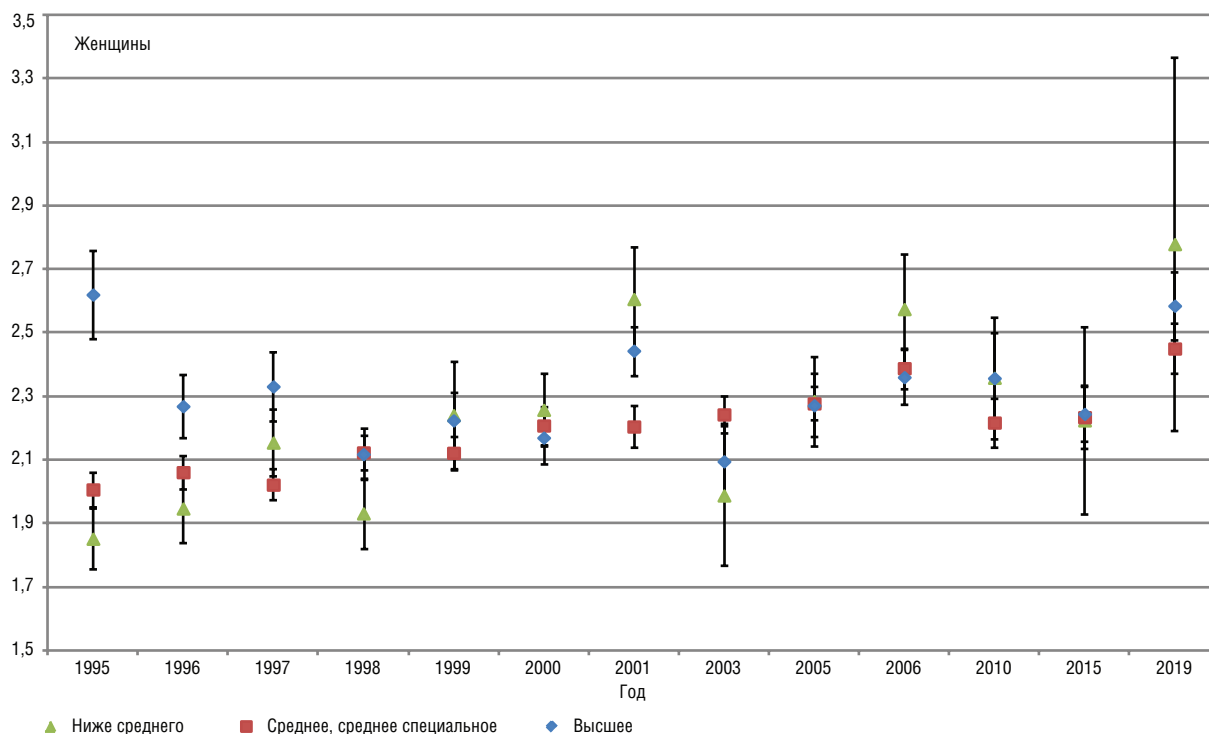
Рисунок 3

СРЕДНЕЕ ЖЕЛАЕМОЕ ЧИСЛО ДЕТЕЙ СРЕДИ МУЖЧИН В ЗАВИСИМОСТИ ОТ УРОВНЯ ОБРАЗОВАНИЯ И ГОДА ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

¹ В опросе 2019 г. вопрос о числе уже рожденных детей не задавался, поэтому контроль данных по соотношению числу уже рожденных детей с числом ожидаемых детей не может быть произведен. Однако все опросы «Омнибуса» с 2015 г. проводятся с помощью CAPI (с использованием планшетов), что, несомненно, повысило качество собранных данных ввиду автоматической фиксации геолокации, записи всех интервью и дальнейшего выборочного 30%-ного аудиоконтроля.

Рисунок 4

СРЕДНЕЕ ЖЕЛАЕМОЕ ЧИСЛО ДЕТЕЙ СРЕДИ ЖЕНЩИН В ЗАВИСИМОСТИ ОТ УРОВНЯ ОБРАЗОВАНИЯ И ГОДА ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Источник данных: объединенный массив результатов опросов о репродуктивных установках 1995–2019 гг., взвешенные данные. Расчеты авторов.

рых среднее желаемое число детей отличается у мужчин с разным уровнем образования, — это опросы 1997 и 2000 гг. В обоих случаях взаимосвязь положительная.

Для женщин была выявлена положительная взаимосвязь между уровнем образования и желаемым числом детей в опросах 1995, 1996 и 1997 гг. Начиная с опроса 1998 г. систематических статистически значимых различий в среднем желаемом числе детей в зависимости от уровня образования не прослеживается.

Среднее ожидаемое число детей значимо не отличается друг от друга по ответам мужчин и женщин с высшим и средним / средним специальным уровнем образования (табл. 7).

Необходимо отметить, что с 1990 г. произошли значительные изменения в образовательной структуре населения, связанные с широким распространением высшего образования, которое все более становится соционормативным. Так, доля женщин с высшим образованием среди опрошенных в возрасте 18–44 лет возросла с 20% в 1995 г. до 36% в 2019 г. Доля женщин со средним или средним специальным образованием осталась довольно стабильной, на уровне 60%. А женщин в воз-

растной группе с образованием ниже среднего практически не осталось: их доля составила 2% в 2019 г. по сравнению с 18% в 1995 г. Получение высшего образования среди женщин стало массовым явлением, а сама группа женщин с высшим образованием, вероятно, является широкой и разнородной. Аналогичная, но менее выраженная тенденция прослеживается и среди мужчин. Доля мужчин с высшим образованием среди опрошенных возросла с 13 до 20% в период с 1995 по 2019 г. Но при этом для мужчин характерным стало и большее распространение среди них среднего и среднего специального образования: доля их со средним уровнем образования увеличилась с 55 до 67%. Наконец, аналогично женщинам, мужчины практически перестали останавливаться на уровне образования ниже среднего.

Репродуктивные установки и материальное положение

Результаты предыдущих исследований часто показывали обратную зависимость желаемого числа детей от субъективной оценки материального положения. С целью проследить, является ли взаимосвязь между желаемым чис-

Таблица 7

СРЕДНЕЕ ОЖИДАЕМОЕ ЧИСЛО ДЕТЕЙ ДЛЯ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН В ЗАВИСИМОСТИ ОТ УРОВНЯ ОБРАЗОВАНИЯ И ГОДА ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Уровень образования	Год проведения исследования									
	1995	1996	1997	1998	2001	2003	2005	2006	2010	2019
Мужчины										
Высшее, незаконченное высшее	1,78 (0,10)	2,02 (0,12)	1,74 (0,10)	1,86 (0,10)	1,81 (0,07)	1,65 (0,09)	1,86 (0,08)	1,87 (0,10)	2,05 (0,09)	1,81 (0,09)
Среднее, среднее специальное	1,92 (0,06)	1,92 (0,06)	1,80 (0,05)	1,83 (0,06)	1,84 (0,05)	1,95 (0,05)	1,87 (0,05)	1,87 (0,05)	1,92 (0,07)	1,79 (0,07)
Ниже среднего	2,05 (0,07)	1,74 (0,08)	1,66 (0,09)	1,67 (0,09)	1,82 (0,10)	2,12 (0,16)	2,13 (0,09)	2,01 (0,09)	1,87 (0,14)	2,74* (0,43)
Женщины										
Высшее, незаконченное высшее	1,99 (0,11)	1,83 (0,08)	1,77 (0,12)	1,68 (0,10)	1,92 (0,08)	1,53 (0,09)	1,87 (0,08)	1,83 (0,07)	2,04 (0,14)	1,78 (0,09)
Среднее, среднее специальное	1,96 (0,05)	1,88 (0,05)	1,74 (0,05)	1,73 (0,05)	1,78 (0,05)	1,97 (0,07)	1,83 (0,05)	1,83 (0,06)	1,97 (0,08)	1,77 (0,07)
Ниже среднего	1,91 (0,10)	1,90 (0,08)	2,03 (0,13)	1,94 (0,14)	1,78 (0,12)	1,71 (0,10)	2,04 (0,12)	1,88 (0,20)	2,00* (0,17)	1,68* (0,37)

Источник данных: объединенный массив результатов опросов о репродуктивных установках 1995–2019 гг., взвешенные данные. Расчеты авторов.

Примечание: в скобках указана стандартная ошибка среднего; *N менее 30.

лом детей и материальным положением устойчивой во времени, мы использовали данные опросов, проведенных в 2001–2019 гг. Мы не использовали данные опросов, проведенных в 1995–2000 гг., так как респондентам предлагалось оценить свое материальное положение по шкале от «очень плохого» до «очень хорошего». Такая шкала, по нашему мнению, может трактоваться респондентами по своему личному усмотрению, и респонденты с примерно одинаковой финансовой ситуацией в семье могут по-разному оценивать свое материальное положение. Вопрос: «Как Вы могли бы описать материальное положение вашей семьи?» — со шкалой ответов: «Нам не хватает денег даже на питание», «Нам хватает денег на питание, но не хватает на одежду», «Нам хватает денег на питание, но покупка более дорогих вещей (телевизор, холодильник) вызывает затруднение», «Мы можем покупать дорогие вещи, такие как холодильник и телевизор, но не можем купить автомобиль», «Мы можем купить автомобиль, но нельзя сказать, что не стеснены в средствах», «Мы можем ни в чем себе не отказывать» — более объективно отражает материальное положение семьи. Мы объединили первые две категории ответов и последние три категории ответов. В табл. 8 показаны среднее желаемое число детей по ответам мужчин и женщин в зависимости от оценки материального по-

ложения семьи. Полученные результаты показывают, что в отдельные годы (2001, 2005, 2006, 2019) мужчины с низким материальным достатком в семье действительно, при всех необходимых условиях, хотели бы большее число детей, чем мужчины со средним и высоким материальным достатком. Аналогично указывали женщины с плохим материальным положением в семье в опросах тех же годов. Таким образом, мы не можем сделать вывод о существовании устойчивой отрицательной связи материального положения и среднего желаемого числа детей.

Обращает на себя внимание, что именно в 2006 и 2019 гг., когда были объявлены меры материальной поддержки при рождении детей, мужчины и женщины из семей с плохим материальным положением декларировали, что они хотели бы родить значимо большее число детей. Это означает, что низкообеспеченные слои населения позитивно среагировали на новые меры материальной поддержки семей с детьми. Однако статистически значимое более высокое среднее ожидаемое число детей было выявлено для респондентов с низким материальным достатком только по результатам опроса 2019 г. (табл. 9). В то же время декларируемые более высокие ожидания относительно числа детей в семье не означают, что репродуктивные намерения будут реализованы.

Таблица 8

СРЕДНЕЕ ЖЕЛАЕМОЕ ЧИСЛО ДЕТЕЙ СРЕДИ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ОЦЕНКИ МАТЕРИАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ СЕМЬИ И ГОДА ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Оценка материального положения	Год проведения исследования						
	2001	2003	2005	2006	2010	2015	2019
Мужчины							
Денег не хватает на продукты / одежду	2,40 (0,07)	2,14 (0,08)	2,52 (0,08)	2,72 (0,09)	2,41 (0,14)	2,29 (0,13)	3,17 (0,19)
Денег хватает на продукты и одежду	2,28 (0,08)	2,54 (0,09)	2,32 (0,07)	2,41 (0,06)	2,40 (0,10)	2,19 (0,09)	2,48 (0,09)
Можем позволить себе больше	2,29 (0,13)	2,34 (0,13)	2,46 (0,12)	2,51 (0,12)	2,37 (0,15)	2,21 (0,11)	2,56 (0,11)
Женщины							
Денег не хватает на продукты / одежду	2,46 (0,08)	2,16 (0,08)	2,31 (0,07)	2,66 (0,10)	2,48 (0,16)	2,15 (0,18)	2,65 (0,16)
Денег хватает на продукты и одежду	2,17 (0,08)	2,31 (0,07)	2,27 (0,07)	2,33 (0,07)	2,24 (0,08)	2,17 (0,08)	2,52 (0,09)
Можем позволить себе больше	2,14 (0,14)	1,83 (0,15)	2,20 (0,10)	2,09 (0,08)	2,13 (0,17)	2,37 (0,13)	2,41 (0,11)

Источник данных: объединенный массив результатов опросов о репродуктивных установках 1995–2019 гг., взвешенные данные. Расчеты авторов.

Примечание: в скобках указана стандартная ошибка среднего.

Таблица 9

СРЕДНЕЕ ОЖИДАЕМОЕ ЧИСЛО ДЕТЕЙ СРЕДИ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ОЦЕНКИ МАТЕРИАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ СЕМЬИ И ГОДА ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Оценка материального положения	Год проведения исследования						
	2001	2003	2005	2006	2010	2019	
Мужчины							
Денег не хватает на продукты / одежду	1,87 (0,06)	1,85 (0,07)	1,89 (0,06)	1,90 (0,06)	2,07 (0,15)	2,18 (0,18)	
Денег хватает на продукты и одежду	1,83 (0,06)	2,01 (0,07)	1,89 (0,06)	1,87 (0,05)	1,92 (0,06)	1,73 (0,08)	
Можем позволить себе больше	1,63 (0,14)	1,74 (0,09)	2,00 (0,10)	2,00 (0,10)	1,90 (0,10)	1,81 (0,08)	
Женщины							
Денег не хватает на продукты / одежду	1,87 (0,06)	1,97 (0,09)	1,88 (0,07)	1,89 (0,09)	2,00 (0,16)	2,07 (0,13)	
Денег хватает на продукты и одежду	1,75 (0,06)	1,79 (0,08)	1,82 (0,06)	1,82 (0,07)	2,08 (0,09)	1,64 (0,08)	
Можем позволить себе больше	1,67 (0,11)	1,70 (0,13)	1,88 (0,11)	1,77 (0,08)	1,70 (0,10)	1,80 (0,10)	

Источник данных: объединенный массив результатов опросов о репродуктивных установках 1995–2019 гг., взвешенные данные. Расчеты авторов.

Примечание: в скобках указана стандартная ошибка среднего.

Дискуссия и выводы

В настоящей работе мы проанализировали результаты 13 исследований, репрезентирующих население России и проведенных в 1990-е и начале 2000-х ВЦИОМом и с середины 2000 г. до 2019 г. «Левада-Центром». Проведенная проверка данных позволила подтвердить ранее сделанное предположение о превышении числа уже рожденных детей над ожидаемым числом детей в опросах некоторых лет. Систематическая ошибка в ответах на вопрос произошла вероятнее всего из-за неудачной формулировки вопроса: «*Сколько детей (включая тех, которые уже есть) вы планируете иметь в своей семье?*». Корректировка данных оказалась невозможна для опросов 1999 и 2000 гг.

Мы проанализировали и показали распределения ответов мужчин в возрасте 18–54 лет и женщин в возрасте 18–44 лет по идеальному, желаемому и ожидаемому числу детей в семье. Ранее результаты ответов на эти вопросы в опросах, проведенных в 1990-е, были представлены для мужчин и женщин всех возрастов вместе и только в усредненном виде.

Полученные нами результаты показывают, что двухдетная модель семьи была и остается идеалом для россиян. Среднее идеальное число детей за рассматриваемый период времени находилось в пределах 2,2–2,3 ребенка и для мужчин, и для женщин, за исключением кризисного периода 1997–1999 гг., когда оно снизилось до 2,0 в результате кратковременной переориентации части респондентов на идеал семьи с одним ребенком. Среднее желаемое число детей при всех необходимых условиях было на протяжении второй половины 1990-х близко к идеальному числу и составляло 2,2 ребенка для мужчин и 2,1 ребенка для женщин. Половина мужчин и женщин хотели бы иметь двоих, даже при наличии всех необходимых условий. С этой точки зрения Россия никак не выделялась в конце 1990-х — начале 2000-х на фоне других европейских стран, таких как Венгрия, Эстония, Словения, среднее желаемое число детей в которых было равно 2,0–2,2 [The Demographic Future, 2006]. В 2000-е и 2010-е происходили колебания среднего желаемого числа детей, повышение которого в 2006 г. было, вероятно, связано с резонансными новостями о появлении новой меры материальной поддержки семей при рождении второго и последующих детей — материнского капитала, а в 2019 г. — со значительным расширением материальной поддержки многодетных семей. Ранее факт увеличения среднего желаемого числа детей после введения

мер государственной поддержки семьи в 2007 г. был отмечен С.Н. Варламовой [2010]. Кроме того, ряд исследователей полагает, что формулировка вопроса: «*Сколько всего детей вы хотели бы иметь, если бы у вас были все необходимые условия?*» может побуждать респондента как называть большее число детей, чем он хотел бы на самом деле, так и меньшее ввиду непонимания того, что для него самого означают «все необходимые условия» [Архангельский, 2006; Архангельский, Зинькина, 2019].

Добровольная бездетность при наличии всех необходимых условий не является желательным сценарием ни для мужчин, ни для женщин, а семья с двумя детьми была и остается наиболее предпочтительной в глазах россиян.

Ожидаемое число детей закономерно существенно ниже, чем желаемое, так как этот показатель отражает репродуктивные планы с учетом существующих условий и ограничений. Предпочтения российских мужчин и женщин по ожидаемому числу детей совпадают, а колебания значений этого показателя довольно малы. В кризисные 1997–1998 гг. среднее ожидаемое число детей было 1,7–1,8: треть респондентов собирались родить или уже родили одного ребенка, а половина — двоих. В докризисные 1995 и 1996 гг. и посткризисный период начала 2000-х среднее ожидаемое число детей составляло 1,9, т.е. россияне после стабилизации социально-экономической ситуации вернулись к прежним репродуктивным планам за счет того, что несколько повысилась доля женщин, которые родили или хотели родить двоих. На протяжении всех 2000-х доля тех, кто собирался остаться бездетным, была невероятно низкой, особенно среди женщин (не превышала 3%). Опрос 2019 г., который был проведен после девятилетнего перерыва, показал, что каждый десятый россиянин собирается остаться бездетным. Кроме того, значительно снизилась доля тех, кто родил или собирается родить двоих, но немного возросла доля тех, кто ориентирован на многодетную семью. Таким образом, среднее ожидаемое число детей у россиян остается стабильным, но, вероятно, произошли изменения в репродуктивном поведении населения: все шире распространяется бездетность и происходит сближение распространенности однодетности и двухдетности.

Наиболее настораживает факт сильного противоречия между индивидуальными предпочтениями по числу детей и ожидаемым их числом. Ранее подобный диссонанс между желаемым и ожидаемым числом детей у женщин уже

прослеживался [Тындик, 2012]. Однако декларируемые личные предпочтения относительно большего числа детей могут быть обусловлены следованиям нормативным представлением о числе детей либо давлением родственников, тогда как личные репродуктивные намерения остаются неопределенными, либо рождения откладываются на неопределенный срок [Исупова, Уткина, 2016].

Хотя некоторые исследователи рассматривают повышение желаемого числа детей в позитивном ключе, обращает на себя внимание факт того, что группа населения с низким потребительским статусом декларирует наибольшее желаемое число детей. Наше исследование подтвердило существование обратной связи между уровнем материального положения и желаемым числом детей только по результатам опросов 2001, 2006 и 2019 гг. и отсутствие этой связи с ожидаемым их числом. Результаты исследования показали отсутствие различий по желаемому и ожидаемому числу детей среди мужчин и женщин с разным уровнем образования. Результаты опроса 2006 г. выявили, что большинство мужчин и женщин считают, что только рождение одного ребенка позволит им сохранить прежний уровень материальной обеспеченности семьи. Очевидно, что население хорошо чувствует, что одномоментные меры материальной поддержки семьи при рождении ребенка никак не скажутся на дальнейшем благосостоянии семьи. Согласно данным Росстата с 2013 по 2017 г. сильнее всего возросла доля малоимущих семей с тремя и более детьми с 40 до 52%, а душевой дефицит дохода особенно резко увеличивается при появлении в семье третьего ребенка [Горина, 2019]. Ранее исследования О. Синявской и Е. Головляничиной продемонстрировали, что меры финансовой поддержки семей с детьми, введенные в 2007 г., могут стимулировать более быстрое рождение запланированного числа детей в малообеспеченных семьях, но эти меры поддержки являются недостаточными для изменения репродуктивных планов большинства семей в отношении рождения второго и последующих детей [Синявская, Головляничина, 2009]. Кроме того, группы населения, ориентированные на рождение только одного-двух детей, склонны отрицательно оценивать меры, направленные на стимулирование рождения третьего ребенка [Исупова, 2018]. Результаты зарубежных исследований также говорят о том, что финансовое стимулирование рождаемости не влияет на репродуктивное поведение индивидов [Gauthier,

Philipov, 2008]. Еще почти 50 лет назад, когда исследования репродуктивных установок только начинались, В. Белова и Л. Дарский отмечали: «Сознание людей формируется всей суммой социального воздействия общества на личность в процессе ее социализации. И в этом обширном комплексе влияний индивидуальный доход, бюджет времени или жилищные условия играют далеко не первую роль. В общей системе ценностей, существующих в обществе, есть ценность семьи и детей; и если потребность в детях, чем она ни была бы обусловлена, удовлетворена двумя детьми, то третий не нужен семье, его рождения она будет избегать с той степенью настойчивости, с которой она привыкла добиваться других целей» [Белова, Дарский, 1972, с. 140].

Однако среди исследователей нет единого мнения о том, что является основополагающим фактором, влияющим на реализацию ожидаемого числа рождений. В современной научной литературе рассматривается влияние условий на рынке труда, влияние увеличения распространенности высшего образования [Testa, 2014], наличие гендерного равенства в семье и в обществе [McDonald, 2000; Esping-Andersen, Billari, 2015]. Результаты эмпирических исследований подтверждают, что наибольший разрыв между ожидаемым и итоговым числом рождений наблюдается в странах с нестабильным рынком труда и неразвитой системой поддержки сочетания семьи и работы [Beaujouan, Berghammer, 2019].

Российские исследователи неоднократно обращали внимание на категорию женщин с высшим образованием, репродуктивные намерения которых часто остаются нереализованными [Синявская, Тындик, Головляничина, 2009; Тындик, 2012]. И, хотя российские женщины склонны высоко оценивать меры материальной поддержки семей с детьми [Исупова, 2018], недавний (декабрь 2019 г.) опрос женщин 18–45 лет и мужчин 18–55 лет из 53 регионов России, проведенный совместно Агентством стратегических инициатив и Фондом общественного мнения, выявил заметную заинтересованность со стороны молодых женщины до 25 лет в гибком графике работы для недавно родивших женщин [АСИ, 2019]. Наконец, вероятно, объектом внимания социальной политики должно стать поддержание уровня жизни семей с тремя детьми за счет и долговременной материальной поддержки, и создания условий для сочетания женщинами работы и материнства. Многодетные семьи представляют собой гетерогенную социальную группу, в которую входят не толь-

ко многодетные семьи с числом детей больше четырех и ставшие таковыми по религиозным причинам, но и многодетные с тремя детьми, как сознательно спланировавшие рождение троих детей и высоко заинтересованные в помощи и поддержке, так и ставшие многодетными в результате вступления в повторный брак [Борисова, Павлюткин, 2019]. Постоянно увеличивающийся вклад повторных союзов в рождаемость вторых и третьих детей [Захаров и др., 2016] делает одним из вероятных сценариев увеличение дифференциации семей по числу детей.

Принимая во внимание то, что фактическое число рожденных детей всегда несколько ниже, чем ожидаемое, на основании имеющихся данных нет никаких оснований полагать, что произойдет существенное увеличение итоговой рождаемости поколений женщин 1980-х — начала 1990-х годов рождения. Тем не менее использование комплексного подхода в социальной политике, учитывающего интересы всех групп населения, несомненно, будет способствовать повышению рождаемости. В конечном итоге «общая цель, конечно, не в том, чтобы максимизировать рождаемость как таковую... основная задача заключается в том, чтобы дать людям возможность иметь такое число детей, которое они хотят иметь» [Esping-Andersen, 2017, с. 55].

Список литературы

1. Андреев Е.М., Бондарская Г.А. Можно ли использовать данные об ожидаемом числе детей в прогнозе населения? // Вопросы статистики. 2000. № 11. С. 56–62.
2. Андреев Е.М., Захаров С.В. Микроперепись – 2015 ставит под сомнение результативность мер по стимулированию рождаемости // Демоскоп-Weekly. 2017. С. 711–712.
3. Антонов А.И., Борисов В.А. Лекции по демографии. М.: Академический проект; Альма Матер, 2011.
4. Архангельский В.Н. Факторы рождаемости. М.: ТЕИС, 2006.
5. Архангельский В.Н. Влияние субъективной оценки уровня жизни на репродуктивное поведение // Уровень жизни населения регионов России. 2011. № 8. С. 36–41.
6. Архангельский В.Н. Помощь семьям с детьми в России: оценка демографической результативности // Социологические исследования. 2015. № 3. С. 56–64.
7. Архангельский В.Н., Зинькина Ю.В., Коротчаев А.В., Шульгин С.Г. Современные тенденции рождаемости в России и влияние мер государственной поддержки // Социологические исследования. 2017. № 3. С. 43–50.
8. Архангельский В.Н., Зинькина Ю.В., Шульгин С.Г. Рождаемость у женщин с разным уровнем образования: текущее состояние и прогнозные сценарии // Народонаселение. 2019. Т. 22. № 1. С. 21–39.
9. АСИ. Россияне назвали барьеры, препятствующие повышению рождаемости. [Электронный ресурс] <https://asi.ru/news/119933/>; дата обращения к источнику: 15.12.2019.
10. Белова В.А. Величина семьи и общественное мнение // Факторы рождаемости / Под ред. А.Г. Волкова. М.: Статистика, 1971. С. 35–51.
11. Белова В.А., Дарский Л.Е. Статистика мнений в изучении рождаемости. М.: Статистика, 1972.
12. Белова В.А. Некоторые аспекты изучения репродуктивного поведения // Рождаемость (проблемы изучения) / Под ред. Л.Е. Дарского. М.: Статистика, 1976. С. 93–105.
13. Бодрова В.В. Репродуктивное поведение населения в переходный период: тенденции к депопуляции // Информационный бюллетень мониторинга. 1994. Июль — август. С. 37–40.
14. Бодрова В.В. Репродуктивное поведение населения России в 1995 году: катастрофа отстывает? // Информационный бюллетень мониторинга. 1996. Май — июнь. С. 36–38.
15. Бодрова В.В. Репродуктивные ориентации населения России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1997. № 3. С. 44–47.
16. Бодрова В.В. Сколько детей хотят иметь россияне? // Электронная версия бюллетеня «Население и общество». 2002. № 81–82.
17. Борисов В.А. Желаемое число детей в российских семьях по данным микропереписи населения России 1994 года // Вестник Московского ун-та. Сер. 18. Социология и политика. 1997. № 2. С. 29–64.
18. Борисова О.Н., Павлюткин И.В. Вариативность моделей современной городской многодетности: возрождение

- традиции, новые браки или сетевые эффекты? // Мир России. 2019. Т. 28. № 4. С. 128–151.
19. *Варламова С.Н.* Динамика репродуктивных установок россиян в контексте демографического развития страны // Международная научно-практическая социологическая конференция «Продолжая Грушина». Москва, 11–12 ноября 2010 г. [Электронный ресурс] https://wciom.ru/fileadmin/file/nauka/grusha_2010/family/Varlamova.pdf; дата обращения к источнику: 02.12.2019.
  20. *Голов А.* Число детей определяют взрослые. 2005 г. [Электронный ресурс] <http://www.levada.ru/press/2005082301.html>; дата обращения к источнику: 02.12.2019.
  21. *Горина Е.А.* Материальное положение российских семей с детьми и политика по стимулированию рождаемости на федеральном и региональном уровнях // Международная конференция «Демографические тенденции в России: наследие советского времени или новый поворот?». Москва, 21–22 ноября 2019 г. [Электронный ресурс] https://demogr.hse.ru/data/2019/12/12/1524279593/Горина_Стимулирование%20рождаемости%22.11.19.pdf; дата обращения к источнику: 12.12.2019.
  22. *Дарский Л.Е.* Рождаемость и репродуктивная функция семьи // Демографическое развитие семьи. М., 1979. С. 85–125.
  23. *Дарский Л.Е.* Ожидаемое число детей у женщин разных национальностей и перспективы рождаемости в населении бывшего СССР // Демоскоп-weekly. 2005. № 191–192.
  24. *Елизаров В.В.* Семейная политика: новости 2006 года // Демоскоп-weekly. 2006. № 241–242.
  25. *Захаров С.В.* Демографические обследования населения: прошлое, настоящее, будущее // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / Под ред. Т.М. Малевой, О.В. Синявской. М.: НИСП, 2007. С. 9–34.
  26. *Захаров С.В., Чурилова Е.В., Агаджанян В.С.* Рождаемость в повторных союзах в России: позволяет ли вступление в новый супружеский союз достичь идеала двухдетной семьи? // Демографическое обозрение. 2016. Т. 3. № 1. С. 35–51.
  27. *Захаров С.В.* Тенденции рождаемости в России за последние четыре десятилетия: анализ с учетом вероятности рождения очередного ребенка в условных и реальных поколениях // Население (Naselenie Review). 2019. Т. 37. № 1. С. 209–243.
  28. *Землянова Е.В., Чумарина В.Ж.* Откладывание деторождения российскими женщинами в современных социально-экономических условиях // Электронный научный журнал «Социальные аспекты здоровья населения». 2018. № 6.
  29. *Исупова О.Г.* Отношение к мерам стимулирования рождаемости по данным микропереписи 2015 г. // Демографическое обозрение. 2018. Т. 5. № 3. С. 25–56.
  30. *Исупова О.Г., Уткина В.В.* Молодые женщины в органах государственного управления России: факторы, определяющие карьерные траектории // Журнал исследований социальной политики. 2018. № 3. С. 473–486.
  31. Краткие итоги выборочного обследования семья и рождаемость. 2010. [Электронный ресурс] https://www.gks.ru/free_doc/2010/family.htm; дата обращения к источнику: 05.12.2019.
  32. *Малева Т., Тындик А.* Потенциал роста рождаемости в Москве // Демоскоп-weekly. 2014а. № 585–586. [Электронный ресурс] <http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0585/tema06.php>.
  33. *Малева Т., Тындик А.* Ловушка низкой рождаемости в Москве: высокообразованные бездетные // Регион: экономика и социология. 2014б. № 2 (82). С. 116–136.
  34. Население России-1999. Седьмой ежегодный демографический доклад / Отв. ред. А.Г. Вишневский. М., 2000.
  35. Послание Президента Российской Федерации от 10.05.2006 г. б/н. (О положении в стране и основных направлениях внутренней и внешней политики государства) [Электронный ресурс] <http://www.kremlin.ru/acts/bank/23819/page/1>; дата обращения к источнику: 05.12.2019.
  36. Послание Президента Федеральному собранию от 20.02.2019 [Электронный ресурс] <http://www.kremlin.ru/events/president/news/59863>; дата обращения к источнику: 05.12.2019.
  37. *Рыбаковский Л.Л.* Концепция демографической политики России: опыт разработки и пути совершенствования // Социологические исследования. 2015. № 9. С. 62–70.

38. Синявская О.В., Головляница Е.Б. Новые меры семейной политики и население: будет ли длительным повышение рождаемости? // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / Под науч. ред. С.В. Захарова, Т.М. Малевой, О.В. Синявской; Независимый институт социальной политики. М.: НИСП, 2009. С. 205–246.
39. Синявская О.В., Тындик А.О., Головляница Е.Б. В каких семьях рождаются дети? Факторы репродуктивного поведения в России // Семья в центре социально-демографической политики / Сборник аналитических статей / Отв. ред. О.В. Синявская. М.: НИСП, 2009. С. 19–46.
40. Сobotka T., Лутц В. Коэффициент суммарной рождаемости дает политикам дезориентирующие сигналы: не следует ли отказаться от его использования // Экономический журнал ВШЭ. 2011. Т. 15. № 4. С. 409–443.
41. Тындик А.О. Репродуктивные установки и их реализация в современной России // Журнал исследований социальной политики. 2012. Т. 10. № 3. С. 361–376.
42. Archangelsky V.N., Dzhanayeva N.G. Using cohort fertility indicators to assess and predict the effectiveness of demographic policies // *Ekonomika regiona [Economy of Region]*. 2015. No. 4. P. 170–184.
43. Beaujouan E., Berghammer C. The Gap Between Lifetime Fertility Intentions and Completed Fertility in Europe and the United States: A Cohort Approach // *Population Research and Policy Review*. 2019. No. 38. P. 507–535.
44. Esping-Andersen G., Billari F. Retheorizing Family Demographics // *Population and Development Review*. 2015. Vol. 41. Is. 1. P. 1–31.
45. Esping-Andersen G. Education, gender revolution, and fertility recovery // *Vienna Yearbook of Population Research*. 2017. Vol. 15. P. 55–59.
46. Frejka T., Zakharov S. The Apparent Failure of Russia's Pronatalist Family Policy // *Population and Development Review*. 2013. Vol. 39. No. 4. P. 635–647.
47. Gauthier A.H., Philipov D. Can policies enhance fertility in Europe? // *Vienna Yearbook of Population Research*. 2008. Vol. 6. Is. 1. P. 1–16.
48. Heiland F., Prskawetz A., Sanderson W.C. Are Individuals' Desired Family Sizes Stable? Evidence from West German Panel Data // *European Journal of Population*. 2008. Vol. 24. No. 2. P. 129–156.
49. McDonald P. Gender Equity in Theories of Fertility Transition // *Population and Development Review*. 2000. Vol. 26, Is. 3. P. 427–439.
50. Philipov D., Bernardi L. Concepts and operationalisation of reproductive decisions implementation in Austria, Germany, and Switzerland // *Comparative Population Studies*. 2012. Vol. 36. No. 2–3. P. 495–530.
51. Ray C.M., Harcey S.R., Greil A.L., Tiemeyer S., McQuillan J. Stability and change in personal fertility ideals among US women in heterosexual relationships // *Demographic Research*. 2018. Vol. 39. Art. 16. P. 459–486.
52. Sobotka T., Lutz W. Misleading Policy Messages Derived from the Period TFR: Should We Stop Using It? // *Comparative Population Studies*. 2010. Vol. 35. No. 3. P. 637–664.
53. Sobotka T., Beaujouan É. Two is best? The persistence of a Two-child Family Ideal in Europe // *Population and Development Review*. 2014. Vol. 40. No. 3. P. 391–419.
54. Testa M.R. Childbearing preferences and family issues in Europe: Evidence from the Eurobarometer 2006 survey // *Vienna Yearbook of Population Research*. 2007. P. 357–379.
55. Testa M.R. Family Sizes in Europe: Evidence from the 2011 Eurobarometer Survey // *European Demographic Research Papers*. 2012. No. 2. Vienna Institute of Demography, Austrian Academy of Sciences.
56. Testa M.R. On the positive correlation between education and fertility intentions in Europe: Individual- and country-level evidence // *Advances in Life Course Research*. 2014. Vol. 21. P. 28–42.
57. The Demographic Future of Europe — Facts, Figures, Policies. Results of the Population Policy Acceptance Study (PPAS). [Electronic source] https://www.bib.bund.de/Publikation/2005/pdf/The-Demographic-Future-of-Europe-EN.pdf?__blob=publicationFile&v=4.

Приложение 1

КРАТКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИССЛЕДОВАНИЙ

Год	Месяц	N	% мужчин	% с высшим образованием
1995	март	1980	44,8	22,4
1996	май	2405	42,8	24,5
1997	июль	2322	40,7	25,7
1998	июль	2407	39,9	24,1
1999	март	2385	40,6	25,6
2000	май	2407	36,9	26,5
2001	декабрь	1651	44,8	17,7
2003	январь	1605	45,7	16,4
2005	июль	1600	45,6	17,1
2006	август	1631	45,2	21,8
2010	август	1600	45,2	20,7
2015	октябрь	1602	45,4	31,0
2019	октябрь	1616	45,2	29,3

Приложение 2

ФОРМУЛИРОВКА ВОПРОСОВ ОБ ИДЕАЛЬНОМ, ЖЕЛАЕМОМ И ОЖИДАЕМОМ ЧИСЛЕ ДЕТЕЙ В СЕМЬЕ

Год, месяц	Идеальное число детей	Желаемое число детей	Ожидаемое число детей
1995, март	Если говорить об идеальной семье, как вы думаете, сколько детей должно быть в ней?	Сколько всего детей (включая тех, которые уже есть) вы хотели бы иметь, если бы у вас были все необходимые для этого условия?	Сколько детей (включая тех, которые уже есть) вы планируете иметь в своей семье?
1996, май			
1997, июль			
1998, июль			
1999, март			
2000, май			
2001, декабрь			
2003, январь	–		
2005, июль	–	Сколько всего детей (включая тех, которые уже есть) вы хотели бы иметь, если бы у вас были все необходимые для этого условия?	Сколько всего детей по вашим ожиданиям будет у вас в течение всей жизни?
2006, август	Сколько детей должно быть в идеальной семье?	Сколько всего детей (включая тех, которые уже есть) вы хотели бы иметь, если бы у вас были все необходимые для этого условия?	Сколько всего детей (включая тех, которых у вас уже родились) будет у вас в течение всей жизни?
2010, август	Если говорить об идеальной семье, как вы думаете, сколько детей должно быть в ней?	Сколько всего детей (включая тех, которые уже есть) вы хотели бы иметь, если бы у вас были все необходимые для этого условия?	А сколько всего детей, включая тех, которых вы уже произвели на свет, вы планируете иметь в своей семье?

Продолжение таблицы приложения 2

Год, месяц	Идеальное число детей	Желаемое число детей	Ожидаемое число детей
2015, октябрь	–	Сколько всего детей (включая тех, которые уже есть) вы хотели бы иметь, если бы у вас были все необходимые для этого условия?	–
2019, октябрь	–	Сколько вы лично хотели бы иметь детей, если бы у вас для этого были все необходимые условия?	Сколько всего детей (включая тех, которые у вас уже есть) вы собираетесь иметь?

Алина ПИШНЯК
Наталья ХАЛИНА
Елена НАЗАРБАЕВА
Александра ГОРЯЙНОВА

Непрерывное образование в старших возрастах: мировой опыт и российские реалии¹

Введение

Вопросы старения давно попадают в поле зрения социальных исследователей. Изначально переход в старшие возрастные группы ассоциировался только с негативными процессами, в частности с исключением из социальной жизни. Так, теория Э. Камминга и В. Генри описывала старение как процесс уменьшения обязательств, в ходе которого пожилые люди сталкиваются с меньшим давлением социальных институтов и норм, что облегчало переход от жизни к смерти. Однако постепенно такой взгляд уступил место альтернативным подходам, в фокусе которых оказалось стремление сохранить активность старшего поколения².

Исследования показывают, что и сегодня существуют примеры «традиционного» восприятия пожилых как слабых, не представляющих интереса для общества. Иллюстрацией этого может служить тенденция к менее внимательному обращению медицинского персонала со старшими пациентами. В обзоре, посвященном проявлениям возрастной дискриминации в Великобритании, показано, что представители старших возрастов сталкиваются с ограничениями в получении профилактической помощи и доступе к услугам медицинских специалистов, получают меньше рекомендаций по приему лекарственных препаратов и т.д.³ Тем не менее эта идеология постепенно сменяется другой: все чаще признается, что люди в воз-

расте играют важную роль в социальной жизни общества. Это обусловлено и экономическим эффектом — ростом возможностей старшего поколения предъявлять платежеспособный спрос на товары и услуги, что видно на примере рынка медикаментов⁴. Изменение демографической структуры общества и растущее количество пожилых приводят к значительным сдвигам и в политических процессах, позволяя им вносить свой вклад в результаты голосования⁵. Параллельно с переориентацией идеологий на большую роль пожилых в общественной жизни меняется и восприятие старшими гражданами себя и своего возраста. Идентичность пожилых меняется: несмотря на то что она во многом базируется на событиях из прошлого, современные пожилые живут настоящим и имеют планы на будущее. Это позволяет говорить о сохранении ими активности и включенности в социальные процессы⁶.

Более того, само представление о социальной исключенности пожилых из общественных и экономических процессов на сегодняшний день является спорным⁷. Несмотря на то что с выходом на пенсию снижается доход человека, остальные его ресурсы могут как минимум оставаться неизменными. Так, отмечается стабильное состояние здоровья до и после выхода на пенсию, при этом наблюдается рост включенности в досуговую активность тех, кто выходит на пенсию с оплачиваемой работы. Струк-

¹ В данной научной работе использованы результаты проекта «Мобилизация и повышение качества человеческого капитала среднего класса и уязвимых групп населения», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ-ВШЭ в 2019 г.

² *Сергеева О.В.* Социология старения и возрастного неравенства (обзор западных концепций) // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 7. Философия. 2012. № 2 (17). С. 74–78.

³ *Clark A.* Ageism and age discrimination in primary and community health care in the United Kingdom. London: Centre for Policy on Ageing, 2009.

⁴ *Salter B., Salter Ch.* The politics of ageing: health consumers, markets and hegemonic challenge // *Sociology of Health & Illness*. 2018. Vol. 40. No. 6. ISSN 0141-9889. P. 1069–1086.

⁵ Там же.

⁶ *Cook P.* Continuity, change and possibility in older age: Identity and ageing-as-discovery // *Journal of Sociology* 2018. Vol. 54(2). 178–190.

⁷ *Wetzel M., Bowen C., Huxhold O.* Level and change in economic, social, and personal resources for people retiring from paid work and other labour market statuses // *European Journal of Ageing*. 2019. URL: <https://doi.org/10.1007/s10433-019-00516-y>

тура социальных связей меняется в позитивном ключе: растет количество семейных связей, при этом количество контактов с людьми не из семейного круга не падает¹.

Однако все сказанное в большей степени справедливо для зарубежных стран, в России все еще придерживаются старой идеологии оценки роли пожилых. Старшее население по-прежнему стигматизируется как не способное к обучению и работе, требующее заботы наравне с детьми². Одним из шагов к усилению включенности старшего поколения в активную социальную жизнь может стать фокус на вовлечение пожилых в процесс обучения. С одной стороны, оно позволяет дольше оставаться включенным в рынок труда, с другой — лучше подготовиться к достижению пожилого возраста (в отношении здоровья и восприятия себя)³. В свете всего сказанного возникает вопрос, существуют ли в России практики вовлечения лиц старшего возраста в процессы обучения. И если да, то почему они не приводят к смене восприятия роли и положения пожилых?

Включение пожилых людей, как и всего взрослого населения, в образовательные процессы погружает ситуацию в более широкий контекст непрерывного образования, тема которого активно привлекает внимание исследователей и экспертов в последние годы. Данная работа фокусируется на обучении пожилых в контексте непрерывного образования, уделяя внимания общему анализу этого феномена, а также примерам его реализации за рубежом и сопоставлением с российскими реалиями, особенно в области обучения лиц старшего возраста.

Первая часть текста представляет собой обзор работ, посвященных непрерывному образованию: истории возникновения термина, его определению и измерению. Во *второй* части рассмотрены примеры организации обучения представителей старших возрастов за рубежом. *Третья* часть работы посвящена ситуации в России. Рассмотрен вопрос о существующих возможностях обучения для лиц старшего возраста. Речь здесь пойдет как о государственных, так и о негосударственных программах. В *четвертой* части приведены данные ряда социологических исследований, позволяющие оценить

уровень вовлеченности в образование людей старшего возраста в России и охарактеризовать мнение целевой аудитории относительно имеющихся на сегодняшний день стимулов и барьеров для включения в образовательный процесс. Завершают работу краткие выводы о существующих подходах к обучению пожилых, лучших практиках внедрения таких подходов и их применимости к российским реалиям, а также рекомендации по расширению участия пожилых в различных формах обучения.

Непрерывное образование: определение и история возникновения понятия

На сегодняшний день существует несколько направлений, уделяющих внимание вопросу непрерывного образования⁴.

В рамках первого рассматривается образование длиною в жизнь и предполагается, что обучение не заканчивается в тот момент, когда человек покидает учебное заведение, он продолжает учиться работая, общаясь с людьми, отправляясь в путешествие и т.д.

Второе направление уделяет внимание образованию взрослых, акцентируя внимание на специфическом подходе к обучению взрослых людей, так как они уже имеют определенный опыт и знания и могут обращаться к ним в процессе обучения.

И, наконец, третье направление фокусируется на непрерывном профессиональном обучении, подразумевающим, что, попав на работу, человек продолжает учиться у окружающих, формально и неформально.

В английском языке используется термин *Life-long learning*, он объединяет упомянутые выше идеи и подчеркивает интеграцию всех процессов образования: вертикальную — между всеми этапами и горизонтальную — между всеми аспектами обучения (в семье, на работе и т.д.). Наряду с этим подчеркивается, что процесс непрерывного обучения должен служить повышению уровня жизни обучающихся⁵.

Концепт непрерывного образования впервые появился в материалах генеральной конференции ЮНЕСКО в 1968 г. Наряду с ЮНЕСКО вопросами непрерывного образования занималась Организация экономического сотрудни-

¹ Wetzel M., Bowen C., Huxhold O. Op. cit.

² «Люди старшего возраста незаметно получили ярлыки людей обделенных, тех, о ком нужно заботиться». Постанука. 2014. URL: <https://postnauka.ru/talks/32753>

³ Davey J. Active ageing and education in mid and later life // Ageing and Society. Jan. 2002. No. 22. P. 95–113.

⁴ Зайцева О.В. Непрерывное образование: основные понятия и определения // Вестник ТГПУ. 2009. № 7 (85). С. 106–109. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/neprieryvnoe-obrazovanie-osnovnye-ponyatiya-i-opredeleniya>

⁵ JuSeuk K. Development of a global lifelong learning index for future education // Asia Pacific Education Review. 2016. Vol. 17. Is. 3. P. 439–463. Source: Springer Link.

чества и развития (ОЭСР), Всемирный банк, Совет Европы и Европейский союз¹. Отметим, что с этого момента интерес к непрерывному образованию не угасал, вопрос фигурировал как в документах, так и в повестках различных конференций. И сегодня в рамках Европейской стратегии — 2020 рассматриваются вопросы непрерывного образования, утверждается необходимость кооперации европейских стран в развитии как формального, так и неформального образования для взрослых граждан².

В России идея непрерывного образования, как ни странно, имеет также давнюю историю. Термин появился еще в СССР, в постановлении ЦК КПСС и Совета министров СССР 1986 г. «О мерах по коренному улучшению качества подготовки и использования специалистов с высшим образованием в народном хозяйстве»³. А в действующем Законе об образовании Российской Федерации, принятом в 2012 г., фигурирует право на образование человека в течение всей жизни (непрерывное образование)⁴.

Наряду с определением непрерывного образования отдельный интерес вызывают вопросы его измерения. Говоря об образовании взрослых, в европейской статистике подразумевают преимущественно обучение всех людей в возрасте 25–64 лет (отсекая, таким образом, тех, кто в силу возраста может являться студентом университета). По данным Евростата⁵, в 2017 г. доля обучавшихся в течение месяца, предшествующего опросу, в этой группе составляла 10,9%. За последние 12 месяцев перед опросом, по данным за 2016 г., обучались 40,3% взрослых европейцев⁶. В статистике ОЭСР используется другая разбивка по возрасту, смещенная к более старшему населению, и показатели по охвату обучения взрослых оказываются еще ниже.

¹ *Efvert M.* UNESCO, the Faure Report, the Delors Report, and the Political Utopia of Lifelong Learning // *European Journal of Education*. 2015. Vol. 50. No. 1. P. 88–100. Source: EBSCOHost.

² EUROPE-2020. A European strategy for smart, sustainable and inclusive growth. URL: <http://ec.europa.eu/eu2020/pdf/COMPLETE%20EN%20BARROSO%20%202007%20-%20Europe%202020%20-%20EN%20version.pdf>

³ *Зайцева О.В.* Непрерывное образование: основные понятия и определения // *Вестник ТГПУ*. № 7 (85). 2009. С. 106–109. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/nepreryvnoe-obrazovanie-osnovnye-ponyatiya-i-opredeleniya>

⁴ Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 01.05.2017) «Об образовании в Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/1a45a123ee3e2f6e74ca4d567d8881ba35fb291/

⁵ Eurostat. URL: <http://ec.europa.eu/eurostat>

⁶ Adult learning statistics // Eurostat Statistic Explained. 2017. URL: http://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Adult_learning_statistics

Так, в возрастной группе 40 лет и старше только 1,4% всего населения стран ОЭСР вовлечены в процесс формального образования. Неформальное образование более популярно: оно охватывает около трети всего населения в возрасте 55–64 лет⁷.

Рассматривая вопросы обучения в контексте старения и вовлечения в социальную жизнь лиц старших возрастов, представляется важным рассмотреть индексы, отражающие положение пожилых в обществе, такие как Active Ageing Index (Индекс активного долголетия) и Age Watch Index (Индекс качества жизни пожилых людей). Они рассчитываются на основе множества составляющих, одной из которых является обучение пожилых (однако вес этой составляющей в составе обоих индексов невелик).

Индекс Active Ageing разработан Европейской экономической комиссией ООН совместно с рядом других политических и исследовательских организаций. По этому показателю на 2016 г. первое место занимала Швеция, за ней следовали Дания, Нидерланды и Великобритания⁸. Рейтинг рассчитывается для 28 европейских стран, Россия в него не включена. Однако прозрачная методология расчетов позволяет дать оценку аналогичного индекса для России. По расчетам, сделанным по данным 2010–2012 гг., Россия при включении в этот рейтинг могла бы занять 22-е место, расположившись между Хорватией и Болгарией⁹. Что говорит о невысокой позиции России среди европейских стран в вопросах активного долголетия.

Индекс Age Watch был разработан и составлен международной некоммерческой организацией HelpAge International на основе международных наборов данных, полученных от различных международных организаций, в том числе от Департамента ООН по экономическим и социальным вопросам, Всемирного банка, Всемирной организации здравоохранения и т.д.¹⁰ Лидером в рейтинге Age Watch, со-

⁷ Education Today — 2013: The OECD Perspective // OECD iLibrary. URL: http://www.oecd-ilibrary.org/education/education-today-2013/lifelong-learning-and-adults_edu_today-2013-9-en;jsessionid=28p326tevdp40.x-oecd-live-02

⁸ UNECE / European Commission (2019) “2018 Active Ageing Index: Analytical Report”. Report prepared by Giovanni Lamura and Andrea Principi under contract with the United Nations Economic Commission for Europe (Geneva), co-funded by the European Commission’s Directorate General for Employment, Social Affairs and Inclusion (Brussels).

⁹ *Frolova E.* Active ageing index: Russian study // II Международная научная конференция «Наука будущего» URL: <https://4science.ru/events/sf2016/theses/647b19729a694b22822c8bd879dd4ea1>

¹⁰ About Global AgeWatch. URL: <https://www.helpage.org/global-agewatch/about/>

гласно данным 2015 г., является Швейцария. За ней следуют Норвегия и Швеция. США расположились на 9-м месте рейтинга. Россия занимает 65-е место в рейтинге и оказывается близкой к таким странам, как Литва, Белоруссия, Сербия и Бангладеш. Помимо этого строятся рейтинги по частным составляющим индекса. По субиндексу «занятость и образование» Россия находится на 25-м месте, при этом, по данным исследования, 50,1% населения в возрасте 55–64 лет имеют работу, а 79,1% населения в возрасте 60+ имеют среднее или высшее образование¹. Ухудшает положение пожилых в данном индексе низкая оценка качества окружающей среды, уровня безопасности, гражданских свобод и транспортной доступности. Иными словами, согласно данному индексу существующие возможности для сохранения занятости и получения образования не перекрывают имеющихся трудностей, с которыми приходится сталкиваться людям старших возрастов.

Подводя итог, можно сказать, что Россия сегодня хоть и не находится в числе аутсайдеров по вовлеченности взрослых в образовательные процессы, но существенно уступает странам-лидерам. Чтобы понять причины этого, рассмотрим, как устроено обучение взрослых за рубежом. Не останавливаясь на описании отдельных стран, охарактеризуем ключевые формы, в которых реализуется образование для взрослых.

Обучение взрослых за рубежом: примеры успешных практик

Обращаясь к практикам обучения пожилых за рубежом, в первую очередь стоит отметить, что работа идет в двух направлениях. В первом случае обучение выступает как одна из форм организации досуга, во втором оно ориентировано на укрепление позиции обучающегося на рынке труда (отметим, что оба способствуют сохранению социальной вовлеченности лиц старших возрастов). Сначала рассмотрим формы обучения, ориентированные на организацию досуга пожилых, затем обратимся к примерам обучения, ориентированного на вывод учащихся на рынок труда.

В ряде стран существуют **университеты третьего (серебряного) возраста, направленные на работу со старшим поколением**. Обучение в такой форме представлено в широком спектре государств, в том числе развивается и вызывает

интерес исследователей в России². Общая черта таких университетов — обучение преимущественно ради развития и получения удовольствия.

В США университеты третьего возраста существуют на базе университетов и колледжей. Занятия проводятся, как правило, по инициативе самих организаций, а не государства³.

В Финляндии более 60 лет существуют народные университеты, в рамках которых организуются академии для пожилых людей. В Великобритании создано Общество третьего возраста. В настоящее время оно объединяет более 250 университетов из Англии, Уэльса, Шотландии и Северной Ирландии. Обучение включает физические упражнения, а также общественную деятельность, целью которой является улучшение качества жизни пожилых людей⁴.

Наряду с университетами еще одной формой обучения, имеющей аналог для обучения молодежи, являются **курсы и вечерние школы для пожилых**. Так, в Дании они ориентированы на интересы учащихся: направления обучения выбираются ими⁵.

Помимо этого существуют более неформальные варианты обучения для организации досуга пожилых — клубы и туристические поездки. **Клубы для пожилых** нацелены преимущественно на общее развитие и расширение кругозора учащихся. Многие созданы и действуют на местном уровне под опекой различных организаций, а не возникли в результате принятия специального государственного законодательства⁶. В то время как **обучение в рамках путешествия** характеризуется тем, что взрослым (и пожилым) учащимся предлагаются бюджетные поездки, сочетающие обучение и путешествие⁷.

² Левинтов А. Серебряный университет // Исследование SEDeC: серия авторских концепций. 2015. URL: http://www.skolkovo.ru/public/media/documents/research/SEDeC_2015-01_rus.pdf

³ Динер А.А., Стурова И.С. Обзор зарубежного опыта в сфере дополнительного профессионального образования взрослых и пожилых людей // Журнал «Экономика. Профессия. Бизнес». Спецвыпуск. 2016. № 1.

⁴ Высоцкая И.В., Митина А.М. Дополнительное образование взрослых за рубежом: университет третьего возраста // Волгоград: Журнал «Известия Волгоградского государственного технического ун-та». 2008. № 7 (45). С. 71–74.

⁵ Country Report on Adult Education in DENMARK. 2011. URL: http://www.eaea.org/media/resources/ae-in-europe/denmark_country-report-on-adult-education-in-denmark.pdf

⁶ Динер А.А., Стурова И.С. Указ. соч.

⁷ Гнанте Т.Н. Университет третьего возраста в зарубежной системе дополнительного образования взрослых // Волгоград: Журнал «Известия Волгоградского государственного технического ун-та». Межвузовский сб. научн. статей. 2004. № 8.

¹ AgeWatch report card. Russian Federation. URL: <http://www.helpage.org/global-agewatch/population-ageing-data/country-ageing-data/?country=Russian+Federation>

Работа с пожилыми в целях усиления их позиции на рынке труда ведется в двух основных направлениях: подготовка в центрах обучения и переобучения для рынка труда и в ходе обучения на рабочем месте.

Центры обучения и переобучения пожилых для рынка труда реализуются в разных форматах. В США службы и информационные системы для людей пожилого возраста (OASIS) предлагают программы по искусству и гуманитарным наукам, поддержке здоровья, деятельности в качестве волонтеров¹. Кроме того, Национальный совет по проблемам старения (National Council on Ageing) с 1950 г. реализует Программу по вовлечению незанятых пожилых с низким доходом в общественные работы² (Senior community service employment program).

В ряде стран за обучение могут отвечать не только образовательные организации и государство, но и работодатели. Так, в Германии около тысячи учреждений непрерывного образования для взрослых работают в компаниях, на фабриках, в сфере торговли, на промышленных предприятиях, в церквях³.

В Дании желающих могут принимать к себе на обучение различные фирмы. Основной аудиторией такого рода программ являются работники на рынке труда, которые нуждаются в обновлении или развитии собственных навыков⁴.

В заключение отметим, что помимо собственно образовательных организаций существует еще один формат работы с пожилыми — создание разного рода информационных **ресурсов и организаций для более активного включения представителей старшего возраста в различные сферы жизни**. Если такие ресурсы представлены онлайн, они содержат информацию об активном долголетии, практические советы об обучении, о смене работы и других областях жизни.

Вне Интернета существуют НКО, ставящие своей целью поддержание активной старости, например Сообщество активного старения (Vital Aging Network)⁵. Целью их работы является привлечение людей в возрасте старше 50 лет

к участию в жизни общества, гражданских инициативах и других процессах⁶.

Подводя итог, отметим, что за рубежом возможности выбора формы обучения и его тематики достаточно широки, степень вовлеченности в организацию самого процесса может варьироваться, а в процесс обучения включены как образовательные организации, отвечающие за образование молодежи, так и те, кто занимается только обучением взрослых или лиц старшего возраста.

Обучение пожилых в России: возможности и ограничения

В российских реалиях работа с молодыми студентами и со старшим поколением — две не пересекающиеся области в обучении. И это косвенно снижает влияние обучения пожилых на их включенность в социальную жизнь. Какие же возможности получения образования есть у пенсионеров и людей предпенсионного возраста? Начнем с того, что один из первых вариантов бесплатного обучения для этих групп граждан — переквалификация или повышение квалификации по направлению центра занятости населения⁷. Пенсионер, который не может найти работу, имеет возможность встать на учет в центр занятости населения, где получит направление на бесплатное переобучение по тем специальностям, которые востребованы в регионе его проживания. Аналогичная программа работает и для людей предпенсионного возраста, имеющих официальный статус безработных. Предоставив в центр определенный пакет документов, помимо пособия по безработице они получают направление в учебный центр.

Кроме центров занятости населения бесплатные образовательные программы для людей пожилого возраста в России предлагают государственные библиотеки. Наиболее распространенными являются курсы компьютерной грамотности, которые работают во многих российских библиотеках. В Москве бесплатные образовательные программы для людей пенсионного и предпенсионного возраста работают в Центрах социального обслуживания населения (ЦСОН). Они предлагают компьютерные курсы, программы по иностранным языкам, а также курсы по интересам⁸.

¹ Динер А.А., Стурова И.С. Указ. соч.

² Senior community service employment program // National Council on Aging. URL: <https://www.ncoa.org/economic-security/matureworkers/scsep/>

³ Динер А.А., Стурова И.С. Указ. соч.

⁴ The Danish Education System. 2016. URL: http://hfc.dk/media/252204/the_danish_education_system_pdfa.pdf

⁵ Vital Aging Network. URL: <http://www.vital-aging-network.org/>

⁶ Learning // Vital Aging Network. URL: http://www.vital-aging-network.org/Resources_for_Vital_Living/20/Learning.html

⁷ Центр профессиональных квалификаций и содействия трудоустройству «Профессионал». URL: <http://eduprof.ru>

⁸ Департамент труда и социальной защиты населения города Москвы. URL: <http://www.dszn.ru/about/missions/772/>

Помимо этого существуют региональные программы обучения пожилых. Перечислим лишь некоторые. Так, в Краснодарском крае действует государственная программа «Содействие занятости населения»¹. В Нижегородской области действует благотворительная программа «Статус: Онлайн» для людей предпенсионного возраста, пенсионеров и людей с ограниченными возможностями здоровья². Государственная программа Ханты-Мансийского автономного округа — Югры «Содействие занятости населения в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре на 2014–2020 гг.» дает возможность людям предпенсионного и пенсионного возраста трудоустроиться на временные рабочие места на время поиска постоянной работы, а также пройти бесплатное обучение за счет средств центра занятости населения, повысить свой профессиональный уровень, а значит, быть конкурентоспособным на рынке труда³.

В ряде регионов создаются университеты третьего возраста. В Московской области действует проект «Университет третьего возраста» под эгидой Министерства социальной защиты населения⁴. Цель проекта — вовлечение людей пенсионного и предпенсионного возраста в полноценную деятельность, развитие творческой и социальной активности, пропаганда здорового образа жизни и физической активности.

В Республике Татарстан на протяжении последнего десятилетия действует сеть некоммерческих образовательных учреждений «Университет третьего возраста»⁵. В Ростове-на-Дону открывается «Академия третьего возраста» в качестве социального проекта Донского государственного технического университета⁶.

Существуют и университеты третьего возраста, поддерживаемые Союзом пенсионеров России в других городах (Кирове, Пскове, Кирово-Чепецке и т.д.). Информация об открытии университетов и о наборе обучающихся размещена на сайтах региональных отделений

¹ Департамент труда и занятости населения Краснодарского края. URL: <https://www.kubzan.ru/>

² Благотворительная программа «Статус: Онлайн». URL: [Статус-онлайн.рф](http://status-online.ru)

³ Департамент труда и занятости Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. URL: <http://www.deptrud.admhmao.ru>

⁴ Университет третьего возраста. URL: <http://university3age.ru/>

⁵ Региональное отделение Союза пенсионеров России по Республике Татарстан. URL: <http://www.pfrrt.ru/aktivnoe-dolgoletie/universitet-tretego-vozrasta/>

⁶ Академия третьего возраста. ДГТУ. URL: <https://donstu.ru/servisy/akademiya-tretego-vozrasta/>

Пенсионного фонда, однако единое описание программы нигде не представлено. В целом можно говорить о том, что география университетов третьего возраста в последние годы значительно расширяется.

Отдельно отметим программы повышения финансовой грамотности. Они реализуются Министерством финансов и Министерством труда и не всегда включают пенсионеров в целевую аудиторию. В то же время обучение лиц старшего возраста финансовым вопросам в условиях усложняющихся финансовых продуктов напрямую связано с их финансовым благополучием. Вопросы повышения финансовой грамотности пожилого населения затрагиваются в Стратегии улучшения качества жизни пожилых, реализуемой Министерством труда и социальной защиты населения. Для этого предлагается ряд мер⁷, связанных с просвещением пенсионеров, адаптацией финансовых продуктов для пожилых и с повышением их доступности. Более того, в программе университетов третьего возраста можно встретить это направление обучения.

Завершая часть, посвященную возможностям обучения для пожилых граждан, организуемым государством, нельзя не отметить возрастающий интерес к образованию для лиц старших возрастов и возникновение новых программ. В первую очередь необходимо отметить проект «Московское долголетие» (URL: <http://dolgoletie.moscow/>), предлагающий как образовательные, так и другие активности для представителей старшего поколения. Они могут принять участие в спортивных мероприятиях, творческих мастер-классах и обучении принципам здорового образа жизни.

Второй важный аспект развития образования для пожилых — федеральный проект «Старшее поколение»⁸, реализуемый в рамках национального проекта «Демография». Программа предполагает реализацию мер по увеличению продолжительности жизни и поддержке активного долголетия. Однако в контексте данной работы наибольший интерес представляет задача по организации мероприятий по профессиональному обучению и дополнительному профессиональному образованию лиц пред-

⁷ Информация от 8 июня 2015 г. Проект стратегии действий в интересах граждан пожилого возраста до 2025 года // Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации. URL: <http://www.rosmintrud.ru/docs/mintrud/protection/203>

⁸ Федеральный проект «Старшее поколение». Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации. URL: <https://rosmintrud.ru/ministry/programms/demography/3>

пенсионного возраста (к 2024 г. количество обученных должно достичь 450 тысяч). Для ее реализации планируется предоставление субсидий из федерального бюджета Союзу «Молодые профессионалы (Ворлдскиллс Россия)» и проведение чемпионатов профессионального мастерства «Навыки мудрых» по стандартам WorldSkills для граждан старше 50 лет.

Обучением пожилых, как уже было отмечено, занимаются не только государственные организации. К примеру, Ресурсный учебный центр высоких технологий (URL: <http://www.ort.spb.ru>) — центр профессионального обучения и переобучения в Санкт-Петербурге был создан при поддержке Фонда Кэрл и Джеффри Лаусон и Всемирного ОПТа в 2008 г. Центр ориентирован преимущественно на повышение компьютерной грамотности людей разных возрастов. Для пенсионеров реализуется три платные программы с разными фокусными направлениями: работа на компьютере и в Интернете, работа с планшетом, работа на компьютере для продвинутых пользователей. До декабря 2017 г. центр также предлагал бесплатный курс для лиц старше 71 года «Ритм жизни 2.0».

Межрегиональный ресурсный центр «Серебряный возраст» (URL: <http://silveryears.ru/university/>) — организация, на базе которой существует университет. Центр ориентирован на обучение и социальную адаптацию людей старше 55 лет. Университет представлен в Москве и Санкт-Петербурге, предлагает различные программы. Помимо освоения компьютерной грамотности для пенсионеров доступны занятия, посвященные физической активности, экономической, юридической грамотности и т.д.

В Санкт-Петербурге также действует Центр дополнительного образования «Перспектива», где разработаны специальные программы по изучению английского языка.

Онлайн-университеты представляют еще один формат университетов «серебряного возраста». В качестве примера можно привести университет ИТМО (URL: <http://u3a.ifmo.ru/>), обучение в нем бесплатное, курсы охватывают различные сферы, имеют как практическую направленность (например, курс по работе с электронным правительством), так и теоретическую (например, курс, посвященный мировым религиям). Другой пример онлайн-университета — Виртуальная компьютерная академия для пенсионеров (URL: <http://www.pc-pensioner.ru/>), представляющая собой сайт с советами по использованию компьютера и Интернета.

Нельзя не отметить также такой ресурс, как портал Баба-Деда (URL: <http://baba-deda.ru/>). Не являясь образовательной организацией, портал аккумулирует информацию о различных сервисах и услугах, доступных для пенсионеров, дает площадку для общения и возможность поиска информации о работе.

Обращаясь к анализу российских форм обучения для пожилых, можно отметить, что общедоступными являются только государственные программы обучения. Негосударственные центры представлены исключительно в крупных городах, а доступ к онлайн-ресурсам ограничен возможностями доступа к Интернету. Иными словами, можно говорить о некоторых проблемах на стороне предложения образовательных услуг для лиц предпенсионного и пенсионного возраста.

Отношение населения предпенсионных и пенсионных возрастов к образованию для взрослых

Возможность использования образовательных услуг для вовлечения пожилых в социальную жизнь определяется не только наличием предложения подобных услуг, но и спроса на них. Далее рассмотрим, насколько сами представители старшего поколения заинтересованы в получении новых знаний и навыков.

В 2015 г. Федеральной службой государственной статистики было проведено «Выборочное федеральное статистическое наблюдение участия населения в непрерывном образовании»¹. Ежемесячный объем выборочного массива данного наблюдения составляет около 69 тысяч респондентов в возрасте 15–72 лет. Опрос был реализован в мае, августе и сентябре 2015 г. Согласно результатам исследования в непрерывном образовании участвовало около 57 млн человек в возрасте 15–72 лет. Из них 13 млн в возрасте 50–72 лет, что составляет 34% населения этого возраста (в остальных возрастных группах показатели вовлеченности выше). В рамках наблюдения образование трактовалось достаточно широко, помимо обучения в вузах и учреждениях профессионального образования, дополнительного образования, дополнительного обучения на рабочем месте в него включено посещение образовательных мероприятий, самообразование и инструктажи на рабочем месте. Таким образом, полученные показатели характеризуют

¹ Итоги выборочного статистического наблюдения участия населения в непрерывном образовании // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/obraz/index.html

ют максимальный уровень участия населения в образовании.

Согласно данным Росстата наиболее популярным среди лиц предпенсионного и пенсионного возраста является самообразование, следующим по популярности — дополнительное обучение на работе, затем посещение мероприятий просветительского характера.

В рамках основных образовательных программ (согласно Федеральному закону «Об образовании в Российской Федерации»¹ к программам относятся основные общеобразовательные, основные профессиональные образовательные программы и основные программы профессионального обучения) обучение проходило 15% населения в возрасте 15–72 лет, в возрасте 50–72 лет участвуют в таких образовательных программах только 1,3%. Почти все они получают знания в рамках профессионального обучения, только 0,1% получает высшее образование в бакалавриате, специалитете или магистратуре.

Говоря о самообразовании, можно отметить более высокий интерес к обучающим мероприятиям, которые носят скорее развлекательный, чем прикладной характер. Так, среди людей в возрасте 55–72 лет музыкальные образовательные программы, экскурсии и т.д. посещали почти 7 млн человек, а обучение финансовой грамотности, получению госуслуг и т.д. лишь 3 млн. Ожидаемо менее популярно среди учащихся предпенсионного и пенсионного возраста самообразование с использованием интернет-ресурсов (к нему обращались 2,5 млн). Однако почти столько же людей обращались к обучающим теле- и радиопередачам (2,2 млн). Наиболее распространенным является самообразование с использованием печатных материалов (4,1 млн).

Данные другого исследования — мониторинга экономики образования (стратифицированная выборка по географическому признаку и типу населенного пункта, объем выборки составил не менее 1600 респондентов²) — позволяют характеризовать интерес к обучению пожилых. Так, среди всего населения в возрасте 25–64 лет 8% планировали пройти какое-либо обучение в течение ближайших 12 месяцев, в то

же время среди лиц в возрасте 55–64 этот показатель уже в 4 раза меньше (2%)³.

Развивая тему готовности к участию в образовательных процессах, обратимся к результатам исследований, проведенных НИУ ВШЭ. В этой части работы будем опираться на следующие источники информации:

«Готовность к переменам»: опрос проведен Аналитическим центром Юрия Левады по заказу НИУ ВШЭ в 2016 г.⁴

«Восприятие населением социально-экономических изменений в современной России»: опрос проведен «ГфК-Русь» по заказу НИУ ВШЭ в 2017 г.⁵

Готовность пожилых респондентов к переобучению. Насколько представители старших возрастов заинтересованы и готовы участвовать в различных программах переобучения? Инструментарий опроса «Готовность к переменам» содержит вопрос: «Представьте, что на вашей работе внедряют технологии и оборудование и, чтобы продолжить работу, необходимо пройти переобучение, которое потребует от вас усилий (сдать экзамены, совмещать учебу и работу, поехать на обучение в другой город), как вы, скорее всего, поступите?». В предложенной ситуации население предпенсионных возрастов оказывается более открыто к перспективе прохождения обучения, чем пенсионеры. Среди первых больше тех, кто для продолжения работы согласится пройти переподготовку (62% против 46%), и значительно меньше готовых уволиться в случае необходимости обучения (4% против 27%). Таким образом, необходимость переобучения для тех, кто уже формально может выйти на пенсию, воспринимается не как шанс повышения своих навыков и продолжения своей «общественной» жизни, а скорее как барьер, который выталкивает их с рынка

³ Индикаторы МЭО. Планы участия в формальном и дополнительном образовании взрослого населения // Мониторинг экономики образования: индикаторы экономики образования. 14-я волна/2016 г. URL: <https://memo.hse.ru/ind>

⁴ В исследовании использована многоступенчатая стратифицированная вероятностная выборка. Объем выборки составил 6062 респондента. Объем подвыборки — 2518 респондентов, пенсионный возраст (старше 55 лет для женщин и старше 60 лет для мужчин) — 1448 человек, предпенсионный возраст (45–54 года для женщин, 50–59 лет для мужчин) — 1070 человек.

⁵ В опросе используется многоступенчатая стратифицированная вероятностная выборка. Объем выборки составил 5087 респондентов. Выборка исследования репрезентирует взрослое население России старше 16 лет. В рамках исследования использовано два метода опроса: личные интервью (2539 респондентов) и онлайн-интервью (2548 респондентов). Объем подвыборки пенсионного и предпенсионного возраста составил 2184 респондента (1356 респондентов и 827 респондентов соответственно).

¹ Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 29.07.2017) «Об образовании в Российской Федерации». Ст. 12. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/

² Программа опроса взрослого населения по вопросам становления в России непрерывного образования // Мониторинг экономики образования: инструментальный и методология. URL: <https://memo.hse.ru/met>

труда. Разные группы респондентов демонстрируют различную готовность к переобучению. Так, женщины чаще, чем мужчины, готовы к переобучению, наличие высшего образования также повышает готовность пожилого человека учиться. Помимо этого можно говорить о том, что к переобучению более склонны специалисты высокой квалификации и сотрудники, занимающие руководящие должности. Проживание в городах-миллионниках также положительно влияет на готовность получать новые знания для работы.

Дополнительной иллюстрацией отношения к переобучению могут стать предпочтительные действия человека в случае потери работы. В ходе опроса «Готовность к переменам» респондентам была предложена следующая ситуация: «Представьте, вы потеряли работу и в том месте, где вы живете, нет работы по вашей специальности с тем же уровнем оплаты. Что вы предпримите?». Для лиц предпенсионного возраста прохождение переобучения для получения работы по другой специальности является оптимальной стратегией (35%). Каждый четвертый представитель этого же возраста готов пойти работать по своей специальности за меньшие деньги. В то время как для лиц пенсионного возраста на первый план выходит стратегия, связанная с прекращением работы, выходом на пенсию (40%). И все же почти каждый пятый опрошенный пенсионного возраста теоретически готов пройти переобучение (19%). Ту же долю составляют респонденты, которые пойдут работать за меньшую зарплату по той же специальности (21%). Однако для обеих возрастных групп высока доля тех, кто затрудняется ответить, как бы они поступили в подобной ситуации. И вновь женщины и респонденты с высшим образованием чаще видят переобучение как способ найти работу.

Отдельно стоит вопрос, готовы ли лица пенсионного и предпенсионного возраста инвестировать в свое переобучение. Инструментарий опроса «Готовность к переменам» позволяет изучить это с помощью вопроса «Вы были бы готовы или нет хотя бы частично оплатить свое переобучение (повышение квалификации)?». При условии получения более высокой зарплаты подавляющее большинство лиц из группы предпенсионного возраста (71%) готовы оплатить переобучение хотя бы частично, среди представителей пенсионного возраста таких 48%. Ради более высокой должности согласятся на частичную оплату 59% респондентов пред-

пенсионного возраста и 39% пенсионного возраста, практически столько же, наоборот, будут делать это вынужденно из-за угрозы увольнения. Откажутся от оплаты в обоих случаях чуть менее трети опрошенных.

Инструментарий другого опроса, «Восприятие населением социально-экономических изменений в современной России», позволяет оценить реальные действия рассматриваемых возрастных групп в отношении образования, в том числе и для сохранения занятости. Согласно результатам данного обследования, 82% представителей предпенсионного возраста и 89% представителей пенсионного возраста не предпринимали в течение последних двух лет каких-либо действий для повышения уровня образования. Основная причина такого «бездействия» — отсутствие необходимости, на это указали 54% представителей предпенсионного и 69% пенсионного возраста. Повышали уровень своего образования примерно 18% респондентов предпенсионного и 11% пенсионного возраста. При этом не смогли пойти на это из-за нехватки денег 7% лиц, достигших предпенсионного возраста, и 6% лиц пенсионного возраста. Вследствие отсутствия подходящих вариантов не смогли повысить образование 7% граждан предпенсионного и 5% граждан пенсионного возраста.

Описанная выше картина дополняется тем фактом, что большинство опрошенных (81%) вне зависимости от возраста не планируют повышать свой уровень образования. Повышать квалификацию по нынешней специальности планирует почти пятая часть граждан предпенсионного возраста (19%), в то время как в случае пенсионного возраста эта доля сокращается почти в 3 раза — до 6%. Ситуация с получением образования по новой специальности выглядит менее оптимистичной. Около 9% граждан, достигших предпенсионного возраста, и лишь 4% опрошенных пенсионного возраста планируют получать образование по новой специальности. Таким образом, переобучение или повышение квалификации не рассматривается как успешная стратегия сохранения занятости, так как эффективность таких действий не очевидна — возможности сохранения занятости с увеличением возраста сокращаются в силу естественных причин. Тем не менее получать новые знания и навыки, непосредственно связанные с работой, немногим более предпочтительно — так собирается поступить четверть граждан предпенсионного и 13% пенсионного возраста.

Стоит отметить, что представители старших возрастов редко воспринимают обучение как шаг к повышению своих доходов в будущем. Отвечая на вопрос: «Что лично вы готовы предпринять для того, чтобы доходы вашего домохозяйства существенно увеличились?», только 14% граждан предпенсионного возраста указали, что могут получить образование по новой специальности, 9% — дополнительное образование по текущей специальности. В то время как среди группы пенсионного возраста доля тех, кто готов обучаться по текущей специальности или по новой специальности, минимальная и составляет 4% в каждом случае.

Особый интерес вызывает то, как пожилые люди объясняют отказ от участия в образовательных процессах. Однако доступной информации по этой теме мало. Согласно результатам фокус-групп¹ в числе отталкивающих факторов выступают сомнения в качестве образовательных услуг, предоставляемых службами занятости и в возможности найти работу из-за возраста. Количественная оценка причин отказа от обучения в рамках проведенных исследований не производилась, но о наиболее популярных проблемах позволяют говорить зарубежные данные. Основной причиной отказа от обучения, согласно данным Евростата, является отсутствие необходимости в нем, об этом говорят 50% всех опрошенных. На втором месте — недостаточность времени из-за занятости семейными делами или работы². Об этом же свидетельствует статистика по странам ОЭСР: проблема в предоставлении образовательных услуг для взрослого населения лежит на стороне спроса — люди не хотят учиться. Помимо упомянутой выше нехватки времени в целом снижает мотивацию к обучению непонимание роли образования, невозможность оценить собственные потребности и потенциальные выгоды от освоения новых знаний и навыков³.

¹ «Стратегии адаптации различных групп населения к изменениям государственной политики в социальной сфере»: сет фокус-групп, проведенных Validata в марте — апреле 2017 г. по заказу НИУ ВШЭ. В рамках данной записки использовались материалы 15 дискуссий, в том числе посвященных вопросам пенсионного обеспечения, активного долголетия, занятости и социальной политики. В выборке представлены как респонденты с высшим образованием, так и не имеющие его, предпенсионного (45–56 лет) и пенсионного возраста.

² Adult learning statistics // Eurostat Statistic Explained. 2017. URL: http://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Adult_learning_statistics

³ Education Today — 2013: The OECD Perspective // OECD iLibrary. URL: http://www.oecd-ilibrary.org/education/education-today-2013/lifelong-learning-and-adults_edu_today-2013-en;jsessionid=28p326tevd4o.x-oecd-live-02

Обобщая результаты проведенных исследований, можно сказать, что и на уровне спроса на образовательные услуги для лиц старшего возраста также существуют проблемы: представители пенсионных возрастов более склонны прекратить работу, чем обратиться к переобучению. Также у самих пожилых вызывают сомнения качество и полезность обучения, что приводит к низкому участию в процессах обучения представителей старших возрастных групп.

Заключение

Непрерывное образование — процесс, охватывающий население всех возрастов, ориентированный на развитие людей во всех сферах жизни на всех ее этапах. В России декларируется доступность для граждан образования на протяжении всей жизни, однако по вовлеченности населения в этот процесс мы уступаем многим странам, и уровень участия россиян в непрерывном образовании оказывается чуть выше среднего, что снижает роль данного фактора в процессе изменения положения пожилых в обществе.

На сегодняшний день в России для пожилых доступен ряд возможностей обучения. Существуют как государственные, так и коммерческие программы. Среди направлений обучения наиболее популярным является повышение компьютерной грамотности.

Действуют также онлайн-площадки для обучения пожилых, но их возможности ограничены. Пока компетенции, необходимые для подключения к онлайн-образованию, не имеют широкого распространения среди пенсионеров. На данный момент целесообразно предлагать программы онлайн обучения в комплексе с офлайн-программами. При этом первые могут содержать более сложные и специализированные курсы.

Общей проблемой обучающих программ является недостаток информации о существующих активностях и возможностях для обучения, а также решение близких или аналогичных задач несколькими организациями. В этой части необходимо обеспечить равный доступ к информации обо всех возможностях обучения, понятные и доходчивые инструкции и периодические информационные кампании, рассчитанные на привлечение внимания к соответствующим ресурсам.

За рубежом обучение взрослых реализуется в двух плоскостях. С одной стороны, представлены программы, которые служат для личного развития и организации досуга пожилых,

с другой — программы переобучения и подготовки для выхода на рынок труда преимущественно для социально незащищенных слоев населения. При этом есть информационные ресурсы, предлагающие информационную поддержку пожилым, желающим сменить профессию или пройти обучение.

Наиболее распространенной формой является обучение взрослых на рабочем месте. Оно же имеет положительные результаты за рубежом. Очевидно, необходимо включать работодателей в процессы популяризации обучения, с одной стороны, самостоятельно обучая сотрудников, с другой — поощряя участие сотрудников во внешнем обучении (например, посредством предоставления отгула на время учебы).

Одним из барьеров развития программы переобучения является недоверие потенциальных обучаемых к имеющейся системе, в том числе убежденность, что обучение не скажется на условиях занятости и/или не будет способствовать трудоустройству, а качество знаний станет ниже ожидаемого работодателем. Поэтому при разработке программ профориентации для пожилых необходимо выработать комплекс мер, нацеленных на обеспечение занятости после обучения. Все эти условия должны быть прозрачны и понятны адресатам программы.

Данные имеющихся российских исследований подтверждают тезис о низком интересе к обучению со стороны пожилых. К обучению и переобучению в большей степени готовы представители предпенсионного возраста (в сравнении с представителями пенсионного возраста). При этом в образовательные процессы занятые включаются активнее, чем незанятые, а женщины активнее, чем мужчины. Высокий уровень образования, должностного статуса, а также проживание в городах-миллионниках повышают готовность к переобучению.

Интерес представляет также вопрос о готовности платить за переобучение. Здесь наблюдаются различия между людьми пенсионного и предпенсионного возраста: те, кто еще не стал пенсионером, оказываются более открытыми к перспективе платного переобучения.

Подводя итог, отметим, что образовательные программы для взрослых (и представителей старшего возраста в частности) представляют собой важное перспективное направление в сфере образования. Здесь возможна как организация досуга для лиц старшего возраста, так и поддержание их активности на рынке труда. К сожалению, пока в России обучение пожи-

лых распространено в меньшей степени и не привлекает потенциальных учеников. Представленный текст позволяет говорить о необходимости популяризации образования для лиц старшего возраста и дальнейших исследований в этой сфере.

Список использованной литературы

1. Adult learning statistics // Eurostat Statistic Explained. 2017. URL: http://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Adult_learning_statistics
2. AgeWatch report card. Russian Federation. URL: <http://www.helpage.org/global-agemwatch/population-ageing-data/country-ageing-data/?country=Russian+Federation>
3. Clark A. Ageism and age discrimination in primary and community health care in the United Kingdom. London: Centre for Policy on Ageing, 2009.
4. Cook P. Continuity, change and possibility in older age: Identity and ageing-as-discovery // Journal of Sociology. 2018. Vol. 54(2). P. 178–190.
5. Country Report on Adult Education in DENMARK. 2011. URL: http://www.eaea.org/media/resources/ae-in-europe/denmark_country-report-on-adult-education-in-denmark.pdf
6. Davey J. Active ageing and education in mid and later life // Ageing and Society. Jan. 2002. No. 2. P. 95–113.
7. Education Today — 2013: The OECD Perspective // OECD ILibrary. URL: http://www.oecd-ilibrary.org/education/education-today-2013/lifelong-learning-and-adults_edu_today-2013-9-en;jsessionid=28p326tevd4o.x-oecd-live-02
8. Elfert M. UNESCO, the Faure Report, the Delors Report, and the Political Utopia of Lifelong Learning // European Journal of Education. 2015. Vol. 50. No. 1. P. 88–100. Source: EBSCOHost.
9. EUROPE-2020. A European strategy for smart, sustainable and inclusive growth. URL: <http://ec.europa.eu/eu2020/pdf/COMPLET%20EN%20BARROSO%20%20%20007%20-%20Europe%202020%20-%20EN%20version.pdf>
10. Frolova E. Active ageing index: Russian study // II Международная научная конференция «Наука будущего».

11. URL: <https://4science.ru/events/sf2016/theses/647b19729a694b22822c8bd879dd4ea1>
12. *JuSeuk K.* Development of a global lifelong learning index for future education // *Asia Pacific Education Review*. 2016. Vol. 17. Is. 3. P. 439–463. Source: Springer Link.
13. Learning // Vital Aging Network. URL: http://www.vital-aging-network.org/Resources_for_Vital_Living/20/Learning.html
14. *Salter B., Salter Ch.* The politics of ageing: health consumers, markets and hegemonic challenge // *Sociology of Health & Illness*. 2018. Vol. 40. No. 6. ISSN 0141-9889. P. 1069–1086.
15. Senior community service employment program // National Council on Aging. URL: <https://www.ncoa.org/economic-security/matureworkers/scsep/>
16. The 40-Year-Old Graduates // The Atlantic. URL: <https://www.theatlantic.com/education/archive/2015/06/the-40-year-old-graduates/395744/>
17. The Danish Education System. 2016. URL: http://hfc.dk/media/252204/the_danish_education_system_pdfa.pdf
18. The First University of the Third Age // World U3A. URL: <http://www.worldu3a.org/worldpapers/vellas-uk.htm>
19. *Wetzel M., Bowen C., Huxhold O.* Level and change in economic, social, and personal resources for people retiring from paid work and other labour market statuses // *European Journal of Ageing*. 2019. URL: <https://doi.org/10.1007/s10433-019-00516-y>
20. Working with the elderly, the sick and the disabled // Working in Denmark. 2009. URL: <https://applikationer.foa.dk/Publikationer/prjecer/Forbund/SocialSundhedEnglish.pdf>
21. Благотворительная программа «Статус: Онлайн». URL: Статус-онлайн.рф
22. *Высоцкая И.В., Митина А.М.* Дополнительное образование взрослых за рубежом: университет третьего возраста // Волгоград: Журнал «Известия Волгоградского государственного технического университета». 2008. № 7 (45). С. 71–74.
23. *Гнанте Т.Н.* Университет третьего возраста в зарубежной системе дополнительного образования взрослых / Волгоград: Журнал «Известия Волгоградского государственного технического университета». Межвузов. сб. научн. статей. 2004. № 8.
24. Департамент труда и занятости населения Краснодарского края. URL: <https://www.kubzan.ru/>
25. Департамент труда и занятости Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. URL: <http://www.deptrud.admhmao.ru>
26. Департамент труда и социальной защиты населения города Москвы. URL: <http://www.dszn.ru/about/missions/772/>
27. *Динер А.А., Стурова И.С.* Обзор зарубежного опыта в сфере дополнительного профессионального образования взрослых и пожилых людей // Журнал «Экономика. Профессия. Бизнес». Спецвыпуск. 2016. № 1.
28. *Зайцева О.В.* Непрерывное образование: основные понятия и определения // Вестник ТГПУ. 2009. № 7 (85). С. 106–109. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/непрерывное-образование-основные-понятия-i-opredeleniya>
29. Индикаторы МЭО. Планы участия в формальном и дополнительном образовании взрослого населения // Мониторинг экономики образования: индикаторы экономики образования. 14-я волна/2016 год. URL: <https://memo.hse.ru/ind>
30. Информационная кампания по финансовой грамотности и защите прав потребителей финансовых услуг. URL: <https://www.minfin.ru/ru/om/fingram/directions/campaign/>
31. Информация от 8 июня 2015 г. Проект стратегии действий в интересах граждан пожилого возраста до 2025 года // Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации. URL: <http://www.rosmintrud.ru/docs/mintrud/protection/203>
32. Итоги выборочного статистического наблюдения участия населения в непрерывном образовании // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/obraz/index.html
33. *Левинтов А.* Серебряный университет // Исследование SEDeC: серия авторских концепций. 2015. URL: http://www.skolkovo.ru/public/media/documents/research/SEDeC_2015-01_rus.pdf
34. «Люди старшего возраста незаметно получили ярлыки людей обделенных, тех, о ком нужно заботиться». Постанука. 2014. URL: <https://postnauka.ru/talks/32753>
35. Программа опроса взрослого населения по вопросам становления в России непрерывного образования // Мониторинг

- экономики образования: инструментарий и методология. URL: <https://memo.hse.ru/met>
36. Региональное отделение Союза пенсионеров России по Республике Татарстан. URL: <http://www.pfirt.ru/aktivnoe-dolgoletie/universitet-tretego-vozrasta/>
37. *Сергеева О.В.* Социология старения и возрастного неравенства (обзор западных концепций) // Вестник Волгоградского государственного ун-та. Сер. 7. Философия. 2012. № 2(17). С. 74–78.
38. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 01.05.2017) «Об образовании в Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/1a45a123ee3e2f6e74cac4d567d8881ba35fb291/
39. Федеральный проект «Старшее поколение». Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации. URL: <https://rosmintrud.ru/ministry/programms/demography/3>
40. Центр профессиональных квалификаций и содействия трудоустройству «Профессионал». URL: <http://eduprof.ru>

Александр ПОРШНЕВ
Ксения ЛЯЧИНА

Электронные петиции портала «Российская общественная инициатива» (2013–2017): о чем говорит динамика общественных приоритетов

Введение

Внедряясь в сферу политики, новые информационно-коммуникационные технологии не только качественно видоизменяют старые представления, установки, стереотипы в области политической коммуникации, но и видоизменяют многие формы поведения и модели взаимоотношений между политическими институтами и индивидами¹. Электронная демократия — это любая демократическая политическая система, в которой, для того чтобы выполнить важнейшие функции демократического процесса, а также для поиска интересов населения и принятия решений, используются информационно-коммуникативные технологии². Электронную демократию связывают с использованием информационно-коммуникационных технологий для поддержки демократических процессов, принятия политических решений, широкого вовлечения в эти процессы граждан и укрепления представительной демократии³.

Основными механизмами информационно-коммуникационных технологий, обеспечивающих электронную демократию, назы-

вают доступ в Интернет через разные каналы (домашний Интернет и (или) выход в Сеть в общественных местах)⁴, мобильные телефоны⁵ и интерактивное (ранее кабельное, а в настоящее время цифровое) телевидение⁶. Концепция электронной/цифровой демократии переосмысливает структуру коммуникаций между «народом и властью», ее считают не только новым этапом развития демократических институтов, способным предоставить гражданам возможность удобно общаться с органами власти, но и способом поставить вопрос о демократии заново⁷.

Согласно Рекомендациям Комитета министров Совета Европы, принятым в феврале 2009 г., электронная демократия включает комплекс понятий: электронный парламент, электронное законодательство, электронное правосудие, электронное посредничество, электронную инициативу, электронные выборы, электронный референдум, электронное го-

¹ Балашов А.Н. Интернет-технологии как фактор развития политической активности граждан: тренды и противоречия // POLITBOOK. 2017. № 2. С. 22–34.

² Вершинин М.С. Политическая коммуникация в информационном обществе: перспективные направления исследований. URL: http://www.russcomm.ru/rca_biblio/v/vershinin02.shtml (дата обращения: 18.04.2019).

³ Macintosh A. Characterizing E-Participation in Policy-Making. In: Proceedings of the Proceedings of the 37th Annual Hawaii International Conference on System Sciences (HICSS'04). IEEE, 2004. P. 1–10. URL: http://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&cad=rja&uact=8&ved=2ahUKEwj6p-SG8_DkAhVUwMQBHCeEuA2AQFjAAegQlARAC&url=http%3A%2F%2Fciteseerx.ist.psu.edu%2Fviewdoc%2Fdownload%3Fdoi%3D10.1.1.98.6150%26rep%3Drep1%26type%3Dpdf&usq=AOVaw2PHKcJpAjJphCxfadiTrqX (дата обращения: 10.09.2019).

⁴ Gilder G. Life after television: The coming transformation of media and American life. Knoxville, TN: Whittle, 1990; Oral B. The evaluation of the student teachers' attitudes toward Internet and democracy // Computers & Education. 2008. Vol. 50. No. 1. P. 437–445; Pool I.S. Technologies of freedom. Cambridge, MA: Belknap Press, 1983.

⁵ Sun S., Barnett G.A. An analysis of the international telephone network and democratization // Journal of the American society for information science. 1994. No. 45. P. 411–421.

⁶ Becker T.L. Teledemocracy: bringing power back to the people // Futurist. 1981. Vol. 15. No. 6. P. 6–9; Smith L.R. The Wired Nation; Cable TV: the electronic communications highway. New York, Harper & Row, 1972.

⁷ Arterton F.C. Teledemocracy: Can technology protect democracy? Newbury Park, CA: Sage, 1987; Buchstein H. Bytes that Bite: The Internet and Deliberative Democracy // Constellations. 1997. Vol. 4. P. 248–263; Grossman L.K. The Electronic Republic: Reshaping Democracy in the Information Age. New York: Viking, 1995; Абрамова Д.С. Электронная демократия в России: проблемы политической коммуникации // Гуманитарные научные исследования. URL: <http://human.snauka.ru/2013/01/2145> (дата обращения: 25.09.2019).

лосование, электронные консультации, электронные ходатайства, электронную агитацию, электронный подсчет голосов, электронные опросы¹.

Для подачи (электронных) онлайн-петиций (электронных ходатайств) также создаются специальные цифровые ресурсы (платформы). Первая подобная платформа появилась в США в 1999 г., и за 15 лет было подано около 66 млн онлайн-петиций на экологические, политические, религиозные и другие темы, адресованные органам власти². Таким образом офлайн-демократия, переходя в онлайн-пространство, прирастает всеми необходимыми атрибутами реальной демократии, расширяя возможности участников цифрового политического процесса³. В современных условиях цифровая демократия оказывается той управленческой технологией, с помощью которой народ может отчасти вернуть себе контроль над принятием политических решений, фактически монополизированный современной политической элитой⁴.

В России концепция электронной демократии поддерживается государством на законодательном уровне⁵. Начало функционирования в Российской Федерации электронной демократии связывают с созданием федеральной программы «Электронная Россия (2002–2010 гг.)», утвержденной постановлением правительства РФ от 28 января 2002 г. № 65 для повышения качества взаимоотношений государства и общества⁶. Благодаря данной программе в Российской Федерации появилось электронное правительство.

Также по распоряжению правительства РФ от 20.10.2010 № 1815-р была утверждена про-

грамма «Информационное общество (2011–2020 гг.)»⁷, а 4 марта 2013 г. указом президента РФ № 183 «О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса «Российская общественная инициатива»»⁸ был создан портал для размещения онлайн-петиций граждан РФ «Российская общественная инициатива».

Цель данной статьи – охарактеризовать исследовательский потенциал интернет-ресурса «Российская общественная инициатива», позволяющего на материале электронных петиций диагностировать и изучить общественные проблемы и приоритеты регионов России.

Методы и методология

На данный момент в РФ подавать электронные петиции можно на многих порталах: «Российская общественная инициатива» (<http://www.roi.ru>), «Online Petition.ru» (<https://www.onlinepetition.ru/>), «Демократор.ру» (<http://democrator.ru>), «Петиции Президенту» (петиция-президенту.пф), «Change.org» (<http://www.change.org/ru>), Народная инициатива КПРФ (<http://ni.kprf.ru>). В ряду порталов подачи электронных петиций портал «Российская общественная инициатива» на особом счету, так как это единственный федеральный портал, обладающий официальным статусом.

Согласно правилам рассмотрения общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса «Российская общественная инициатива» (РОИ) (указ президента РФ В. Путина от 4 марта 2013 г. № 183), петиции, преодолевшие порог в 100 тысяч голосов (для федерального уровня), в обязательном порядке рассматриваются органами исполнительной власти).

Другая особенность интернет-ресурса РОИ заключается в том, что для публикации петиций на нем необходима авторизация на портале госуслуг (следовательно, и создатели петиции, и те, кто за нее голосуют, не претендуют на анонимность).

⁷ Государственные и федеральные целевые программы // Государственная программа «Информационное общество» // Министерство связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. [Офиц.: Государственная программа «Информационное общество»]. URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/programs/1/> (дата обращения: 12.12.2019).

⁸ Указ Президента Российской Федерации от 4 марта 2013 г. № 183 «О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса «Российская общественная инициатива» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 10. Ст. 1019.

¹ Рекомендации Комитета министров Совета Европы CM/Rec(2009)1 государствам — участникам Совета Европы по электронной демократии и пояснительная записка. URL: <http://dsnmp.ru/rekomendatsii-komiteta-ministrov-sov/> (дата обращения: 10.09.2019).

² Lin J. From Paper Petitions to E-Petitions // Mobilizing Ideas. 2012. URL: <https://mobilizingideas.wordpress.com/2012/08/03/from-paper-petitions-to-e-petitions/> (дата обращения: 02.10.2019).

³ Климова Я.А. Роль современных электронных технологий в укреплении представительной демократии // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2016. № 3. С. 13–16.

⁴ Криворотова Г.А. Партиципативные отношения в современном политическом управлении: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Ростов н/Д: Северо-Кавказская Акад. гос. службы, 2011.

⁵ Обрывкова Н.О. Электронная демократия в современном постиндустриальном обществе. Дис. ... канд. полит. наук. СПб.: Северо-Западный институт управления Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, 2006.

⁶ ФЦП «Электронная Россия (2002–2010 годы)» // Министерство связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. URL: <http://minsvyaz.ru/ru/activity/programs/6/> (дата обращения: 16.09.2019).

В качестве материалов исследования было использовано 9802 текста электронных петиций портала «Российская общественная инициатива», охватывающих временной период с апреля 2013 г. по январь 2018 г., их метаданные и данные о результатах голосования. Однако мы не включали в анализ самые успешные петиции, или преодолевшие необходимый порог голосования, или рассмотренные экспертной группой без учета полученных ими голосов, поскольку их тема и связанное с ними голосование отражают либо серьезную PR-кампанию, либо использование административного ресурса [4].

Данные были выгружены с портала 26 октября 2018 г. с помощью специально разработанной на языке Python программы загрузчика. Для каждой электронной петиции фиксировалась следующая информация: регион, уровень петиции (местный, региональный, федеральный), ссылка на петицию на сайте РОИ, дата окончания сбора подписей, код автора петиции, количество голосов, поданных за петицию, количество голосов, поданных против петиции, название петиции, ее текст.

Тематизация выполнена при помощи программного комплекса TopicMiner, разработанного в лаборатории интернет-исследований НИУ ВШЭ, и включала в себя следующие этапы: лемматизация (преобразование слов в начальную форму) коллекции текстов; тематическое моделирование (выполняется по модели сэмпирования Гиббса) [13]. Распределение по темам, имеющееся на портале РОИ, не использовано, поскольку была выбрана стратегия определения тем на основании текстов петиций.

Далее был проведен анализ количества поданных петиций в каждой тематической группе в целом, по региону, в динамике по годам работы портала, что позволило ответить на основные исследовательские вопросы:

- Какова специфика участия в практиках цифровой демократии у граждан России, представляющих разные регионы?
- Какова динамика актуальных общественных приоритетов (общественных интересов) для жителей разных регионов РФ?
- Каковы исследовательские маркеры, используя которые на эмпирических материалах РОИ возможно получать значимую информацию о проблемах регионов России?

Результаты исследования: создание тематического классификатора для картирования тематик петиций на РОИ

Поскольку официальная тематическая классификация интернет-портала РОИ в данном исследовании не использовалась, в качестве тематического классификатора была выбрана программа TopicMiner (в котором реализовано тематическое моделирование на основе латентного размещения Дирихле с сэмпированием Гиббса). Полученные в результате тематического моделирования темы были проинтерпретированы двумя независимыми кодировщиками, а близкие по характеру темы объединены. Таким образом, весь массив петиций был разделен на 14 тематических групп: 1) транспортная система; 2) работа и условия труда; 3) изменение законодательной системы; 4) культура и спорт; 5) финансовые вопросы; 6) Интернет и телекоммуникации; 7) политика; 8) защита окружающей среды; 9) документооборот; 10) образование; 11) ЖКХ; 12) здравоохранение и безопасность; 13) защита детей; 14) защита животных (табл. 1).

Тематическая группа «Законодательство» включила все петиции о внесении поправок в кодексы, о соблюдении законов Российской Федерации, составлении актов, об изменении законодательства на разных уровнях, например изменение мер пресечения за отдельные правонарушения, а также касающиеся вопросов деятельности судей и судебных приставов. Например, петиция № 50Ф37807 «Ужесточить наказание за убийство и умышленное причинение тяжкого вреда здоровью и причинение средней тяжести вреда здоровью», дата окончания голосования 19.09.2018 (4144 голоса «за»).

Тема «Политика» интегрировала тексты, направленные на регулирование процесса выборов должностных лиц и назначения чиновников, на проблемы коррупции, регулирование деятельности власти, реформацию правил рассмотрения и подачи обращений на портале «Российская общественная инициатива» и публичное освещение деятельности сайта: № 83Ф32612 «Вести ответственность за игнорирование общественных инициатив портала РОИ», дата окончания голосования 02.03.2018 (35 119 голосов «за»).

Тематическая группа «Работа и условия труда» содержала тексты петиций, направленные на регулирование уровня оплаты труда, начисление пенсионных отчислений, изменение уровня оплаты труда для работников госу-

Таблица 1

ТЕМАТИЧЕСКИЙ КЛАССИФИКАТОР ДЛЯ РОИ (на основе *TopicMiner*)

№	Тематическая группа	Ключевые слова
1	Транспортная система	водитель, дорога, движение, автомобиль, ДТП, ПДД, транспорт, пешеход, скорость, знак, штраф, ГИБДД, общественный, парковка, пассажир, проезд, автобус, перевозка, вагон, метро
2	Законодательство	закон, российский, федерация, РФ, статья, ФЗ, суд, изменение, право, орган, кодекс, решение, вносить, акт, правительство, нарушение, срок, Конституция, уголовный
3	Политика	государственный, орган, власть, чиновник, муниципальный, бюджет, местный, коррупция, президент, правительство, инициатива, выбор, власть, голос, голосование, решение, общественный, сайт, президент
4	Работа и условия труда	время, работа, рабочий, работать, неделя, выходной, отпуск, график, пенсия, труд, работник, трудовой, страховой, работодатель, заработный, оплата, МРОТ, договор
5	Культура и спорт	реклама, алкоголь, запрещать, фильм, игра, СМИ, культура, музыка, спорт, религиозный, Интернет, спортивный, культура, запрет, пропаганда, футбол, язык, история, СССР, великий, победа, символ, памятник, исторический
6	Финансовые вопросы	рубль, налог, деньги, банк, бюджет, средство, плата, размер, стоимость, оплата, ставка, пособие, доход, сумма, кредит, НДФЛ, валюта
7	Интернет и телекоммуникации	информация, Интернет, система, сайт, электронный, доступ, оператор, номер, телефон, мобильный, абонент
8	Защита окружающей среды	предприятие, мусор, экологический, природный, земля, среда, окружающий, переработка, экология, утилизация, ущерб
9	Документооборот	документ, регистрация, данные, паспорт, получение, ОСАГО, страхование, полис, гражданин, справка, оформление
10	Образование	образование, школа, образовательный, учреждение, обучение, студент, школьник, вуз, знание, школьный, профессиональный, ЕГЭ
11	ЖКХ	дом, собственник, услуга, квартира, помещений, ЖКХ, потребление, жилой, ТСЖ, капитальный, прибор, счет, содержание, многоквартирный, коммунальный
12	Здравоохранение и безопасность	человек, оружие, здоровье, заболевание, препарат, курение, лекарство, лечение, вред, организм, табак, воздействие, курить, медицина, наркотический, врач, здравоохранение
13	Защита детей	дитя, ребенок, родитель, семья, женщина, жизнь, дети, сад, возраст, рождение, многодетный, детский, мать, отец
14	Защита животных	животное, собака, владелец, домашний, бездомный, бродячий, хозяин, дикий, охота, жестокий, приют

дарственных учреждений, изменение графика работы. Например, № 16Ф19940 «*Запретить повышение пенсионного возраста*», дата окончания голосования 03.06.2016 (4885 голосов «за») и т.д.

Темы, содержательно объединяющие петиции, не равнозначно представлены в базе данных, что свидетельствует о различиях в приоритетах при голосовании по регионам России. Кроме того, наряду с количеством опубликованных петиций по той или иной теме показателем интереса и значимости проблемы, представленной в петиции, может быть количество голосов в поддержку набранного петициями.

Тематики 10% петиций, получивших наибольшую поддержку голосованием

Для того чтобы петиция портала РОИ была рассмотрена, ей необходимо набрать 100 тысяч голосов, однако большинство петиций не получает такого количества подписей. С другой стороны, в выборке петиций присутствует значительное количество петиций с малым количеством голосов, свидетельствующее о низкой поддержке инициативы. Поэтому особый интерес представляют 10% петиций, набравших наибольшее количество голосов «за» (всего 980 петиций, более 1999 голосов в поддержку), т.е. те петиции, за которые готовы проголосовать многие пользователи ресурса.

При рассмотрении петиций, набравших наибольшее количество голосов, разделение по тематикам происходит следующим образом: «Изменение законодательства» — 16,43%; «Политика» — 12,24; «Работа и условия труда» — 11,33; «Транспортная система» — 9,80; «Защита окружающей среды» — 7,86; «Культура и спорт» — 7,86; «Интернет и телекоммуникации» — 5,82; «Документооборот» — 5,41; «ЖКХ» — 5,10; «Финансовые вопросы» — 5,00; «Образование» — 3,78; «Здравоохранение и безопасность» — 3,57; «Защита животных» — 3,06; «Защита детей» — 2,76% (табл. 2).

Согласно табл. 2 четыре группы петиций («Изменение законодательства», «Политика», «Работа», «Транспортная система») являются лидерами независимо от способа рейтингования. Тематика «Транспортная система» имеет разные показатели популярности (среди всех поданных петиций данная категория занимала первое место, но среди петиций с высокой поддержкой она занимает лишь четвертое место).

Анализ тематик позволяет их разделить на две группы:

- «важные темы» (по ним подано много петиций, и эти петиции поддерживаются, например темы «Изменение законодательства», «Политика»);

- «горячие темы» (по которым подано много петиций, но многие из них не получают поддержку, например тема «Транспортная система»).

Это объясняется тем, что «горячие темы» выступают индикатором различий в приоритетах (когда петиция представляет инициативу, не вызывающую одобрения у части общества), а также может быть связано с особенностями представления результатов голосования, в котором петиции с большим числом голосов чаще показываются гражданам. Эффект голосования был наглядно продемонстрирован при изучении голосования и музыкальных предпочтений [17]. При отсутствии информации о голосовании других людей коэффициент Джини¹ в экспериментальном исследовании М. Салганика варьировался от 0,2 до 0,3 [17]. При наличии информации о голосовании других людей коэффициент Джини принимал значения от 0,45 до 0,6 [17], что близко к значениям, полученным в нашем исследовании (от 49,89 до 65,16). Таким образом, коэффициент неравномерности Джини свидетельствует о влиянии способа предъявления петиций на портале на исход голосования для всех тем. Поскольку «горячая тема» «Транспортная система» имеет среднее значение коэффициента Джини (59,53), то по неравномерности голосования она не отличает-

Таблица 2

ТЕМАТИКИ ПЕТИЦИЙ: ОБЩАЯ ВЫБОРКА И ТОП-ГРУППА С ВЫСОКИМ РЕЙТИНГОМ (%)

Тематические категории	По всем петициям	Высокая поддержка	Коефф. неравномерности Джини
Изменение законодательства	13,21	16,43	63,14
Политика	10,91	12,24	65,16
Работа	9,77	11,22	60,77
Транспортная система	15,45	9,90	59,53
Экология	5,26	7,86	65,13
Культура	8,65	7,86	63,54
Интернет	5,96	5,71	64,52
Документы	5,07	5,41	63,48
Финансы	5,96	5,10	49,89
ЖКХ	4,51	5,00	55,49
Образование	5,06	3,78	53,42
Здравоохранение	4,47	3,67	52,52
Защита животных	1,92	3,06	57,19
Защита детей	3,81	2,76	57,47

¹ Коэффициент Джини принимает значения от 0 до 100, и чем больше неравномерность, тем больше его значение.

ся от других тем, значит, меньший процент петиций с высокой поддержкой свидетельствует о наличии расхождений во мнениях и в приоритетах в вопросах, связанных с данной темой.

Если рассматривать региональное распределение петиций с высоким рейтингом по результатам голосования, то на первое место по количеству опубликованных инициатив выходит 77-й регион (Москва): за рассматриваемый период москвичи выдвинули 241 петицию (24,6%); на втором месте — Московская область (92 петиции (9,4%)); на третьем — Санкт-Петербург (78 петиций, 8,0% от общего числа петиций с высоким рейтингом голосования) (табл. 3).

Таблица 3
АКТИВНОСТЬ РЕГИОНОВ РФ В ПОДАЧЕ ПЕТИЦИЙ

№	Регион РФ	Общее количество	Петиции с высоким рейтингом
1	Москва	2297 (23,43%)	241 (24,6%)
2	Московская обл.	832 (8,49%)	92 (9,4%)
3	Санкт-Петербург	801 (8,17%)	78 (8,0%)
4	Ростовская обл.	299 (3,05%)	34 (3,5%)
5	Свердловская обл.	389 (3,97%)	28 (2,9%)
6	Новосибирская обл.	232 (2,37%)	24 (2,4%)
7	Краснодарский край	239 (2,44%)	23 (2,3%)
8	Нижегородская обл.	200 (2,04%)	23 (2,3%)
9	Самарская обл.	175 (1,79%)	21 (2,1%)
10	Волгоградская обл.	225 (2,30%)	19 (1,9%)

Если сравнивать региональное распределение всех петиций и петиций с высокой поддержкой, то можно заметить, что в десятку регионов с максимальным числом петиций вошли одни и те же регионы, а именно столичные регионы, ориентированные на гражданскую активность офлайн, также обладающие лидерством в области освоения информационных технологий.

Поскольку петиции, поддержанные активным голосованием, в большей степени отражают общественные интересы, дальнейший анализ будет проводиться только для обращений, получивших высокую поддержку.

Петиции РОИ: тематики и региональные различия

Рассматривая поданные петиции с точки зрения проживания их авторов, можно определить приоритеты общественного развития для регионов (табл. 4).

За петиции федерального уровня на портале РОИ может проголосовать любой гражданин, проживающий в любом регионе, а регион петиции отражает только регистрацию автора инициативы. Возможно, поэтому темы, лидирующие по количеству петиций с высоким рейтингом в целом по стране, являются лидирующими и при рассмотрении отдельных регионов («Законодательство», «Политика», «Работа»). Кроме общих интересов присутствует и региональная специфика. Так, тема «Законодательство» вызывает большой интерес во всех регионах, кроме Северо-Западного. В Северо-Кавказском, Сибирском, Уральском регионах меньший интерес вызывает

тема «Политика». В Уральском, Центральном и Дальневосточном менее популярна тема «Работа». Приволжский и Южный федеральные округа демонстрируют интерес к основным темам, лидирующим по стране в целом. Другие регионы имеют явные различия. Так, в Дальневосточном регионе в топ-3 вошла тема «Интернет», в Северо-Западном, Сибирском и Уральском — «Экология», а тема «Культура» вызывает большой интерес в Северо-Кавказском и Уральском регионах.

Проблемы транспортной системы оказались значимыми для жителей Центрального и Северо-Кавказского регионов. Однако стоит учесть, что по Северо-Кавказскому региону опубликовано всего 10 петиций с высоким рейтингом, а по Дальневосточному — 35. Следовательно, полученные результаты скорее свидетельствуют о низкой активности жителей региона в подаче электронных петиций, нежели о специфике общественных интересов.

Таблица 4

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПРЕДСТАВЛЕННОСТЬ ПЕТИЦИЙ С ВЫСОКИМ РЕЙТИНГОМ

Тема	Приволж-ский	Южный	Централь-ный	Северо-Западный	Сибирский	Уральский	Дальнево-сточный	Северо-Кавказский	Общий ИТОГ
Законодательство	14,52	17,07	18,33	10,14	19,32	16,39	14,29	20,00	16,43
Политика	12,10	14,63	12,22	14,49	9,09	9,84	14,29	0,00	12,24
Работа	16,94	10,98	9,95	13,04	12,50	8,20	0,00	20,00	11,22
Транспортная система	4,84	4,88	12,67	8,70	9,09	8,20	11,43	20,00	9,90
Культура	10,48	1,22	8,37	5,80	5,68	11,48	11,43	20,00	7,86
Экология	5,65	6,10	5,43	13,04	13,64	11,48	8,57	10,00	7,86
Интернет	4,03	8,54	5,20	2,90	7,95	4,92	20,00	0,00	5,71
Документы	3,23	8,54	5,20	5,80	6,82	6,56	2,86	0,00	5,41
Финансы	5,65	6,10	4,30	8,70	4,55	3,28	2,86	0,00	5,10
ЖКХ	5,65	3,66	4,75	3,62	5,68	9,84	5,71	0,00	5,00
Образование	4,84	4,88	3,62	3,62	3,41	3,28	2,86	0,00	3,78
Здравоохранение	4,03	3,66	4,75	2,17	2,27	3,28	0,00	0,00	3,67
Защита животных	5,65	3,66	2,04	5,07	0,00	3,28	2,86	10,00	3,06
Защита детей	2,42	6,10	3,17	2,90	0,00	0,00	2,86	0,00	2,76

РОИ (2013–2017): динамика общественных приоритетов

Работа портала РОИ началась в 2013 г., что позволяет проследить динамику общественных приоритетов, выраженных в электронных петициях. Нами был рассчитан процент петиций, опубликованный по данной теме за год, от общего числа петиций по данной теме (табл. 5).

В первый год работы портала РОИ (2013) было зарегистрировано наибольшее количество петиций (2312), в 2014-м наблюдалось снижение интереса к portalу — «яма доверия» (всего было подано 1033 петиции), потом интерес нормализовался и в 2015–2017 гг. было подано около 1900 петиций. Большой процент петиций, поданных в первый год, объясним наличием в обществе ожиданий и надежд, связанных с работой портала.

Таблица 5

ДИНАМИКА ПЕТИЦИЙ С ВЫСОКИМ РЕЙТИНГОМ ПО ТЕМАМ (%)

Группа	Тема	2013	2014	2015	2016	2017
Стабильная	Документы	28,30	11,32	13,21	24,53	22,64
Стабильная	Здравоохранение	33,33	8,33	19,44	16,67	22,22
Стабильная	Законодательство	30,43	14,29	16,15	22,36	16,77
Стабильная	Интернет	23,21	17,86	19,64	19,64	19,64
Стабильная	Культура	31,17	15,58	10,39	19,48	23,38
Стабильная	Образование	16,22	13,51	29,73	18,92	21,62
Стабильная	Работа	15,45	9,09	22,73	30,00	22,73
Стабильная	Защита детей	37,04	18,52	18,52	11,11	14,81
Стабильная	Финансы	16,00	18,00	16,00	28,00	22,00
Стабильная	Экология	15,79	18,42	21,05	25,00	19,74
Рост	Защита животных	10,34	6,90	13,79	24,14	44,83
Рост	ЖКХ	12,24	6,12	26,53	26,53	28,57
Уменьшение	Транспортная система	26,80	22,68	24,74	17,53	8,25
Уменьшение	Политика	27,50	21,67	21,67	17,50	11,67

В табл. 5 представлены три стратегии в поддержке приоритетов: устойчивый интерес (с небольшими колебаниями), снижение интереса и рост интереса.

К темам, к которым происходит снижение интереса за время работы РОИ, относятся «Политика» и «Транспортная система». К темам, по которым происходит рост интереса, — «ЖКХ» и «Защита животных». Подобные изменения могут быть связаны с изменением аудитории пользователей ресурса. В первые годы работы портала представители российской оппозиции пытались использовать данный ресурс как инструмент влияния на политические и социальные изменения в России, что релевантно высокому рейтингу тематик «Политика» и «Транспортная система» [2]. В настоящее время аудитория портала, судя по всему, менее организованная, что отразилось на изменении доминирующих тематик, включая рост интереса к проблемам ЖКХ и защиты животных.

Дискуссия: РОИ как элемент электронной демократии и новое цифровое поле изучения цифровой политической коммуникации народа и власти

Как ресурс для размещения электронных петиций РОИ привлекает ряд исследователей [1, 2, 6, 7, 10], изучающих данный ресурс как с точки зрения его эффективности (в контексте электронной демократии), так и с точки зрения общественных приоритетов и ценностей, отраженных в петициях.

Ключевой вывод относительно анализа эффективности РОИ заключается в констатации того факта, что был только один случай, когда онлайн-петиция, размещенная на РОИ, набрала бы необходимое число голосов и была бы передана для обсуждения в экспертную группу, рассмотрена, поддержана правительством и реализована (№ 77Ф21892, «Оборудовать все железнодорожные переезды системами видеорегистрации», <https://www.roi.ru/21892/>). В то же время 12 петиций (2013–2016), размещенных на РОИ, были поддержаны на правительственном уровне без соблюдения правил голосования. Это разрушает прозрачность процедур и не согласуется с требованиями электронной демократии.

Таким образом, как цифровой политический проект РОИ подвергается критике и требует обновления [1, 2].

В то же время как ресурс, позволяющий оперативно собрать информацию об общественных приоритетах и ценностях, об особенностях проявления солидарности на цифровых

площадках РОИ, он достаточно информативен и ценен.

В ходе исследования были проанализированы тематика всех петиций и петиции с высокой поддержкой, а также региональная специфика и динамика количества петиций по темам. Анализ текстов онлайн-петиций с высоким рейтингом голосования показал, что наиболее частотными на официальном ресурсе России являются те, которые посвящены изменениям в законодательстве (16,43% из общего числа петиций с высокой поддержкой). Также на РОИ чаще прочих поддерживают петиции, посвященные проблемам политики (12,24%) и транспортной системы (11,33%). Менее актуальными оказались темы «Здравоохранение» (3,57%), «Защита животных» (3,06%), «Защита детей» (2,76%).

Территориальное распределение показало, что по количеству зарегистрированных петиций самыми активными выступают Центральный, Северо-Западный и Приволжский федеральные округа. Наиболее активное население, пытающееся отстаивать свои гражданские позиции с помощью портала электронных петиций, проживает в столице РФ: первое место по количеству зарегистрированных петиций занимает Москва, следом идет Московская область, на третьей позиции Санкт-Петербург.

Наиболее активными в подаче петиций на РОИ являются регионы с высоким уровнем социально-экономического развития. Однако во всех федеральных округах проблемы, отраженные в петициях, размещенных на РОИ, имеют значительное сходство. Также была выявлена и региональная специфика. Например, для Дальневосточного региона в три наиболее важные темы входит «Интернет», а для Северо-Кавказского и Уральского регионов — «Культура».

Портал РОИ позволяет провести комплексное исследование общественных приоритетов с учетом следующих ограничений. Во-первых, петиции портала имеют разделение на федеральный, региональный и муниципальный уровни, что позволяет выявить региональные проблемы. Однако при составлении петиции пользователь сам устанавливает уровень, поэтому часть петиций, имеющих региональную специфику, ошибочно будет находиться под графой «Федеральные». Кроме того, сложно отследить петиции, посвященные проблемам регионов, но отправленные пользователем, зарегистрированным в другой области (так как необходима авторизация в сервисе «Госуслуги» и нельзя выбрать иной регион).

Что касается динамики актуальных общественных приоритетов, в исследовании Л. Видясовой и Я. Тенсиной, которое было построено на данных за аналогичный временной промежуток (2013–2017), отмечается малое количество голосов, отданных в поддержку электронных петиций, что согласуется с результатами данного исследования [1]. Л. Видясова и Я. Тензина также отмечают, что пик интереса к portalу пришелся на 2013–2014 гг., и связывают это с ростом интереса граждан к политике, приводя данные опроса общественного мнения в России [1].

Однако, анализируя петиции, опубликованные на портале РОИ, стоит иметь в виду не только снижение интереса, произошедшее после открытия ресурса в 2013 г., но и стабилизацию интереса к работе портала (преодоление периода завышенных ожиданий), уже отмеченную нами ранее [6].

Анализ динамики подачи петиций по темам показал, что основной блок вызывает стабильный интерес (10 из 14 тем), по двум темам («Транспортная система», «Политика») происходит снижение интереса, по двум («Защита животных», «ЖКХ») наблюдается рост интереса к подаче петиций. Данный факт отражает трансформации аудитории портала, вытеснение пользователей-оппозиционеров, создающих петиции, претендующие на законодательные изменения российского общества, и замещение их пользователями, погруженными в повседневные проблемы больших городов.

В качестве исследовательских маркеров, обладающих диагностическим потенциалом на материале онлайн-петиций цифровой платформы РОИ, возможно рассматривать:

- соотношение тематик поданных петиций и петиций, набравших значительное число голосов в поддержку (соотношение «важных тем» и «горячих тем»), которые показывают, какие проблемы вызывают солидарность в обществе, а какие остаются вне общественных интересов;

- стратегии голосования за те или иные темы по годам (динамические характеристики стратегий голосования за онлайн-петиции), раскрывающие устойчивый интерес общества к различного рода проблемам, снижение или повышение интереса;

- любые показатели в контексте регионального анализа (раскрывают региональные различия в общественных приоритетах);

- показатели, характеризующие обновление группы авторов петиций, свидетельствующие

о популярности ресурса в обществе и признании его роли в достижении отдельными гражданами и группами общественно значимых целей.

Заключение

Подводя итоги анализа некоторых аспектов функционирования интернет-портала РОИ, подчеркнем, что современные порталы электронных петиций становятся дополнительным каналом общения между гражданами и властью, представляют информацию об общественных приоритетах, выраженных в электронных петициях, об общественной солидарности, а также раскрывают качество и полноту электронной демократии в обществе. Тематическая направленность петиций, общее количество инициатив и уровень их поддержки позволяют выявить социально значимые проблемы общества, отследить динамику и степень общности проблем.

Благодарности

Представленное исследование является частью научного проекта РФФИ № 18-011-00140-А «Электронная петиция как фрейм социальной и политической мобилизации (российская и кросс-культурная перспективы)». Авторы благодарны фонду РФФИ за поддержку.

Список литературы

1. Видясова Л.А., Тензина Я.Д. Исследование результативности работы портала «Российская общественная инициатива». В: Государство и граждане в электронной среде. 1. 2017. СПб., 2017. С. 56–65. Доступно: <http://ojs.itmo.ru/index.php/SCEE/article/view/858>. [Vidyasova L.A., Tensina Ya.D. A study of the performance of the «Russian Public Initiative» portal [Issledovanie rezul'tativnosti raboty portala «Rossiiskaya obshchestvennaya initsiativa»]. In: Gosudarstvo i grazhdane v elektronnoy srede. 1. 2017. SPb., 2017. P. 56–65. Available at: <http://ojs.itmo.ru/index.php/SCEE/article/view/858>. (In Russ.)].
2. Волошинская А.А. «Российская общественная инициатива»: парадоксы отечественной электронной демократии // Власть. 2016. Т. 24. № 1. С. 47–51. [Voloshinskaya A.A. Russian public initiative: Paradoxes of e-democracy. [«Rossiiskaya obshchestvennaya initsiativa»: paradoksy

- otechestvennoi ehlektronnoi demokratii]. *Vlast'*. 2016. Vol. 24 (1). P. 47–51. (In Russ.).
3. *Гольбрайх В.Б.* Экологические общественные инициативы в Интернете как новая практика политического участия // Вестник Томского государственного ун-та. Философия. Социология. Политология. № 4 (36). С. 340–350. Available at: doi:10.17223/1998863X/36/34. [*Golbraykh V.B.* Environmental public initiative in the internet as a new public participation practice. [Ehkologicheskie obshchestvennye initsiativy v Internete kak novaya praktika politicheskogo uchastiya.] *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo un-ta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*. No. 4 (36). P. 340–350. Available at: doi:10.17223/1998863X/36/34. (In Russ.)].
  4. *Демушина О.Н.* Порталы электронных петиций как форма взаимодействия институтов власти и граждан в России // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2016. № 4. С. 176–181. [*Demushina O.N.* E-petitions portals as a form of communication between governments and citizens in Russia. [Portaly ehlektronnykh petitsii kak forma vzaimodeistviya institutov vlasti i grazhdan v Rossii.] *State and municipal management scholar notes*. 2016. No. 4. P. 176–181. (In Russ.)].
  5. *Косых Е.В.* Интернет-петиция как метод гражданского сопротивления в современной России // Российская наука и образование сегодня: проблемы и перспективы. 2017. № 2. С. 28–29. [*Kosykh E.V.* Internet-petitsiya kak metod grazhdanskogo soprotivleniya v sovremennoy Rossii. [Internet petition as a method of civil resistance in modern Russia. [Internet-petitsiya kak metod grazhdanskogo soprotivleniya v sovremennoy Rossii.] *Rossiiskaya nauka i obrazovanie segodnya: problemy i perspektivy*. 2017. No. 2. P. 28–29. (In Russ.)].
  6. *Поршнев А.В., Лячина К.Г.* Анализ динамики электронных петиций на портале «Российская общественная инициатива» // Государство и граждане в электронной среде. 2018. № 2. С. 118–125. [*Porshnev A.V., Lyachina K.G.* Analysis of the dynamics of electronic petitions on the portal «Russian Public Initiative» [Analiz dinamiki ehlektronnykh petitsii na portale «Rossiiskaya obshchestvennaya initsiativa». *Gosudarstvo i*
  7. *Радина Н.К.* Сравнительный анализ электронных петиций в защиту животных на цифровых платформах РОИ и Change.org. // Социум и власть. 2019. № 1 (75). С. 60–71. [*Radina N.K.* Electronic petitions for protecting animals on digital platforms ROI and Change.org. [Srvnitel'nyi analiz ehlektronnykh petitsii v zashchitu zhivotnykh na tsifrovyykh platformakh ROI i Change.org.] *Socium i vlast'*. 2019. No. 1 (75). P. 60–71. (In Russ.)].
  8. *Чугунов А.В.* Электронные петиции как механизм обратной связи с гражданами: Российский контекст 2013–2014 / II Междунар. научн.-практ. конф. «Стратегические коммуникации в бизнесе и политике». В: Коммуникация власти и бизнеса в условиях новых вызовов. СПб.: Институт «Высш. шк. журн. и масс. комм.», 2015. С. 99–102. Доступно: http://jf.spbu.ru/upload/files/file_1425982361_9365.docx. [*Chugunov A.V.* Electronic petitions as a feedback mechanism of communication with citizens: Russian context 2013–2014. [Elektronnyye petitsii kak mekhanizm obratnoi svyazi s grazhdanami: Rossiiskii kontekst 2013–2014 / II mezhdunar. nauchn.-prakt. konf. «Strategicheskie kommunikatsii v biznese i politike». In: *Kommunikatsiya vlasti i biznesa v usloviyakh novykh vyzovov*. SPb.: Institut «Vyssh. shk. zhurn. i mass. komm.», 2015. P. 99–102. Available at: http://jf.spbu.ru/upload/files/file_1425982361_9365.docx. (In Russ.)].
  9. *Чугунов А.В.* Взаимодействие граждан с властью как канал обратной связи в институциональной среде электронного участия // Власть. 2017. № 10. С. 59–66. [*Chugunov A.V.* Cooperation of citizens with the authority as a feedback channel in e-participation: Institutionalization issues. [Vzaimodeistvie grazhdan s vlast'yu kak kanal obratnoi svyazi v institutsional'noi srede ehlektronnogo uchastiya.] // *Vlast'*. 2017. No. 10. P. 59–60. (In Russ.)].
  10. *Чугунов А.В.* Электронная демократия и развитие электронного участия в России: предварительные результаты мониторинга портала «Российская общественная инициатива» / Социальный компьютеринг: основы, технологии развития, социально-гуманитарные эффекты (ISC-14): Материалы 3-й Междунар. научн.-практ.

- конф. 2014. С. 295–298. Доступно: <http://elibrary.ru/item.asp?id=22713218>. [Chugunov A.V. E-democracy and the development of e-participation in Russia: preliminary monitoring results of the Russian Public Initiative portal. [Elektronnaya demokratiya i razvitie elektronного uchastiya v Rossii: predvaritel'nye rezul'taty monitoringa portala «Rossiiskaya obshchestvennaya initsiativa».] Sotsial'nyi komp'yuting: osnovy, tekhnologii razvitiya, sotsial'no-gumanitarnye efekty (ISC-14): Materialy Tret'ei Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. 2014. P. 295–298. Available at: <http://elibrary.ru/item.asp?id=22713218>. (In Russ.)].
11. Чугунов А.В. Электронное участие как канал обратной связи власти и граждан: проблемы институционализации. In: Азимут научных исследований: экономика и управление. 2016. Т.5. № 4 (17). С. 453–459. Доступно: <http://napravo.ru/wp-content/plugins/download-attachments/includes/download.php?id=2154>. [Chugunov A.V. E-participation as G2C feedback channel: Institutionalization issues. [Elektronnoe uchastie kak kanal obratnoi svyazi vlasti i grazhdan: problemy institutsionalizatsii.] ASR: Economics and Management. 2016. V. 5 No. (4 (17)). P. 453–459. Available at: <http://napravo.ru/wp-content/plugins/download-attachments/includes/download.php?id=2154>. (In Russ.)].
  12. Breuer A., Farooq B. Online political participation: Slacktivism or efficiency increased activism? Evidence from the Brazilian Ficha Limpa campaign. Evidence from the Brazilian Ficha Limpa Campaign. May 1, 2012.
  13. Koltsova O., Koltcov S. Mapping the public agenda with topic modeling: The case of the Russian LiveJournal // Policy and Internet. 2013. No. 5 (2). P. 207–227. [Online.] Available at: doi:10.1002/1944-2866.POI331.
  14. Lindner R., Riehm U. Broadening participation through e-petitions? An empirical study of petitions to the German Parliament // Policy & Internet. 2013. No. 3 (1). P. 1–23.
  15. Morozov E.V. The net delusion: the dark side of internet freedom. 1 ed. 2011. N.Y.: Public Affairs.
  16. Robinson J.P., Shaver P.R., Wrightsman L.S. Measures of political attitudes. Academic Press; 1 edition (January 11, 1991). 1991. V.1. ISBN-10: 0125902441. P. 753
  17. Salganik M.J. Experimental Study of Inequality and Unpredictability in an Artificial Cultural Market // Science. 2006. No. 311 (5762). P. 854–856. [Online.] Available at: doi:10.1126/science.1121066.
  18. Theocharis Y. The conceptualization of digitally networked participation // Social Media + Society. 2015. No. 1 (2). P. 1–14. Available at: doi:10.1177/2056305115610140.
  19. Van Deth J.W. A conceptual map of political participation // Acta Politica. 2014. No. 49 (3). P. 349–367.

Проблема идентичности и социальная тревожность горожан в связи с проведением чемпионата мира по футболу в Саранске

Введение

Социальную тревожность населения можно рассматривать в контексте его социальной безопасности¹, т.е. субъективно переживаемого ощущения сохранности наиболее важных черт постоянно изменяющейся окружающей среды². Существующие исследования этой тематики, как правило, фокусируются на макрофеноменах, на национальном и глобальном уровнях³. Иными словами, обычно речь идет о социальной тревожности граждан какого-либо государства или группы стран.

Случай организации и проведения чемпионата мира по футболу 2018 г. в относительно небольшом российском региональном центре — Саранске, столице Республики Мордовия — позволяет рассмотреть указанный аспект на локальном уровне конкретного города. Масштабное спортивное мероприятие не просто оказывает влияние на повседневную жизнь горожан, что характерно и для мегаполисов, но и существенным образом меняет ее, подчиняя своим законам. В течение нескольких лет, предшествующих проведению мундиала, она в сильной мере обуславливается подготовкой события.

Ожидания и переживания жителей Саранска могут отличаться по содержанию и силе проявления от тех чувств и эмоций, которые испытывают обитатели других, более крупных городов — организаторов чемпионата. В отличие от них у столицы Мордовии не было опыта проведения сопоставимых по масштабу мероприятий, она никогда не находилась под столь пристальным вниманием международного со-

общества. Все это вызывало опасения горожан, связанные с безопасностью организации спортивного мегасобытия и успешностью реализации намеченного плана.

В дни проведения матчей Саранск становится местом притяжения большого количества российских и зарубежных болельщиков, чья численность может превышать 13% от всего населения города⁴. Такая эпизодическая миграция приводит к нарушению стабильности социального мира горожан. Городская среда начинает подвергаться оценке и выступать объектом формирования впечатлений для приезжих, что ставит под угрозу привычное восприятие своего «дома», которое сформировано самими местными жителями. Иными словами, чемпионат может в той или иной степени трансформировать самоидентификацию горожан с родным городом.

В условиях наличия угрозы постоянству окружающего материального и социального миров обостряется проблема разграничения в городском пространстве на «свое» и «чужое», «своих» и «чужих». При анализе подготовки мундиала принципиально важно понять, насколько новостройки вписываются в существующую среду, а при изучении периода состязаний — как горожане воспринимают приезжих. Таким образом, целью данного исследования является оценка социальной тревожности жителей Саранска и остроты проблемы их городской идентичности в контексте организации и проведения чемпионата мира по футболу 2018 г.

¹ *Барин Д. Н.* «Онтологическая безопасность» и ее границы в современном обществе // Социодинамика. 2017. № 9. С. 75–89.

² *Владимирова Т. В.* Социальная безопасность: к обоснованию социологической перспективы // Идеи и идеалы. 2011. № 1. С. 79.

³ *Самыгин С. И., Латышева А. Т., Черевик К. С.* Социальная безопасность как социокультурная деятельность // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 1–2. С. 58–62.

⁴ По состоянию на начало 2018 г. численность населения г. Саранска составляла около 319 тыс. чел. (Численность населения по муниципальным образованиям на 1 января 2018 г. // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Мордовия. URL: <https://mrd.gks.ru/folder/27964> (дата обращения: 25.11.2019 г.)), а вместимость стадиона «Мордовия Арена» — около 44 тыс. чел. (Официальный сайт стадиона «Мордовия Арена». URL: <https://arena-mordovia.com/places/203851/> (дата обращения: 25.11.2019 г.)).

Концепция онтологической безопасности в контексте спортивного мегасобытия

Основу теоретической рамки нашего исследования задает концепция онтологической безопасности Э. Гидденса. Под ней понимается «конфиденциальность или доверие, которые являют собою природный и социальный миры, включая базовые экзистенциальные параметры самости и социальной идентичности»¹. По мнению Э. Гидденса, онтологическая безопасность представляет собой одну из форм ощущения безопасности в широком смысле этого слова. Она подразумевает преемственность самоидентификации индивидов в условиях постоянства материального и социального миров, в которых они действуют.

Один из последователей Э. Гидденса, Ф. Кассель, определяет онтологическую безопасность как «психологическое состояние, эквивалентное ощущению себя “как дома” с самим собой и с окружающим миром, и это связано с опытом управляемого уровня тревоги»². Индивиды поддерживают определенный порядок повседневности с целью минимизации неопределенности социальной реальности. Если им это не удастся, возникает чувство тревоги.

Организацию спортивного мегасобытия в городе, ранее не имевшем опыта проведения подобных масштабных мероприятий, можно рассматривать как непредсказуемую для горожан ситуацию. Эта неопределенность связана с высокой важностью события, которая, в свою очередь, порождает тревожность относительно ряда социально значимых вопросов. Во-первых, речь идет о сомнениях горожан в возможности обеспечения должного уровня безопасности в городе во время массового приезда болельщиков и туристов. Во-вторых, сильны их переживания и касательно общего впечатления, которое сложится у российского и международного сообществ относительно Саранска и его жителей. Рассмотрим эти аспекты подробнее.

Вопрос тревожности горожан по поводу обеспечения безопасности во время проведения спортивного мегасобытия связан с имеющимися у людей стереотипами о футболе и болельщиках. Фанаты ассоциируются с агрессией, беспорядками и столкновениями друг с другом, в которых могут пострадать окружающие. Так-

же проведение футбольных матчей повышает террористическую угрозу, так как сопряжено со сосредоточением большого количества людей в одном месте. Сомнения в перспективах властей купировать эти и прочие негативные явления приводят к обеспокоенности горожан относительно соответствующих социальных действий, которые становятся «источником неопределенности, а значит, и тревоги»³. Иными словами, непредсказуемость поведения званных и незванных гостей чемпионата мира по футболу вызывает опасения у местных жителей.

Тревогу у горожан может вызывать не только вопрос собственной безопасности, но и формирование хорошей репутации города в глазах приезжих, произведение положительного впечатления на них. Так как Саранску ранее не приходилось сталкиваться со столь пристальным вниманием российского и международного сообществ, для него чемпионат мира по футболу, по сути, стал одним из немногих инструментов, с помощью которых можно показать себя на глобальной арене. В данном случае речь идет о другом типе социальной тревожности, заключающемся в опасениях создания плохого образа своего города и самих себя. Более того, именно горожане выступают теми акторами, в результате взаимодействия с которыми у гостей будут складываться соответствующие впечатления. Согласно концепции социальной драматургии И. Гофмана в контакт между собой вступают скорее не личности, а их образы, при этом важной задачей индивида в данном процессе является сохранение собственного лица⁴.

В случае формирования не той репутации города, которой хотелось бы его жителям, может возникнуть угроза «разрушения привычной и понятной рутины социальной жизни»⁵, что поставит под сомнение территориальную идентичность горожан. Под городской идентичностью мы понимаем частный случай социальной идентичности, который связан с индивидуальным самоопределением жителя изучаемой территории. Национальный статус Республики Мордовия, проживание в ней коренных народов — мокшан и эрзян, наличие соответствующих языков позволяют рассматривать этот аспект с региональной точки зрения.

¹ Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. 2-е изд. М.: Академический Проспект, 2005. С. 499.

² Цит. по: Елфимова О. С. Концепт безопасности в современных западных социологических теориях // Вестник Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского. Сер. «Социальные науки». 2012. № 3. С. 36.

³ Баринов Д. Н. Социоструктурные источники тревожности // Вестник Тамбовского ун-та. Сер. «Гуманитарные науки. Философия, социология и культурология». 2008. № 10. С. 148.

⁴ Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2000.

⁵ Баринов Д. Н. Указ. соч. С. 149.

При наличии угрозы разрушения механизмов социального воспроизводства, когда переживаемая идентичность горожан может не совпадать с идентичностью, приписываемой им извне, со стороны приезжих, запускается процесс укрепления внутренней солидарности группы, в том числе за счет более жесткого разграничения окружения по принципу «свои» и «чужие»¹. «Свои» определяются как близкие и понятные, «чужие» — как неизвестные и потенциально опасные. Высокую значимость этот механизм самоидентификации приобретает в ситуации массового приезда гостей в связи с проведением в городе спортивного мегасобытия. Непредсказуемые действия «чужих» выступают потенциальной угрозой привычному социальному порядку.

Таким образом, понимание индивидом себя происходит через процесс восприятия его членства в различных сообществах, т.е. речь идет о групповой идентичности². Так как люди стремятся к созданию собственного положительного образа, они стараются быть включенными только в те социальные группы, принадлежность к которым усиливает их привлекательность в своих глазах и глазах окружающих. От сообществ, чьи черты оцениваются индивидом как отрицательные, он, как правило, дистанцируется. Иными словами, болельщики и туристы, прибывающие на чемпионат мира по футболу в Саранск, с одной стороны, могут рассматриваться местными жителями как непредсказуемые и потому потенциально опасные, что приводит к необходимости держаться от них подальше. Однако с другой стороны, с целью формирования положительной репутации своего города за его пределами горожане должны производить хорошее впечатление на «чужаков». Все это приводит к обострению проблемы идентичности и социальной тревожности жителей Саранска в связи с проведением чемпионата мира по футболу.

Источники эмпирических данных

Эмпирические данные для настоящего исследования собраны³ в конце июня — начале

¹ Чернявская О. С. Изучение идентичности горожан // Вестник Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского. Сер. «Социальные науки». 2012. № 2. С. 96.

² Tajfel H. Social Identity and Intergroup Relations. Cambridge: Cambridge University Press, 1982.

³ Мы благодарим за финансовую поддержку Фонд образовательных инноваций Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», который выделил деньги на реализацию полевого этапа нашего исследования в рамках программы экспедиций «Открываем Россию заново».

июля 2018 г., т.е. во время проведения чемпионата мира по футболу. Они представляют собой 15 углубленных слабоструктурированных интервью, а также свыше 50 мини-интервью с жителями Саранска. Сбор данных проходил в разных районах города — Ленинском, Пролетарском (в том числе в микрорайоне Светотехника) и Октябрьском (в том числе в микрорайонах Химмаш и ТЭЦ-2). Таким образом, были охвачены и центр, и окраины Саранска.

Выборка исследования относительно равномерно распределена по полу, возрасту и статусу занятости информантов. С целью получения доступа ко всем указанным категориям местных жителей опрос проводился в разное время суток (преимущественно во время и после окончания рабочего дня), а также в будние и выходные. Об углубленных интервью, как правило, достигалась предварительная договоренность с информантами. Мини-интервью обычно собирались по ходу ознакомления с разными районами города.

Первый матч как катарсис

Отсутствие у Саранска опыта проведения массовых мероприятий, сопоставимых по масштабу с чемпионатом мира по футболу, привело к тому, что горожане не имели более или менее четких представлений о том, как будет выглядеть реализация такого мегапроекта. Именно это стало определяющим элементом в формировании опасений местных жителей относительно мундиала. Они основывались на существовавших стереотипах, которые касаются явлений, сопутствующих проведению футбольных матчей, — драках фанатов и массовых беспорядках⁴, а также о террористических актах.

Горожане опасались приезда большого количества гостей, преимущественно состоящих из болельщиков. Особую настороженность проявляли жители центра города, чью повседневную жизнь чемпионат должен затронуть прежде всего. От события не получится укрыться ни дома, ни на работе. Остроту переживаний подогревал слух о существующих рекомендациях правоохранительных органов для родителей, согласно которым им советуют ограничить свободное перемещение детей по городу в дни проведения матчей, а наилучшей стратегией является их отправка к родственникам за пределы Саранска. Важно отметить, что никто из опро-

⁴ «И вообще, такое скопление людей, очень легко поддаться общему настроению. Вдруг, не дай бог, какое-нибудь столкновение, не хочу попасться» (мужчина, около 30 лет, проживает в центре города).

шенных нами местных жителей этот документ лично не видел. Более того, его не видел никто из их знакомых, однако об указанных рекомендациях говорили все. Вот фрагмент сообщения, которое один из информантов получил в мессенджере от своего знакомого (речь идет о ссылке на содержание указанного документа).

« <...> Также за детьми во время чемпионата ведется строгое отслеживание сотрудниками МВД. Контролируйте своих детей, звоните им чаще, спрашивайте, где они, с кем общаются. С 1 июня детям не разрешается гулять одним около дома или же рядом с домом без присмотра родителей. Кто будет замечен один на улице, тех будут забирать в полицию и увозить в отделение. <...> Также приедут фанаты с нетрадиционной ориентацией и могут быть под наркотиками. <...> С 1 июня не ходить в ТЦ так как там будут транслировать матчи и фанаты могут присутствовать и там. Детей по возможности отвозить деревни <...> » (орфография и пунктуация сохранены).

Реакция горожан на такого рода сообщения была неоднозначной. Они понимали, что не могут оценить степень достоверности этой информации, однако ее наличие вызывало тревогу¹. Косвенным подтверждением наличия указанных рекомендаций стало и нахождение на улицах города непривычно большого количества сотрудников полиции². Это также способствовало нагнетанию общей настороженности относительно предстоящих матчей.

Следовательно, речь идет об изменении окружающего жителей Саранска социального и материального миров в связи с организацией спортивного мегасобытия. Ожидание «вторжения» тысяч «чужаков» в сочетании с расширением и усилением полицейского наблюдения за городским пространством способствовали укоренению тревожности горожан касательно безопасности проведения чемпионата.

Однако общая настороженность горожан проявлялась и в принципиально ином разрезе. Они беспокоились о том, что мероприятие ожидаемого масштаба может не состояться по независящим от них причинам. И такой сценарий тоже представлялся им в негативном свете³.

¹ «Мы там между знакомыми тоже переписывались. Кто-то говорит, что это спам. Но, как говорится, спам-спам, а в каждом спаме тоже есть доля правды. Можно и уехать» (женщина, около 35 лет, есть ребенок).

² «Здесь постоянно сейчас патруль ходит. Постоянно. Раньше вообще ни одного, а сейчас по три, по четыре, а то и по пять [сотрудников полиции]. Учения были постоянно какие-то. МЧС, пожарная, скорая» (женщина, около 55 лет, проживает вне центра города).

³ «Переживание было, что не будет [чемпионата мира по футболу]. Могли его... Как это называется, как в 80-м году было, — не приехали

Действительно, в условиях повышенного внимания российского и международного сообщества к городам — организаторам чемпионата жители Саранска как коренное население региона рассматривали это спортивное мегасобытие как возможность показать город, республику, а также самих себя, и сделать это нужно с лучшей стороны, так как необходимо оправдать выбор столицы Мордовии из числа других претендентов. Чтобы доказать правильность принятого решения, чемпионат в Саранске должен пройти на высшем уровне с организационной точки зрения, несмотря на отсутствие опыта и небольшой размер города.

Тревожность горожан нарастала по мере приближения мундиала и достигла пика в день проведения первого матча, который в восприятии местных жителей стал показательным в контексте готовности города принять спортивное мегасобытие. Речь идет и о завершении всех подготовительных работ на стадионе «Мордовия Арена», и об обеспечении безопасности там и на городских улицах. Можно сказать, что первый матч между сборными командами Перу и Дании ознаменовал успешный старт чемпионата и снял опасения жителей Саранска относительно готовности правоохранительных органов решить поставленные перед ними задачи. Тревога горожан касательно безопасности практически исчезла, уступив свое место ощущению всеобщего праздника⁴.

Позитивные, а зачастую восторженные отзывы об атмосфере, царившей в Саранске в день первого матча, способствовали тому, что в город сразу стали возвращаться те его жители, которые из-за опасений уехали к родственникам в близлежащие деревни. Они тоже хотели приобщиться к международному спортивному мегасобытию, своими глазами увидеть иностранных болельщиков, посмотреть футбол на больших экранах, стать частью фестиваля.

Таким образом, после успешного проведения первого матча начался спад напряжения, касающегося сомнений в возможности правоохранительных органов обеспечить безопасность в городе. Систематически работающие контроль-

те, не приехали эти. Вот такое было беспокойство. А что мероприятие масштабное — это и хорошо. В итоге-то Мордовия блеснула» (мужчина, около 60 лет).

⁴ «Как только чемпионат начался, все были в полном восторге, потому что, пока матчи в Саранске были, была атмосфера стопроцентного праздника. Мы постоянно выходили на улицы, ребята фотографировались с приезжими иностранцами, и сами ходили на фан-фесты. В итоге я проникся атмосферой настолько, что билеты втридорога купил, на матч пошел» (мужчина, около 30 лет, проживает в центре города).

но-пропускные пункты, комплексный досмотр при входе на стадион, в зону гостеприимства и на специально оборудованные площадки с большими экранами вызвали чувство уверенности и спокойствия. Страхи и опасения ушли на второй план, а в центре внимания оказались всеобщий праздник и положительные впечатления, превосшедшие самые смелые ожидания.

От переживаний к гордости

Радикальное снижение уровня тревожности, касающейся вопросов безопасности, обострило другое ее проявление. Речь идет о спокойствии по поводу формирования хорошей репутации Саранска и Республики Мордовия в целом. Гости демонстрировали большой интерес к городу и региону¹, и местным жителям хотелось показать себя с лучшей стороны.

Когда стало известно, что Саранск примет четыре матча группового этапа чемпионата, у горожан появилось смешанное чувство. С одной стороны, они искренне ждали этого решения и переживали по его поводу². С другой — у них возникли сомнения в способности выполнить взятые на себя обязательства по организации и проведению турнира³. В случае возникновения проблем негативные отзывы о Саранске распространились бы по всей России и даже за ее пределами.

Успешно проведенный первый матч позволил не только снять общее напряжение, но и стал отправной точкой для гордости за свой город. Жители Саранска поверили, что чемпионат пройдет на высоком уровне, организационные вопросы будут решены, гости останутся довольны, а это, в свою очередь, может иметь и дальнейшие положительные последствия⁴.

¹ Косвенным показателем повышенного интереса приехавших болельщиков и туристов именно к Саранску и Мордовии является большой спрос на сувенирную продукцию с этой тематикой и относительно низкие продажи футбольной атрибутики. «С Саранском и Мордовией почти ничего [из сувенирной продукции] не осталось. <...> Вот Забивак разных много. Кстати, даже кружки с Саранском [из официальной сувенирной продукции чемпионата мира по футболу] уже нет. А остального сколько хотите» (женщина, около 45 лет, продавец в сувенирном ларьке).

² «У нас не было никаких сомнений, когда Саранск попал в расширенный список [городов — организаторов чемпионата мира по футболу]. А вот когда отцепляли на последней стадии, все переживали. От телевизоров не отходили, а потом гуляли, радовались» (мужчина, около 40 лет, спортивный журналист).

³ «У меня была обеспокоенность только насчет того, как все пройдет: не ударим ли мы в грязь лицом. Мало ли, где-то что-то не так будет, не так пойдет» (мужчина, около 50 лет).

⁴ «Приятно все-таки, что наш город показал себя, тем более ведь и отзывы хорошие. Теперь будем ждать следующих соревнований» (мужчина, около 50 лет).

Успех в проведении мундиала является знаковым для позиционирования Республики Мордовия на карте регионов России. В последние десятилетия Саранск принимает состязания по разным видам спорта, но они, как правило, не носят зрелищный характер, не привлекают большого количества болельщиков и туристов. Теперь у Саранска есть опыт проведения массовых мегасобытий, и крайне важно, чтобы он оценивался успешно не только внутри города, но и извне.

Местным жителям было интересно узнать мнения иностранных гостей. Положительные отзывы позволили гордиться своим городом, подкрепили собственные высокие оценки уровня организации и проведения чемпионата⁵. Тем не менее, вероятно, более важными для жителей Саранска стали мнения болельщиков и туристов из других регионов России. Во-первых, местное население видело свою миссию в разрушении стереотипов о провинциальных российских городах⁶. Во-вторых, формирование положительного образа Саранска как места для комфортного и интересного времяпрепровождения открывало дорогу для новых гостей⁷. И перспективы приезда жителей других российских регионов несравнимо реальнее, чем шанс увидеть туристов из Панамы или Колумбии.

Итак, исходные переживания относительно готовности Саранска принять чемпионат на высшем уровне и обеспечить безопасность для местных жителей сменились чувством гордости за собственный город. Положительные отзывы от российских и иностранных гостей подкрепили возникшую радость, а также позволили начать строить планы на будущее, верить в формирование новых потоков туристов и болельщиков, в том числе при проведении других спортивных мероприятий.

Вытеснение образа «чужака» реальностью

Жители Саранска переживали не только по поводу безопасности проведения чемпионата в их городе и необходимости сформиро-

⁵ «Много позитивных отзывов от иностранцев о нашем городе в социальных сетях читали, все радостные, с хорошим настроением. Ну ведь и неспроста, значит, есть чем нам гордиться!» (женщина, около 25 лет).

⁶ «Они ведь думают, что у нас тут глушь: медведи, зайцы вокруг... А здесь город хороший, люди оказались. Настоящие люди. Мы же с дружелюбием к ним, от всего сердца. А их пугали наверняка, чтоб они в Саранск не ехали. То есть мнение о таком уголке России все-таки может измениться» (женщина, около 65 лет).

⁷ «Ведь не только там Москва и Питер могут себя так представлять. А вот и такой вот маленький городочек, всего лишь несколько сот тысяч жителей» (мужчина, около 35 лет).

вать его хорошую репутацию в глазах гостей. Сами приезжие вызвали у горожан чувство тревоги, а ожидание их большого количества усиливали беспокойство. Жители Саранска нечасто сталкиваются со значительным потоком туристов даже из других регионов России. Тем большие опасения вызвали перспективы приезда зарубежных гостей, в том числе из таких экзотических стран, как Колумбия, Иран, Панама, Перу, Тунис, Япония. Иными словами, тревога местных жителей основывалась и на значительном количестве болельщиков и туристов, и на их необычности, принадлежности к другим, неевропейским, культурам.

Так как практически ни один крупный футбольный турнир не обходится без резонансных столкновений фанатов, жители Саранска беспокоились относительно возможности избежать этих явлений в своем городе. Сама атмосфера чемпионата представлялась им «взрывоопасной», а приезд болельщиков разных команд усиливал напряжение. И, если российские фанаты не вызвали большой симпатии, то они хотя бы виделись предсказуемыми и понятными, в отличие от зарубежных гостей¹. Иностранец выступал в роли «чужака», т.е. неизвестного, а следовательно, и потенциально опасного. От него следует держаться подальше.

Благодаря многочисленным болельщикам из латиноамериканских, африканских и азиатских стран Саранск во время мундиала приобрел нетипичный визуальный колорит. Такая пестрота представителей неевропейских культур на начальном этапе еще сильнее укоренила рассмотрение иностранцев в качестве «чужаков» в терминах механизма самоидентификации². Не имея опыта взаимодействия с ними, местные жители руководствовались известными им стереотипами, описывающими характеристики и возможное поведение гостей³. Эти представления внесли свой вклад в общее чувство тревожности.

По ходу проведения чемпионата опасения, касающиеся российских и зарубежных гостей,

¹ «Непонятно было, чего от них можно ждать. Может, они совсем другими по итогу окажутся» (женщина, около 45 лет).

² Чернявская О. С. Изучение идентичности горожан // Вестник Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского. Сер. «Социальные науки». 2012. № 2. С. 96.

³ «Многие переживали за своих детей, мол, люди из таких вот [неевропейских] стран привезут нам какую-нибудь заразу, уеду-ка я из города. У других был страх, что приедут люди и будут исповедовать какую-то, грубо говоря, не ту религию, скажем так. <...> Надо тоже, короче, уехать» (мужчина, около 30 лет, проживает в центре города).

постепенно рассеивались. Это можно объяснить как минимум двумя причинами.

Во-первых, столкновение с «чужаками» лицом к лицу, непосредственное взаимодействие с ними способствовали переосмыслению имеющихся у местных жителей стереотипов, частичному или полному их разрушению. Гости производили приятное впечатление, не вели себя угрожающе, а, напротив, своей необычностью вызвали искренний интерес⁴. В них не было ничего сверхъестественного, они представляли перед жителями Саранска такими же людьми, только со своими особенностями, традициями, культурой.

Во-вторых, гости очень позитивно отзывались о Саранске и о его жителях. Взаимный интерес друг к другу, доброе отношение и отсутствие угроз сокращали социальную дистанцию между «своими» и «чужими». Жители Саранска постепенно включались в коммуникацию с российскими и зарубежными гостями и получали все больше подтверждений мирных намерений с их стороны. Более того, успешная организация спортивного мероприятия и общее гостеприимство, высоко оцениваемые «чужаками»⁵, повышали социальную привлекательность местных жителей в терминах территориальной идентичности⁶, принадлежности к Саранску и Республике Мордовия в целом.

Как видим, две недели, в течение которых горожане непосредственно взаимодействовали с большим количеством российских и зарубежных гостей, сыграли ключевую роль в переходе от стереотипно сконструированного образа к реальности. Ранее неизвестные и непонятные «чужаки», представляющие потенциальную опасность, в глазах местных жителей уступили место реальным людям, вызывающим интерес к своей самобытности. Это также способствовало снижению общего уровня тревожности у горожан.

Вместо заключения: подкрепление территориальной идентичности

Организация спортивного мегасобытия предполагает значительные изменения в обли-

⁴ «Они не хамы, они нормальный народ, как выяснилось. Оказались очень дружелюбными и веселыми — приятно было за ними наблюдать. Хотя на разных языках говорим, а радость как будто одна на всех была — вот уж нашли точки соприкосновения» (мужчина, около 50 лет).

⁵ «Я по-английски говорю-то не очень, а понимаю вот прекрасно. Много довольных разговоров о Саранске слышал как-то — волонтеры с иностранцами болтали, так те [иностранцы] чуть ли уже не следующую поездку сюда планировали. Покорило все-таки их наше мордовское гостеприимство. Хорошие ребята» (мужчина, около 35 лет).

⁶ Чернявская О. С. Указ. соч. С. 97.

ке города. При подготовке Олимпийских игр не только центр Сочи, но и его окраины подверглись серьезной перестройке. По сути, город изменился до неузнаваемости. Чемпионат мира по футболу — менее масштабное мероприятие, чем Олимпийские игры. Однако и его организация предполагает не только строительство стадиона. Модернизируется инфраструктура, в том числе дорожные развязки, железнодорожный вокзал, аэропорт, возводятся новые гостиницы, реконструируются рестораны и кафе. На протяжении нескольких лет город представляет собой одну большую стройку.

В условиях такой радикальной трансформации Саранск тем не менее остался «своим» для горожан. Для них постоянное строительство является привычной практикой, так как практически весь центр города построен уже в начале XXI в. Спортивный комплекс на площади Тысячелетия, здание Мордовского государственного университета в виде уменьшенной копии главного здания Московского государственного университета на Ленинских горах и т.д. Иными словами, очередной виток модернизации городского пространства в Саранске стал лишь следующим шагом на известном и понятном горожанам пути.

Значительно сильнее жителей Саранска беспокоила возможная оценка российских и зарубежных гостей, то, какие впечатления у них останутся от столицы Мордовии. Позитивные отзывы приезжих подкрепили собственные взгляды местных жителей на свой город¹. Прошедший чемпионат усилил территориальную идентичность горожан, их чувство принадлежности к Саранску и Мордовии в целом. Произошло подкрепление образа собственного «Я» как жителя небольшого региона России, национальной республики, которая, не имея опыта организации мероприятий такого масштаба, смогла проявить себя на высоком уровне, оправдать оказанное доверие и произвести положительное впечатление на многочисленных российских и зарубежных гостей.

Список литературы

1. *Баринев Д. Н.* «Онтологическая безопасность» и ее границы в современном об-

¹ «Мы и сами знали, что у нас неплохо все. Но когда говорят об этом иностранные туристы, что наш город, какой-то Саранск, про который никто до этого не слышал, очень чистый, очень хороший, уютный город, то все равно как-то приятно, и сам уже начинаешь осознавать, что, в принципе, да, так и есть» (женщина, около 45 лет).

2. *Баринев Д. Н.* Социоструктурные источники тревожности // Вестник Тамбовского ун-та. Сер. «Гуманитарные науки. Философия, социология и культурология». 2008. № 10. С. 147–150.
3. *Владимирова Т. В.* Социальная безопасность: к обоснованию социологической перспективы // Идеи и идеалы. 2011. № 1. С. 78–85.
4. *Гидденс Э.* Устроение общества: Очерк теории структуризации. 2-е изд. М.: Академический Проспект, 2005.
5. *Гофман И.* Представление себя другим в повседневной жизни. М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2000.
6. *Елфимова О. С.* Концепт безопасности в современных западных социологических теориях // Вестник Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского. Сер. «Социальные науки». 2012. № 3. С. 35–41.
7. *Самыгин С. И., Латышева А. Т., Червик К. С.* Социальная безопасность как социокультурная деятельность // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 1–2. С. 58–62.
8. *Чернявская О. С.* Изучение идентичности горожан // Вестник Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского. Сер. «Социальные науки». 2012. № 2. С. 96–102.
9. *Tajfel H.* Social Identity and Intergroup Relations. Cambridge: Cambridge University Press, 1982.

Алексей ЛЕВИНСОН

СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ ЕВРЕЙСТВО. ДВИЖЕНИЕ И РЕВЕРС ПРОЦЕССОВ АССИМИЛЯЦИИ

Предлагаемые построения имеют довольно сложный характер. Они опираются на опыт проведенных исследований «Левада-центра» по межнациональным отношениям, отношению к евреям, установкам евреев и др., в частности на проведенные в 2019 г. фокус-группы с представителями еврейского населения крупных и средних городов России¹. Но они же представляют собой наметки задач для задуманных и планируемых исследований. В этой связи заключения и утверждения, которые встретятся в предлагаемом тексте, еще нуждаются в проверке. Автор отдает себе отчет в том, что эти соображения в ряде случаев заходят на проблемные поля дисциплин и отраслей знания, где автор неизбежно оказывается в положении дилетанта.

Автор отдает себе отчет и в том, что по еврейскому вопросу, как и по проблемам еврейской идентичности, неоднократно высказывались авторитеты как из еврейской среды, так и извне. Объем и характер данной статьи не позволяют предлагать обзор или даже суммирование этих мнений. Высказанное в статье будет просто еще одним мнением по данному вопросу, без каких-либо претензий встать над другими.

Исследованию, в заявленном фокусе которого судьбы российского еврейства, еврейский вопрос, как многие подумают, надлежит числиться по ведомству иудаики. Между тем оно скорее принадлежит домену россики, поскольку реализовано в рамках и парадигме исследований общественного мнения и общественных отношений в России. (Да и вообще, еврейский

вопрос — это всегда вопрос не для евреев, а для того общества, в котором присутствуют евреи как в чем-то особый элемент)².

В предлагаемых заметках главным является обсуждение современного этапа процессов ассимиляции и диссимляции российского еврейства. Этому этапу соответствуют определенные формы идентичности или самопредставления тех, кто считает себя евреями. Ему также соответствуют определенные мнения остальных россиян о тех, кого они считают евреями. Эти мнения будут представлены в статье.

Автору для описания данного момента в процессе ассимиляции кажется нужным вначале высказать несколько соображений (возможно, дилетантских) о самом этом процессе.

Несколько общих соображений об ассимиляции

Итак, не обращаясь к словарным определениям ассимиляции и не давая собственных, будем считать, что процесс ассимиляции евреев, живших и живущих на территории России, шел и идет.

Главным предметом нашего обсуждения будет то, каковы на данный момент результаты этого процесса, или, по-другому, как охарактеризовать текущий его этап. Но до того скажем несколько слов о том, кто является его участ-

¹ Куратором этого исследования являлся М.А. Членов. Высказывания респондентов на фокус-группах приводятся в тексте курсивом.

² Наш анализ во многом опирается на те же теоретико-методологические основания, которые последовательно разрабатываются специалистами «Левада-центра», а потому и основные выводы во многом совпадают. См., напр., обобщающую статью: Гудков Л., Зоркая Н., Кочергина Е., Лёзина Е.. Антисемитизм в структуре массовой ксенофобии в России: негативная идентичность и потенциал мобилизации // Вестник общественного мнения. 2016. № 1–2 (122). Там же см. достаточно полную библиографию работ по данной тематике сотрудников ВЦИОМа (до 2003 г.) и «Левада-центра», включая автора данной статьи.

никами. Ясно, что речь придется вести о тех, кто считает себя (или считается) евреями и русскими¹. Но в каких социальных форматах они предстают как участники этого процесса, его субъектами и объектами?

Русские как участники процессов ассимиляции евреев в той мере, в которой они рефлектируют этот процесс, рассматривают себя как «народ». Не принадлежа к эссенциалистам, подчеркиваем именно эссенциалистский характер этого самообозначения. Понимание себя как народа означает соотнесение с силами природы, естества мира, откуда следует безусловность прав для тех, кто себя к нему относит. Одно из фундаментальных прав — право на собственное пространство². Пространством мы называем фрейм, в пределах которого все предполагается «своими», действуют порядки и правила, которые естественно соблюдать или, нарушая, иметь в виду. Для кочевых или островных, горных и лесных народов это может быть иначе, для тех же, кто относит себя к русским³ и евреям, понятие / переживание социального пространства означает еще и землю, территорию.

Известно, что на протяжении рассеяния евреев этой землей была не та, на которой они реально находились. Похоже, именно удержание референции к этому виртуальному объекту — «своей земле», земле Израиля — позволяет евреям диаспоры жить в анклавов, гетто, да и вне таковых на земле, которую они не могут считать «своей», права на которую, как они сами понимают, условные, человеческие / государственные, но не природные, не изначально-естественные.

Процесс ассимиляции — это процесс реализации взаимных, но асимметричных отношений. Представляется, что главным основанием для асимметрии, гегемонии русских относительно евреев было, и отчасти остается, представление обеих сторон о том, «чья земля» (как источник прав). Недаром ограничения прав евреев в России (и иных странах) имели прежде

всего пространственный характер — черта оседлости, в другие годы — границы гетто⁴. Эмиграция и репатриация евреев из России — это тоже пространственный жест, жест прерывания процесса (данной) ассимиляции, что еще раз подчеркивает ключевое значение пространственности для ассимиляции как процесса. В свою очередь, обретение снова «своей земли» в лице Израиля как государства и страны с собственной территорией служит, что будет показано ниже, существенным основанием для торможения и реверсирования процессов ассимиляции евреев в России.

Устройство той разновидности ассимиляционных процессов, о которой мы здесь говорим, а именно ассимиляции тех, кто сознает, что живет на земле другого народа, имеет ряд очень важных импликаций. Неоднократно отмечались две тенденции в восточноевропейском, в частности российском / советском, еврействе, проявившиеся в ходе Второй мировой войны. Одна — героизм и наличие воинской доблести у евреев, служивших в рядах Красной / Советской армии, в партизанском движении и движении Сопротивления в других странах, а также в еврейских вооруженных формированиях и в Армии обороны Израиля. Другая — почти полное отсутствие у евреев, оказавшихся под властью нацистских оккупантов, воли к силовому, вооруженному сопротивлению, так что героические эпизоды, такие, как восстание в Варшавском гетто, оказывались исключением, а не правилом.

Ключевым фактором с точки зрения развиваемого здесь взгляда оказывалась идентификация с землей. Принятие российской или иной земли как своей присоединяло евреев к русским и прочим народам, ощущавшим безусловную правоту в войне с армией оккупантов, и позволяло биться с ней во всю силу. При отсутствии такой идентификации происходило столь удивлявшее внешних наблюдателей принятие евреями, согнанными в гетто или лагеря, германской оккупационной администрации как легитимной власти и подчинение ей без сопротивления даже при сознании фатальности ее действий для евреев.

Процесс ассимиляции — это комбинация импульсов инклюзии и эксклюзии. Они в сво-

¹ Взаимоотношения евреев с другими народами и народностями в РФ ввиду своей специфики в этой статье не рассматриваются.

² О евреях русские редко говорят как о «народе», если и употребляется обобщающее понятие, то чаще всего это «нация», иногда еще «племя», «семья» и другие обозначения, также связывающие обозначаемую общность с некими природными, прирожденными началами и качествами. Но пространственного измерения в этих обозначениях нет.

³ То, что здесь и далее говорится о соотнесении себя как «народа» со своей «землей», вероятно, в схожей степени было характерно и для других народов Европы, на чьей земле в силу тех или иных причин селились, компактно или дисперсно, евреи. Возможно, что на других континентах тема «своей земли» имела для исконного населения другое значение.

⁴ Были и другие пространственные аспекты дискриминации евреев, точнее иудеев, в Российской империи. Законодательно была оговорена дистанция (100 сажень), на которой могла располагаться синагога относительно православного храма на той же улице. См.: *Пирожкова И.* Нормативное регулирование культового строительства в Российской империи // Вестник ТГУ. Вып. 1 (81). 2010.

их формах существуют и на стороне-гегемоне, и на подчиненной стороне. Дело начинается с появления евреев на землях, которые русские (а также поляки, литовцы, украинцы, молдаване и др.) считали своими; будем называть это моментом инклюзии. Возникающие настроения вражды по отношению к пришельцам, желание вытеснить их из собственного социального пространства или не дать им туда доступ — это моменты эксклюзии. Инклюзия может быть осознаваемой, иметь формы гостеприимства, дружбы, мирного сожительства либо готовности (до поры) вынужденно терпеть, проявлять толерантность. Другой, более актуальный для нынешней ситуации в РФ вариант, — инклюзия в форме индифферентности, безразличия к тому, что соседи — евреи, или утрата внимания к дифференцирующим признакам вроде внешности, бытовых манер. Этот ряд завершает признание, что выделить, узнать евреев теперь невозможно, *они теперь неотличимы от нас*. Инклюзия состоит в том, что евреи считаются проникшими в *нашу* среду, они там пребывают, но их увидеть, опознать теперь невозможно. Сохраняют ли они при этом то, что с точки зрения русских считается еврейством? На этот вопрос чаще отвечают, что сохраняют, *в глубине души сохраняют*.

Это, как нетрудно видеть, классическая картина процесса ассимиляции, как она видится со стороны гегемона. Стоит отметить, что в одном ключевом пункте взгляды со стороны гегемона и со стороны меньшинства хотя бы формально совпадают. В сущности, это вопрос о еврейской идентичности на этапе, когда ассимиляция достигла высоких степеней.

В ходе исследований мы выясняли, что именно является отличительными признаками еврея в тех случаях, когда такие признаки, как внешность, речь, манеры уже не отличаются от большинства. Ответы евреев и не-евреев (в том числе антисемитов) практически совпадали. И те, и другие указывали на нечто заведомо присутствующее, но трудно различимое или — это особо интересно — не поддающееся ни выявлению, ни точному обозначению. Для этого свойства евреев лучшее название, по сути тавтология, — «еврейство».

Попытки его определить в рациональных терминах сводятся к словам: «еврейский ум¹», «еврейская хитрость», «умение приспособляться», «изворотливость». Часто указывают на социальный момент — «держатся друг за друга».

¹ Синонимы — склонность к иронии, чувство юмора или, наоборот, печаль и пр.

Но за этим все равно стоит признание некоей мистической сущности, которая, по господствующему мнению, остается, даже если названных признаков нет. По одной версии, она вообще неистребима и передается с «кровью», в каких бы долях эта «кровь» в человеке ни присутствовала. Ее готовы усмотреть у вполне секуляризованных евреев, а также у крещеных. Важно, что, по мнению «соблюдающих» евреев, «еврейство» исчезает, если еврей принимает «чужую» веру, а по мнению русских, в особенности тех, кто к евреям относится с неприязнью, оно не исчезает и при переходе в иную конфессию. *Выкрестам еще меньше веры*, говорят они.

Для участия в исследовании отбирались люди, которые на этом этапе на вопрос о национальной принадлежности отвечали, что относятся к евреям. Далее в ходе групповых дискуссий каждому из них предлагалось ответить на заданный в разговорной форме вопрос: «Почему ты еврей?». Формулировка вопроса, как видим, в свернутой форме содержала требование предъявить основания своей идентичности как евреев.

Вопрос задавался каждому из участников групповой дискуссии по отдельности, однако это происходило именно в рамках групповой дискуссии. В силу этого каждый из отвечающих в известной мере соотносил свой ответ с прозвучавшими или предполагаемыми ответами других. За счет этого полученные ответы — и каждый в отдельности, и в совокупности — можно считать выражением коллективного мнения группы. Совокупность ответов нескольких групп будем трактовать как общественное мнение данной социальной категории, а именно российского еврейства.

Двумя главными основаниями для самоидентификации евреев оказались родство («кровь») и самоощущение или самоотнесение. Часть респондентов, отвечая на приведенный выше вопрос, указывали:

— *Потому что у меня и родители, и бабушки, и дедушки евреи.*

— *А кто же я еще? У меня все евреи.*

Многие не «чистокровные» объясняли:

— *У меня мать еврейка.*

— *По Галахе я как раз еврей, мать моя еврейка.*

Часть ссылались на родство во втором поколении по материнской линии:

— *Наша бабушка была еврейкой, поэтому считаю себя евреем.*

У некоторых родство по отцовству:

— *Отец мой был еврей. Женился на русской. Я считаю себя евреем. И Израиль признает.*

Другой тип ответов имел в виду самоощущение, идентичность как переживание:

— *Почему я еврей? Чувствую себя евреем.*

— *У меня все мироощущение такое.*

— *Считаю себя евреем. И всё!*

Частым был ответ, соединяющий родство и самоотнесение:

— *Чувствую себя евреем, у меня все родители и предки...*

— *Мама — еврейка, поэтому могу себя чувствовать тоже.*

В части ответов звучала важная для данного исследования тема времени. А именно некоторые считали важным подчеркнуть, что всегда считали себя евреями:

— *Так с детства знал, что я еврей.*

— *Мне еще в детском саду объяснили, как следует, что я жид. Так что все в порядке у меня.*

— *Ну, вся семья еврейская, потому куда деваться, сколько себя помню.*

Отметим присутствие здесь косвенных указаний на то, что не все ныне относящие себя к евреям относили себя к ним и раньше.

Главный рубеж ассимиляции

Ассимиляция — процесс двусторонний, перемены переживает не только ассимилируемый этнос, но и ассимилирующий. Ассимиляция — один из вариантов культурного контакта, культурного обмена. Наиболее заметны при этом заимствования, которые принимает ассимилируемый народ у объемлющего его большинства. Но и большинство также заимствует у принимаемого меньшинства те или иные культурные элементы. Так, в русский язык (часто через одесский воровской жаргон) вошли и стали русскими словами некоторые выражения из языка идиш. Но гораздо важнее другое: российское массовое сознание приняло к сведению и пометило как «еврейские» определенные типы поведения, дискурсивные практики и мировоззренческие установки. Значительная часть ассимиляционного процесса имеет форму конфликта этносов. Конфликты, в свою очередь, могут иметь формы хронические и острые, взрывные. Практика антисемитизма на территории Российской империи усугубляла культурную изолированность, а потому самобытность евреев, компактно проживавших в черте оседлости. Ассимиляция касалась отдельных индивидов, которые по тем или иным причинам покидали еврейскую среду и начинали существование в среде русских. Однако после «раскрытия» еврейских анклавов процесс ассимиляции захватил все

еврейское население. С этого момента антисемитизм, проявляемый русским (украинским и др.) большинством, стал важным фактором ассимиляционных процессов. Экспессы — погромы в конце XIX и начале XX в. — имели множественные последствия. Главные — бегство, эмиграция / репатриация евреев. Но для остающихся агрессия, издевательство, высмеивание определенных черт, символических элементов образа еврея вели к ускоренному отказу от них, их вымыванию из этого образа. В стремлении сократить отличие от доминантного этноса выходящее из местечек российское еврейство от поколения к поколению отказывалось от таких базовых составляющих своей культуры, как язык, религия, бытовые традиции, манеры одеваться, устный и музыкальный фольклор.

Критический рубеж

Процесс ассимиляции евреев в России прошел один важнейший рубеж: евреи потеряли статус и качество народа. На этом следует остановиться подробнее. Еврейское население штетлов, местечек на территории юга России, нынешней Украины, Польши, Молдавии, Литвы имело большинство конститутивных черт народа (нации, этноса). Это были люди со своим языком, религией, традициями и обычаями, они проживали компактно, образуя этнически однородную среду в пределах местечек. Погромы¹, которые учинялись со стороны доминирующих этносов в ходе Гражданской войны, различались по форме от поголовного истребления еврейского населения, но без грабежей, до тотальных разграблений, но без значительного числа убийств. Превалировала же соединенная версия — массовые убийства с уничтожением главных средств к жизни, жилья, запасов. Особо следует отметить варианты, включающие полное уничтожение огнем еврейских местечек с запахиванием почвы на том месте, где они располагались.

Неоднократно отмечалось, что в ходе Гражданской войны погромы учинялись всеми участвовавшими в ней политическими силами: белыми, красными, зелеными и пр. Во всех случаях их командование или начальство вело себя двойственно, и запрещая погромные действия со стороны «масс», и давая возможность им совершиться.

¹ Книга погромов. Погромы на Украине, в Белоруссии и европейской части России в период Гражданской войны 1918–1922 гг. // Сб. документов / Отв. ред. Л.Б. Милькова. М.: РОССПЕН. 2007.

Свидетельства, воспоминания и попытки анализа, понимания происходящего указывают на несколько существенных черт процесса. Что касается психологического состояния погромщиков, оно часто описывается как паранормальное. Иногда говорят о бесчеловечной механистичности, но более часто свидетели и участники говорят об «озверении» солдат или членов вооруженных банд. Разговорный штамп точно указывает на дочеловеческий характер эмоционального состояния погромщиков. О том же говорят замечания насчет «опьянения кровью», «опьянения убийством». Есть признания участников в том, что они с содроганием вспоминают, что они творили в ходе погрома. Так или иначе, отмечалась бесчеловечная природа деяний. Наряду с этим, как сказано, погромы представляли собой целе-рациональные или хотя бы ценностно-рациональные действия.

Многочисленны объяснения причины погромов — от психологических до политических и экономических. Но наиболее ясным нам кажется мотив, который открыто провозглашали сами погромщики: «Бей жидов!». Они хотели, жаждали уничтожения евреев как народа. Этого достигали и физическим истреблением представителей данного народа, и тем, что, оставляя часть евреев в живых, их лишали возможности продолжать существовать как народ, в частности проживать совместно на земле, пусть временно, но считавшейся принадлежащей им. Именно ради этой цели местечки уничтожали как места проживания. В том числе символически, чему служил упомянутый ритуал запахивания.

Уничтожение народа точнее всего описывается словом «геноцид». В предисловии к «Книге погромов» ее составитель приводит мнение, что погромы времен Гражданской войны в России и на Украине были предшественниками Холокоста¹. Мы полагаем, что действительно есть ряд моментов, в которых эти процессы совпадают, но есть ряд отличий. Совпадение в том, что и погромы, и акции, получившие потом имя «Шоа», «Холокост», имели в виду уничтожение евреев. Холокост как цепь спланированных и организованных действий имел заявленную цель — физическое уничтожение евреев. Этим должен был бы решиться вопрос и об уничтожении евреев как народа — там, где евреи жили как народ. Но нацистская бюрократия оформила этот процесс уничтожения народа как процесс поиска и уничтожения в том числе евреев, уже не живущих как народ,

¹ Указ. соч. С. XV.

отделившихся от еврейского народа в процессе ассимиляции к германскому и другим этносам-гегемонам².

Частично или глубоко ассимилированное еврейство было объектом погромов в больших городах Российской империи в конце XIX — начале XX в. Погромы времен Гражданской войны имели объектом местечки — зоны минимальной на тот момент ассимиляции. Важным отличием этих погромов от акций Холокоста был стихийный характер первых и бюрократически-организованный характер вторых. (Известно, что в некоторых регионах местные силы самостоятельно и часто в стихийных формах начинали насильственные действия против евреев, но их удельный вес во всем процессе был мал. Основное было сделано по централизованно разработанным планам и приказам.) Холокост был оформленным в виде рационального бюрократического плана и государственной политики процессом, который ранее выразился в рассматриваемых здесь погромах.

Что же это за процесс? Он назван стихийным, назван геноцидом. И то, и другое — недостаточные определения, они не позволяют понять, почему некие неконтролируемые со стороны рации (стихийные) действия имеют целью уничтожение некоего народа. Мера «сознательности» участников была разной. Так, Житомирский и Проскуровский погромы были совершены под лозунгами построения «национального государства», для которого присутствие евреев считалось препятствием³. В других случаях идеологическая составляющая была слабой. Участники просто были убеждены, что евреев надо уничтожить или изгнать.

Процесс ассимиляции, каким он выглядит со стороны ассимилирующего большинства, — это процесс направленный. Он начинается с проникновения некоторого меньшинства внутрь социального пространства, которое большинство считает своим и имеет конечным результатом устранение этой интрузии. Устранение может иметь формы физического истребления, изгнания вторгшихся, а может состояться ввиду исчезновения их отличий, которые для большинства считаются значимыми.

² В работах специалистов «Левада-центра», в частности Л. Гудкова, подробно обсуждается различие характера антисемитизма, направленного в адрес «традиционных евреев» из местечек и в адрес живущих в крупных центрах высокоассимилированных представителей еврейской интеллигенции. См., напр., указанную статью в «Вестнике общественного мнения...». № 1–2. 2016.

³ Книга погромов // С. 47.

Социум и популяция

Теперь пора обозначить социальное состояние того субъекта, который мы именовали большинством или гегемоном. Эти определения указывают на его роль в отношении ассимилируемого меньшинства. Нам же сейчас необходимо обратить внимание на то его качественное состояние, при котором возможны подобные коллективные реакции на возникшую ситуацию. Подобные реакции нам известны под названием ксенофобии, эксклюзии, дискриминации, расизма, шовинизма, наконец, погрома. Их общей особенностью является их единообразие у разных субъектов, синхронность либо иная организованность при отсутствии специальных регулирующих или управляющих инстанций. (Проявление таких реакций при наличии их инициаторов, вожаков, организаторов, в том числе в массмедиа, также широко распространено, но для понимания их механизмов интересно рассмотреть случаи, когда множество людей реагируют единообразно без того, чтобы ими кто-то командовал или управлял.)

Не будем сейчас говорить про негативное отношение к внешним врагам, находящимся вне «нашего» пространства. В случае же появления чужих во внутреннем пространстве срабатывают, мы полагаем, системы организации коллективных действий, которые существуют у таких социальных образований, как популяции. Популяции живых существ отличаются такой формой организации, которая выражается в ориентации всех особей друг на друга без дифференциации. В осуществлении своего поведения они одинаковы. Они руководствуются едиными и одинаковыми импульсами. Эти импульсы связаны с защитой популяцией своей целостности, часто своего пространства. Системы ориентации друг на друга, виды коллективных страхов и коллективных стремлений, которые руководят коллективным поведением, заложены на глубоком, докультурном, уровне. Поэтому они не регулируются системами социального контроля, выработанными на более высоких ступенях общественной организации. Эти драйверы мощны, их импульсы переживаются и ощущаются людьми очень сильно, они понудительны ввиду своей коллективной природы. Не подлежа социальному контролю, они не подлежат и рефлексии, объяснению. Люди ненавидят чужаков, потому что они чужаки — и всё. Все иные объяснения будут рационализацией, они будут располагаться на других уровнях. Дело может дойти и до теологически обосновываемых практик экстерминации, до

«научных» теорий о расах и научно разработанных методик истребления тех, кто признан враждебной силой. А в своей непосредственной первичной форме эти драйверы при стечении некоторых условий могут руководить стаей, толпой, шайкой или отрядом, идущими громить. Почему надо этих громить? Потому что их не должно здесь (на нашей земле) быть.

Если говорить не про вообще популяции, а про популяции именно людей, такого рода поведение имеет место не всегда. Эти древние, глубоко залегающие программы коллективного действия, как и многие другие «природные» влечения, в основном вытеснены, подавлены более новыми слоями культуры. Далее с ними происходит то, что и с прочими процессами такого же залегания: они изредка прорываются в своей первобытной форме (тогда и говорят о «звериной» жестокости, «зоологическом» антисемитизме и пр.), мотивируют так называемый бытовой антисемитизм, проступают в шутках и обмолвках, просачиваются то в искусство, то в государственную политику. Если в силу каких-то социальных обвалов рушится цивилизационная нормативно-ценностная и институциональная надстройка, этим доцивилизационным силам легче вырваться наружу.

Российское еврейство сполна испытало на себе чуть ли не все открытые формы этого процесса. Было и «бей жидов!», и борьба с «безродными космополитами» и «международным сионизмом». Но главное, что с ним произошло, — это вынужденное социальное переформатирование. Евреи в России были народом. Совокупный эффект погромов и Холокоста, войн и государственной политики привел к тому, что выжившие после Второй мировой войны евреи народом, даже «народом рассеяния» уже не являлись. Не стало языка, религии, совместного компактного проживания, традиций. Ассимиляция совершила не последний, но огромный шаг.

Вопрос большой теоретической и практической важности: каким социологическим термином теперь обозначить ту общность, которая на бытовом и литературном языке продолжает называться «российским еврейством»? Слово «племя» использовалось в XIX в., но теперь оно не в ходу. Как мы показали, это не народ и не народность, не нация, не национальность, не национальная группа — конституэнтной нации нет. Вряд ли годятся понятия «этнос», «субэтнос», «этническая группа»: слишком мало этнического в том, что отличает евреев от российского большинства. Обозначение «мень-

шинство» указывает только на статус относительно некоего большинства.

При этом мы знаем, и наши собственные исследования показывают, что очень многие из живущих в России евреев считают или стали считать себя принадлежащими к «еврейскому народу», а окружение считает их «нацией». Мы видим, что вступаем в противоречие с существовавшей нормой считать слово «еврей» обозначением «национальности» в паспорте, анкетах, а также с продолжающей существовать соответствующей учетной статьей в переписях и издаваемых на их основе справочниках, имеющих характер официальных документов. Закрепленное в Конституции присутствие Еврейской автономной области как субъекта Российской Федерации также предполагает наличие соответствующего национального субъекта.

Наши намерения состоят не в том, чтобы отказать российским евреям в праве считать себя тем народом, с которым был заключен Завет. Наши соображения обращены не к евреям как отдельным лицам или как к сообществу, они адресованы антропологам, социологам, демографам как представителям их профессий и имеют в виду, что еврейство как феномен продолжает существовать в российском обществе, в его наличии уверены не только те, кто считают себя русскими, но и те, кто считают себя евреями. Долг специалистов — воздать должное этому типу общности, играющему заметную роль в различных сферах жизни именно благодаря особым характеристикам, не схватываемым обычными определениями «народ», «нация» и др.

Вопрос о социологической квалификации этого явления нам придется оставить открытым. Ограничимся тем, что перечислим некоторые общие признаки современного диасфорического еврейства. Это категория населения разных стран мира, состоящая из людей, которые строят свою идентичность — единственную, главную или одну из нескольких — на том, что полагают себя связанными кровнородственными отношениями с народом, некогда проживавшим в Палестине / Израиле, имевшим там свою веру, язык, государственность, но несправедливо изгнанным, в своем изгнании и рассеянии среди иных народов подвергающимся преследованиям, но ныне туда вернувшимся. Полагаемая общность судеб еврейства соединяется с полагаемой ими и окружением особостью душевных и умственных качеств, что ставит их на положение и осо-

бо гонимых, и особо преуспевающих в странах их пребывания.

Пребывающие в рассеянии евреи в разных странах находятся на разных ступенях процесса ассимиляции, утраты связей и слияния с местным социумом, как и на разных ступенях сохранения, восстановления и развития своей общности и культурно-социальной обособленности¹.

Эффект эха

Современное еврейство России представляет себя как результат нескольких совершившихся и совершающихся исторических процессов.

Как показали проведенные нами групповые дискуссии и индивидуальные интервью с теми, кто относит себя к евреям, у них практически нет воспоминаний насчет того, когда и как евреи появились в России и на Украине. Есть нечеткие представления о черте оседлости и жизни в местечках. Как ни странно, и описанные выше погромы, и геноцид времен Гражданской войны слабо присутствуют в памяти. Больше (но достаточно смутно) помнятся городские погромы конца XIX — начала XX в. Достаточно слаба память о Холокосте. Более отчетлива, но все равно заглушена, память о разгуле антисемитизма после войны.

Это прямое отражение того, что подобные темы были исключены из публичного дискурса, но также вытеснены из семейных преданий. Процесс ассимиляции включает такой важнейший для формирования идентичности момент, как обрыв в трансляции семейной и родовой памяти. Существовавший политический запрет на письменное и устное обсуждение этих сюжетов реализовывался не только в виде отсутствия таковых в публичной дискуссии, в школьных программах и сюжетах литературы, искусства и СМИ. Он вел к тому, что евреи старших поколений не рассказывали собственным детям и внукам о том, что пережили они или их родственники именно в качестве евреев. *Об этом было лучше не говорить. И не говорили.*

Процесс ассимиляции в конце XIX — начале XX в., как мы отмечали, развивался преимущественно среди части еврейства, вырвавшейся из мест компактного проживания и попавшего в среду больших городов Российской империи.

¹ Часть из сказанного относится и к евреям, проживающим постоянно в Израиле. Но характер и сложность связей внутри населения этой страны радикально отличаются от таковых внутри евреев рассеяния, поэтому кажется методически правильным включать Израиль в эту картину как предмет референции для евреев рассеяния, а не как одну из частей этой категории.

Среди этих относительно немногочисленных групп чрезвычайно интенсивно и быстро возникали и сменяли друг друга волны. Одной была волна собственно ассимиляции как осознанного и ценностно обоснованного процесса отказа от еврейской традиции, веры, языка, бытовых обычаев в пользу тех, которые считались общечеловеческими, общероссийскими или русскими (польскими, украинскими, литовскими и пр.). Подчеркнем, отказ от еврейства рассматривался как долг и доблесть еврейства же. Тогда была заложена фигура сознания, воспитания и поведения, сохранившаяся в российском еврействе до нынешнего времени. Такой еврей получает тем больше авторитета среди подобных ему евреев, чем сильнее он отказывается от черт, считающихся еврейскими, и чем больше обретает черт большинства — становится «настоящим» москвичом, ленинградцем, советским человеком, т.е. россиянином. Быть в большей степени русским, чем русские, быть в меньшей степени евреем, чем евреи, это могло расцениваться среди таких евреев как высшее достижение именно еврея.

Вообще-то это заурядная черта процессов ассимиляции, развивавшихся среди многих этнических групп в зонах интенсивного контакта, например в столицах империй, в городах формирующегося американского или австралийского обществ. Специфичным вариантом для евреев была выработка, на базе некоторых принципов иудаизма и раввинистической традиции в соединении с некоторыми догмами христианства, универалистских взглядов и принципов, которые ложились в основу идеологий и политических доктрин, вроде социализма и коммунизма, равно как и в основу бытовой этики и практики. Ими ценностно обосновывался отказ от традиций, черт, манер, помеченных как собственно еврейские, т.е. узконациональные / вероисповедные, в пользу предельно широких, помеченных как «общечеловеческие», «общенародные» или «классовые» («пролетарские»).

В этих же городских еврейских элитах (элитах относительно еврейства, остающегося в местечках) на смену волнам ассимиляции приходили волны возрождения собственной национальной и (или) вероисповедной идентичности. Возникали идеи развития и освобождения еврейского народа как одного из народов Российской империи и (или) освобожденного человечества. Рядом формировались идеи сионизма с его обоснованием прав евреев на восстановление своей автономии и государ-

ственности то ли на равных правах с другими народами, то ли на преимущественных правах несправедливо дискриминированного, то ли на исключительных правах избранного народа. Элементы и продолжения этих идей присутствуют в сознании современного российского еврейства, это показали различные исследования, включая те, в которых принимал участие и автор.

Алия и эмиграция

Для российского / советского еврейства на смену трагическим событиям Катастрофы и мировой войны, а также антисемитских кампаний конца 1940-х гг. пришла не трагическая, но драматическая эпоха отъездов.

Как показывали наши исследования, актуальные представления евреев сегодня в качестве главных событий собственно еврейского прошлого держат именно отъезды. Эти воспоминания включают одновременно и резко наполнившееся содержанием представление об Израиле как о доме — для одних, и воображение евреев гражданами мира — для других. Вспоминают, как в рамках СССР / России евреи вдруг ощутили свою особость. Только они имели возможность иметь надежду вырваться за железный занавес, получить свободу. Эти же воспоминания могут включать резко обострившиеся отношения со страной, которую ранее были готовы считать своей Родиной. Угрозы антисемитских проявлений, отказов, репрессий в адрес протестовавших против отказов вошли в повседневность отъезжающих и собравшихся уезжать. Драматические разрывы дружеских, соседских, коллегиальных связей, утрата привычных мест работы — все это касалось не только уехавших, но так или иначе отражалось и на оставшихся. И они это живо помнят.

Заметим, что в логике популяции-гегемона отъезд евреев, т.е. избавление от них, совпадал с целями ассимиляции, которые, как было указано, предполагали исчезновение внедрившегося чуждого элемента или за счет того, что он переставал быть чуждым, или просто переставал быть. Последнее достигалось либо уничтожением, либо изгнанием, либо, как в описываемом случае, непрепятствованием бегству.

Убытие евреев, проживавших несколько столетий в России и сопредельных странах, как отмечают историки, каждый раз активизировалось в основном после подъемов антисемитизма. Отъезд, диктуемый только желанием вернуться на историческую родину, не был статистически главной причиной. Иными сло-

вами, кроме фактора притяжения действовал — и более мощно — фактор выталкивания.

Надо отметить, что идеология отъезда, алии, в условиях советской жизни подключала массы советских евреев к универсалистским общегуманитарным целям борьбы за свободу, против советского репрессивного политического режима. Она объединяла их с диссидентским движением на воле, а попавших в места заключения ставила в один ряд с репрессированными сторонниками свободы и независимости других народов и народностей СССР (в советской терминологии — националистами). Это — звено ассимиляции.

С другой стороны, политика советского руководства, решившего выпускать евреев, но только их, делала их советским «избранным народом», ставила евреев в исключительное положение, что на каком-то шаге отдаляло их от вышеназванных союзников, подрывало основы универсализма в их мировоззрении¹. В ряде случаев это было проявлением начавшихся тенденций диссимляции, т.е. восстановления или формирования заново еврейской самобытности, укрепления еврейской идентичности.

Советское руководство, пойдя на то, чтобы разрешить выезд евреев, не готово было объявить это открыто. Вероятно, оно опасалось, что это будет выглядеть капитуляцией перед «сионистами» и перед Западом, поддерживающим их требования, а также признанием того факта, что многие советские люди не хотят жить при советском режиме. Ввести свободу выезда из страны как общую норму оно не собиралось, нужна была частная причина для разрешения на выезд каждого отъезжающего. Поэтому выдача разрешений на выезд на ПМЖ за рубеж оформлялась как гуманитарный шаг: они выдавались каждый раз в ответ на вызов со стороны проживающих в Израиле родственников. Это соответствовало международной гуманитарной норме — способствовать воссоединению семей. Правило продолжало действовать, хотя всем участникам процесса было известно, что в значительной части случаев предоставляемые в вывозах сведения о родстве — фиктивные.

Процесс ассимиляции, принявший в том числе форму избавления популяции-гегемона от (части) меньшинства-помехи, оказал суще-

ственное влияние и на эту доминантную популяцию. Следом за евреями стали требовать право на репатриацию российские немцы — и они его получили. В железном занавесе появилась брешь. Исподволь готовились перемены, которые лавиной обрушились на советскую систему в конце 1980-х. Именно свобода бежать из-под советской власти (в ее восточноевропейских вариациях) была первой свободой, вырванной у советского режима, державшего под своим диктатом народы СССР и социалистического лагеря. Время показало, что та форма контроля гегемона над пространством, которую пошатнул отъезд еврейского меньшинства, была ключевой для политического устройства гегемона. Ее начальная эрозия, каковой была алия советских евреев, в кратчайшие по историческим меркам сроки привела к разрушению всего политического целого.

Внутреннее время ассимиляции

Некоторые респонденты в более или менее открытой форме сообщали, что пришли к еврейству не сразу:

— *Вышел в отставку, стал книги читать, в синагогу заходить, понял, что я еврей.*

— *Почему? Ну потому, что с возрастом пришло понимание, кто ты есть. Не сразу...*

— *Теперь знаю, что еврейка я. Раньше как-то не думалось так. Папа же русский, ну и я, наверное.*

— *Был никакой, теперь вижу, что я еврей.*

— *Когда женились — она выходила за меня как за татарина, я за нее как за русскую. Нам и в голову не приходило. Только потом-потом обнаружили в себе это. И она, и я.*

— *Он с возрастом понял для себя, что он еврей, и всё. Ему все равно, обрезан он, не обрезан, соблюдает он, не соблюдает.*

Исследование позволяет предположить, что в этом «приходе к еврейству», обретении еврейской идентичности не с рождения, а в более поздние сроки имели значение три фактора.

Толерантная среда

Первым и, видимо, наиболее значимым было формирование толерантной к еврейству общественно-политической атмосферы в РФ.

Об этой атмосфере высказывались и сдержанно, и экзальтированно:

— *Ну, сейчас ведь нет такого антисемитизма — государственного. Только бытовой кое-где. Люди перестали бояться себя обозначить.*

— *О Путине одно можно сказать: он почему-то не антисемит. И от этого всё.*

¹ Впрочем, существовали в еврейском движении за свободу выезда евреев в Израиль или иную страну и те, кто настаивал на праве свободы выезда / въезда для всех граждан Советского Союза, или кто, как, например, Н. Щаранский, ставил это как вопрос о свободах и правах человека как таковых, т.е. о требованиях, предъявляемых любому государству мира.

— *Слушайте, ну так вообще никогда не было. Ханука в Кремле! Я даже думаю: это слишком. Добром не кончится. Но евреи пока пользуются, и правильно.*

Для части молодых людей нынешняя атмосфера (отсутствие антисемитизма как темы) представляется нормальной, в ней нет ничего примечательного. Они говорят:

— *Евреем быть модно сейчас.*

— *Это стало модно. В евреи стараются записаться. Ищут среди бабок-прабабок. Или просто выдумывают.*

— *Мне это (быть евреем) уже нравится.*

Объясняют, что быть евреем сейчас — это выгодно, дает преимущества:

— *На данный момент сейчас, если учесть, что есть много разных программ для молодежи, именно молодежь считает, что быть евреем круто, потому что это много возможностей. Это просто туча различных возможностей. Начиная от трудоустройства, заканчивая путешествиями.*

— *Я ехал в Москву, у всех проверяли документы. У меня было направление раввина к главному раввину России. Единственный человек, кому откозырял этот милиционер, — это был я. Сейчас, получается, евреем быть выгодно. Тебя не трогают.*

— *Даже если подаешь на визу в США, больше вариантов получить положительный ответ, если ты как-то связан с еврейской организацией, нежели просто так, как обычный человек.*

Существенно при этом, что ослабление или уход антисемитизма как государственной политики России многие, если не все, считают событием исключительным, случайным, а не закономерным; временным, а не навсегда. Состояния эйфории среди еврейства наше исследование не выявило.

Израиль как фактор

Как мы уже отмечали, векторы процессов в российской еврейской ассимилирующейся элите в конце XIX — начале XX в. воспроизвелись через полвека, в другой эпохе, в виде процессов, охвативших все еврейство СССР / России. Одной из важнейших тенденций, обнаруживших себя в это время, а затем ставшей мощным процессом в конце XX в., был реверс процессов ассимиляции в сторону формирования новой еврейской идентичности на базе воссоздания нациеобразующих начал: религии, традиции, языка и связи с собственной землей. Среди евреев стало распространяться стремление изучать историю собственного народа, соблюдать требования традиции, изучать иудаизм

и язык иврит. Резко возрос интерес к Израилю¹. Для большинства включившихся в этот процесс это были подготовительные шаги к репатриации. Однако и среди тех, кто не собирался или пока не собрался отъезжать в Израиль, это было способом построения новой идентичности с резко повышенным еврейским самосознанием.

Существенной частью ситуации было установление дружественных отношений России с Израилем. Исследования «Левада-центра» среди населения РФ в целом показали, что политическая установка руководства страны на позитивные отношения с Израилем принята массовым сознанием. Прежние антиизраильские позиции СССР вместе с их политико-идеологическими обоснованиями в массовой памяти оттеснены и заблокированы, в актуальном дискурсе их нет.

Положительное отношение широкой российской публики к Израилю возможно из-за того, что Израиль воспринимается не как исключительно еврейское государство, но и как «просто страна», один из плюсов которой в том, что там многие понимают по-русски. Это культурная и успешная страна с хорошей медициной и со множеством привлекательных для туризма моментов, в первую очередь это безвизовый въезд.

Для российских евреев Израиль предстает в иных качествах, но массовое невраждебное, а то и позитивное отношение к Израилю российского большинства облегчает построение собственных отношений с ним как темой. Для евреев возникает возможность гордиться успехами Израиля в различных сферах. А то, что это можно делать не вопреки государственной политике и пропаганде, как было в СССР, безусловно, способствует развитию еврейской идентичности, при этом не в ее традиционных форматах противопоставления себя окружению, что является спецификой данного периода.

Реверс ассимиляции

Процесс обращения к еврейским основам охватил два разных контингента. Первый — взрослые люди, прошедшие и первичную, и вторичную социализации как «обычные советские люди». Еврейство было для них, так

¹ Первый скачок интереса российских / советских евреев к Израилю, переживание возникшей эмоциональной связи с ним приходится на 1948 г., второй — на 1967 г. Впечатляющая военная победа в Шестидневной войне переломила часть ассимиляционных тенденций в советском еврействе, заключавшихся в ироническом отношении к Израилю и его армии.

сказать, легирующей добавкой к этому воспитанию. Сознание таким евреем своей инаковости (часто неизвестно в чем заключающейся) создавало тот уровень минимальной маргинальности, ту небольшую дистанцию от всеобщей (для его окружения) нормы, которые оборачивались повышенным уровнем проницательности, продуктивности, приспособляемости или иных достижений на общем для его окружения поприще. Теперь же они стали интенсивно углублять свое отличие от большинства, интенсифицировать свое общение с такими же, как они, присоединяться к еврейской общине при синагоге.

Второй контингент — дети, подростки, молодые люди, которые приобщаются к еврейской традиции уже на ранних этапах социализации. Оптика этих людей радикально отличается от оптики их родителей. Родители — советские или постсоветские евреи, даже если они глубоко погружаются в «еврейскую жизнь» — смотрят на нее изнутри своего российского «я». Молодые смотрят изнутри «я» еврейского.

Таким образом, изменение общественной атмосферы в РФ в отношении еврейства для многих лиц, в начале жизни стремившихся скрыть от других, а в ряде случаев и от себя свою принадлежность к еврейству, послужило сигналом для выработки нового отношения к своему национально-культурному определению.

Другим вариантом можно считать изменение собственной жизненной ситуации. Это может быть косвенно связано с макропроцессами в обществе и мире. Один из частых поводов — отъезд детей в Израиль. В других случаях поводом для обретения еврейской идентичности бывали события в личной биографии, зачастую это выход в отставку, на пенсию, т.е. уход из-под плотного социального контроля.

Можно обобщить эти случаи таким понятием, как обретение свободы. Именно в силу этого еврейское движение сперва за свободу выезда, а далее за свободу проявления собственной идентичности, в общем совпадает с вектором движения определенных слоев российского общества, стремящихся расширить пространство личной и общественной свободы в России. Лишь те, кто стремится как можно более полно или полностью погрузить себя в иудейскую традицию и религиозную жизнь (оставаясь при этом в России), обособляются от светских проблем политического и социального характера.

Три типа ассимилированных

Исследования «Левада-центра» позволяют наметить условную классификацию еврейских

типов в России в зависимости от наличного уровня ассимиляции / диссимиляции. Будем считать, что для современного российского еврейства актуальны в той или иной степени:

1. Специфические (партикулярные) еврейские ценности и выражающие их символы.
2. Универсалистские общечеловеческие ценности и соответствующие символы.
3. Специфические (партикулярные) российские / русские ценности и выражающие их символы.

Идеальных типов, для которых существует только одна из названных ориентаций, в реальности мы не находим. Все известные выступают как соотношение этих трех векторов.

Особенностью советского и постсоветского российского еврейства можно считать преимущественную ориентацию на универсалистские ценности (в советское время они могли выступать как советские или коммунистические и как своего рода имперские, если считать СССР империей). В настоящее время эта ориентация принимает формы общеевропейской, «международно-признанной». В пределах этой же ориентации к универсализму надо причислять ценности и символы точного знания (европейской) науки, технологии. Ориентация на эти ценности и была основной для секуляризованных евреев, стремившихся занять достойное место в советской / постсоветской жизни.

Но, как отмечено выше, единственной ориентации не может быть. Постсоветские евреи отличаются тем, каков соотносительный удельный вес ориентаций на «еврейское» и «русско-российское» как дополнение к «универсальному» / «общечеловеческому».

Процесс ассимиляции выражался (и продолжает выражаться) в умалении представленности символов еврейского в обиходе и практиках человека, семьи, группы в пользу элементов российского / русского. Диссимиляция, возвращение к еврейству — это изменение соотношения в противоположном направлении. В случаях, которые являются крайними, а потому показательными для тренда, люди делают еврейскую составляющую главной, subordinируя ей универсалистский компонент и максимально редуцируя российско-русский. Противоположная тенденция это акцентирование своей включенности в российскую / русскую культуру (высокую или низовую) и возможно более полное отречение от еврейской идентичности.

Обратим внимание, что на сегодня российское еврейство представлено теми, кто не

разотождествил себя с Россией, не покинул ее. Для большинства из них причины не уезжать были комплексными и частично имели бытовой, материальный характер, а частично были мировоззренческими и культурно-заданными. (Процессы ассимиляции в Европе или диссимляции в Израиле могут иметь еще более выраженный характер.)

Мода на еврейское

Что касается названных молодых людей, они, как мы отметили, смотрят на российскую жизнь изнутри «я» еврейского. Они учились в еврейской школе, им в той или иной степени знаком иврит. Еврейские традиции, запреты и предписания для них не повинность и не экзотика. Их отличие от таких же молодых людей из общин в Израиле или США заключается во второй, внешней культуре, в которую они также включены. В России их существенное отличие от сверстников не-евреев заключается в том, что они осведомлены о возможностях, которые им предоставляют различные организации, действующие из Израиля, а также международные еврейские организации. Они могут бесплатно совершить поездку в Израиль, пользоваться льготами, учиться в Израиле и т.д. Это повышает их статус в среде сверстников не-евреев. Само еврейство превращается в ценность не только для них, но и для окружающих. *Быть евреем сейчас модно* — это мы слышали не раз на наших групповых дискуссиях с молодыми россиянами. Стоит сравнить эту ситуацию с той, в которой находились евреи возраста их родителей, которые, если не становились объектом негативной дискриминации, должны были считать это большой удачей.

Последние 20 лет в России представляют российскому еврейству исключительными. Они не имеют подобия во всей его истории по уровню слабости, заглушенности антиеврейских проявлений и, наоборот, по уровню расцвета «еврейской жизни» как для евреев, так и в ее формах, обращенных ко всему прочему населению России.

Последнее можно также считать одним из звеньев процесса ассимиляции. Мы говорили, что ассимиляция предполагает в том числе перемены в состоянии ассимилирующего большинства. Оно реагирует различными способами на присутствие чужеродного элемента в своем пространстве. Один из способов состоит в том, чтобы понизить уровень чужеродности, перестать воспринимать принесенные меньшинством культурные / символические эле-

менты как чужие. Абиитуализация еврейского в публичной сфере российских городов происходила за последний век не раз.

Здесь значительна роль еврейских публичных фигур в массмедиа и искусстве. То, что воспринимается как их особый талант, является более высокими результатами и достижениями по тем шкалам, на которых их соизмеряют с представителями большинства, что может быть объяснено усердием, дисциплиной, целеустремленностью — качествами, которые воспитываются в результате острой конкуренции. Это необходимое, но недостаточное условие. Речь идет о том, что их взгляд и подход, смещенный на незначительный, но значимый угол относительно стандартного, позволяет им в культурных конструкциях (включая искусство и науку) открывать или конструировать из наличных культурных элементов комбинации, возможность которых не была никем замечена. Так возникают новые смыслы. Но результатом является не «еврейская наука», а европейская, не «еврейская поэзия» или «еврейская живопись», но русская. Феномен ассимиляции здесь очевидным образом является обоюдным.

Опыт говорит, что отмеченная мера маргинальности относительно материковой культуры и с ней связанная особость в подходе к ней, которая дает возможность конфигурировать новые смыслы, представляющие ценность и интерес для доминантного социума, свойственна представителям первых двух, иногда трех поколений, покинувших собственно еврейскую культурную среду и вошедших в среду европейской (в нашем случае — русской) культуры. Это они становятся знаменитыми учеными, бизнесменами, художниками, композиторами, исполнителями и другими звездами в не своей родовой еврейской культуре, а в ставшей для них недавно родной культуре окружающего большинства.

Элементы еврейского / иудейского наследия в сочетании с опытом той или иной меры / формы дискриминации создают названную меру маргинальности / оригинальности. Надо отметить, что сходный эффект наступает для второго-третьего поколений и у выходцев из иных этнических и конфессиональных сред. В России это люди с германскими или армянскими корнями, в Америке еще и с китайскими, корейскими. Повторим, что кажется важным найти определение для такого социального типа, чья связь с народом, из которого он вышел, важна, но также важна и связь с народом, к которому он теперь принадлежит. Простое

комбинирование этнонимов — «русский еврей» или «обрусевший немец» — достаточно для бытовых нужд. Для социологии и антропологии желателен концепт и выражающий его термин.

Продолжение ассимиляции в наши дни

Что касается процессов ассимиляции, то, как показало исследование, они не остановились. В небольших городах приходилось встречаться с представителями того типа, который отвечает на складывающуюся обстановку вокруг евреев и еврейского вопроса стремлением избежать муссирования еврейской темы вообще, в том числе и в применении к ним лично. Свою идентичность они определяют так: *россиянин, если хотите, российский еврей*. Они подчеркивают: *я не сионист, я интернационалист*. Они разделяют характерное для советских лет подозрительное и негативное отношение к Израилю как к *искусственно созданной стране*, к ивриту как к *искусственному языку*. Идиш для них — *жаргон*, они его не знают и не хотят знать. Их родной язык — русский, они гордятся безупречным знанием русского языка, русской культуры. На словесном уровне они бравируют своим отказом от еврейских традиций: *люблю свинину!* Но их еврейская гордость состоит в том, что они, будучи евреями, лучше, по их мнению, знают и понимают русскую культуру, чем рядовые русские люди. Таким образом, полного отказа от своего еврейства у них нет, но они говорят, что их дети уже не будут думать о себе как о евреях. Они говорят об этом без сожаления, имея в виду, что детям от этого будет жить легче, чем жило им самим.

На вопрос, что (какую страну) они считают своей родиной, большинство из них давали ответ — Россию. Иногда указывали «малую родину» — город (в России / СССР), где родились. Только в редких случаях вспоминали Израиль. Например, так: *Родина — Россия, а отечество — Израиль*.

Еврейский вопрос

При детальном обсуждении еврейской идентичности респондентам задавался вопрос: «Что такое еврейский вопрос?». Оказалось, что для очень многих, особенно молодых, это словосочетание незнакомо. В этом смысле можно говорить, что еврейского вопроса в современной России нет¹.

¹ В этом нет гарантии, что он снова не встанет. И. Ильф и Е. Петров в своем романе, написанном в 1931 г., вложили в уста одного из персонажей убедительную формулу: «Евреи есть, а вопроса нету». URL:

Некоторые респонденты пытались дать собственное толкование этому словосочетанию:

— *Я думаю, что это право, нет, не право, возможность для еврея быть...*

— *Евреем.*

— *...евреем в любом обществе, спокойно исповедовать свою религию, свои традиции или же не быть религиозным евреем и при этом оставаться частью светской еврейской общины. И жить свободно от общества, властей...*

— *Это право еврея быть евреем.*

— *Да, я думаю, да. Право еврея быть евреем.*

Такой ответ лишь подтверждает, что «еврейского вопроса» в его традиционном бытовании в современной России нет. Но он и не означает, что для евреев их существование в России представляется полностью непроблематичным:

— *Я думаю, что все евреи в голове так или иначе держат: «опасаться преследования».*

Тридцать лет назад

В исследовании задавались специальные вопросы, чтобы выяснить, как ощущаются и оцениваются перемены в еврейской жизни за последние 30 лет. С учетом целей данного исследования уделялось особое внимание тому, как воспринимают прошлое 30-летней давности по сравнению с современностью, как характеризуют этот тридцатилетний период:

— *Были моменты, когда люди просто боялись говорить, что они евреи. А потом были такие моменты, как, например, сейчас, когда они могут...*

Ожидаемым образом часть респондентов ассоциировала то время (конец 1980-х) с проявлениями государственного антисемитизма.

— *Восемьдесят девятый конкретно для меня — тяжелый, тогда мне объявили, что у меня родственники за границей (а папа-то мне говорил, что у нас никого нет за границей!) И тогда мне на работе сказали: «Что ж ты тут!..» Меня с должности сместили, понизили в должности.*

— *Ну, я бы сказала, что было не очень хорошо. Потому что же поступление... Смотрели всегда на пятую графу, не всех брали.*

— *Многие скрывали в советские годы потому, что работу не давали, в академию военно-морскую не поступали.*

Были воспоминания и о проявлениях бытового антисемитизма:

— *Отношение такое к евреям, нас это очень касалось. Мы жили в коммунальной квартире, и нападали на нас, выбивали двери, потому что «жиды живут».*

http://az.lib.ru/i/ilfpetrov/text_0130.shtml. Через два десятилетия в СССР началась кампания по разоблачению «сионистских заговоров» и т.д.

Бытовой и государственный антисемитизм был причиной ассимиляции. Часть евреев пытались скрыть свое происхождение:

— *У меня был мой шеф, которого звали Константин Александрович. Но я знал, что он не Константин Александрович. Когда я к нему заходил в кабинет, говорил: «Константин Абрамович...».*

Однако ассимиляция заключалась не только в том, что евреи пытались скрыть свое еврейство. Рассказывали, в частности, что русское окружение руссифицировало имена евреев, т.е. вменяло им русскость.

— *У меня был сослуживец, Давид Исакович Шехтман. А все сослуживцы называли его Дмитрий Иванович. Почему-то. Почему-то.*

Про евреев, живших 30 лет назад, респонденты говорят, что они *были растеряны и испуганы* — так сегодня оценивается атмосфера поздней фазы существования СССР. При этом определенная часть их обеспокоенности связана с их еврейством, которое тогда создавало им дискомфорт. Но другая часть связывается респондентами с общей ситуацией кризиса конца 1980-х — начала 1990-х. Подчеркнем, что респонденты не вычленяют еврейскую судьбу из общей судьбы россиян. Таким образом, для респондентов прошедшие 30 лет — не только расцвет еврейской жизни, но более сложная картина.

Оценка современной ситуации

Можно заключить, что изменения к лучшему для евреев по части ослабления антисемитизма признаются многими. (Хотя встречаются маргинальные мнения: *его не было и 30 лет назад*; и другое: *он был, и есть, и будет*). Важно, что при этом нынешний удел еврейства пожилые респонденты часто называют более тяжелым, чем 30 лет назад. Почему? Потому что *всем теперь стало труднее жить, чем было в СССР*.

Другие считают, что жить стало легче:

— *А 89-й что для пенсионеров, что для молодого — это трудности. Я имею в виду проблемы, что у нас были тогда: в магазинах ничего не достать. И потом 90-й год тоже так... А вот 2019 год — уже жизнь лучше. И пенсионерам достаточно денег, и так... Уже более или менее можно жить.*

Впрочем, были и прямо противоположные мнения:

— *Вот улыбчивый молодой человек в 89-м. Начало перестройки, он о чем-то мечтает еще.*

У него глаза нараспашку, и он думает, что все, жизнь сейчас наладится, все перестроится и т.д. А в 2019-м это уже не такие глаза...

Повторим: общий момент в этих примерах, несмотря на их противоположность, — то, что еврейство не выделяется из общей массы населения, еврейская идентичность здесь отключается.

Существенной чертой этого периода было распространение в качестве элементов массовой культуры произведений в малых жанрах искусства — в эстраде, авторской песне, созданных высокоассимилированными евреями, сознававшими свое ассимилированное и в этом смысле особое, современное советское еврейство. Остановимся на паре Аркадий Райкин и Михаил Жванецкий. В отношении Райкина важно отметить, что в публике, любимцем которой он был, его еврейское происхождение почти никогда не обсуждалось¹, но именно оно, входя как элемент в его актерское дарование, позволяло ему демонстрировать особый взгляд на общеизвестные явления, что создавало эффект сатиры. Известно, что автором текстов для многих самых знаменитых номеров Райкина был Жванецкий. О его таланте можно сказать то же самое. Но стоит добавить, что Жванецкий к тому же практиковал «обнажение приема», давая прозрачные намеки на то, что его юмор — это именно еврейский (одесский) юмор, и поясняя, что именно поэтому он является таким острым и востребованным для всей советской и постсоветской аудитории.

Другая пара — Александр Галич и Владимир Высоцкий. Галич своим творчеством показывал, что может дать интеллигентной аудитории достигнутый им уровень и вариант ассимиляции еврейского к русскому, как он позволяет открывать недавнюю историю, понимать душу простых советских людей.

Высоцкий, чья популярность распространилась в гораздо более широкие страты, насколько мы можем судить, не воспринимался публикой как еврей. Но в своих песнях он касался еврейской темы. Частью это были песни-шутки. Но есть другой пример, и он представляется особенно интересным. Это «Баллада о детстве»², содержащая воспоминания о жизни

¹ Впрочем, приходилось слышать рассказы и о том, что ему как еврею чинил препятствия с выступлениями партийный начальник в Ленинграде, что однажды его обозвал жидом кто-то из зрителей и он прекратил выступление.

² URL: <https://books.google.ru/books?id=ESqIAAAQBAJ&pg=PT579&dq=%D0%B8+%D0%B1%D0%B8%D0%BB%D0%BE+%D1%81%D0%BA>

в коммунальной квартире в Москве в годы Великой Отечественной войны. Песня, на наш взгляд, принадлежит к числу его лучших произведений. Выяснено¹, что в ней много реалий того места и того времени, в частности реальные имена участников диалога, который представлен в этой балладе:

И било солнце в три луча,
Сквозь дырочки просеяно,
На Евдоким Кирилыча
И Гисю Моисеевну.
Она ему: «Как сыновья?»
«Да без вести пропавшие.
Эх, Гиська, мы одна семья —
Вы тоже пострадавшие!
Вы тоже пострадавшие,
А значит — обрусевшие:
Мои — без вести павшие,
Твои — безвинно севшие».

Существенно, что сама драматическая ситуация, два приравненных друг к другу несчастья, столь типичные для страны в те годы (у него — пропавшие без вести, у нее — невинно осужденные), сконструирована поэтом. Сконструирована, чтобы устами подчеркнуто русского персонажа, обращающегося к подчеркнуто еврейскому персонажу, от лица русских подарить евреям право считаться почти русскими — «обрусевшими».

Высоцкий делает этот жест, значительность которого он, безусловно, понимает, сознавая свою принадлежность и к еврейству как меньшинству, и к русско-советскому великому народу. Русский народ у него — народ-страдалец. У советско-российских евреев, утверждает этот поэт, есть право причислить себя к нему. Они его оплатили страданиями, понесенными от несправедливых репрессий русско-советских же властей. Важный вопрос: разрешение считаться «обрусевшими» (кстати, по отношению к евреям это слово почти не применялось) — это приглашение от русских (тогда это та сторона ассимиляции, которая идет от гегемона) или это удовлетворение чаяний евреев (стремящихся ассимилироваться)? Текст баллады, кажется, позволяет обе интерпретации, что делает его поэтически наполненным.

Но при любом толковании того, на какую позицию помещает себя поэт, какое разрешение ситуации он строит, — это очередной вари-

ант почти полного завершения ассимиляции, как он ее видит. А видит он ее через сложную призму, превращая свой личный взгляд во всеобще-русский и обращая его на советско-российское еврейство, с которым отождествляет и себя.

Процесс еще не завершен

Проведенное сравнение жизни евреев 30 лет назад и сейчас дало в том числе очевидный результат — указание на то, что положение евреев в нынешней России много комфортнее, чем в конце 1980-х. При этом было обнаружено, что, выполняя задание по сравнению двух эпох, респонденты оценивают не столько различия в жизни еврея тогда и теперь, сколько перемены в жизни всего населения страны в период перестройки и теперь. Тогда были надежды, что жизнь станет лучше, или страхи, что все, к чему привыкли, рухнет, но их больше нет. Однако это не специфически еврейские страхи и надежды, это общие для всей страны эмоции радости и уныния, которым подвержены и евреи. (Кстати, это значит, что больше не оспаривается, а просто не принимается по факту тезис из прежнего антисемитского набора: *евреи устраиваются и живут лучше остальных*. Более современная его трактовка гласит: *евреи теперь живут, как все. Их не отличишь по форме жизни*.)

Говоря о портрете еврейского молодого человека-современника, отмечают:

— *Нынешний — он более такой раскованный, он более такой уже свободный, он где-то ездил уже, что-то видел, т.е. он, естественно, отличается от того, что было там 30 лет назад.*

— *Двадцатилетняя девочка — она уже более современная в 2019-м. Она уж открыта, она с книгой, она учится, она с гаджетом, может открыто говорить в своем еврейском происхождении. А также отстаивать те или иные еврейские ценности.*

Это свидетельства диссимиляционного тренда. В ряде случаев респонденты изображали современного еврея с пейсами. Они хотели этим показать, что в нынешние времена евреи не боятся выразить внешне свою идентичность. Понятно, что пейсы — яркий отличительный признак религиозного еврея, значит, это тоже знак диссимиляции. Однако такой знак использовали в своих рисунках люди, которые в реальной жизни не имеют возможности видеть религиозных евреев. Получается, этот знак еврейства заимствован из антисемитских карикатур, т.е. принят, как и во многих рассмотрен-

BE%D0%BB%D0%BD%D1%86%D0%B5+%D0%B2+%D1%82%D1%80%D0%B8+%D0%BB%D1%83%D1%87%D0%B0+%D1%81%D0%BA%D0%B2%D0%BE%D0%B7%D1%8C&hl=ru&sa=X&ved=0ahUKEwJxlCGfj-bmAhWS7aYKHQgrAd.

¹ URL: <https://v-vysotsky.com/vospominaniya/Klimova/text.html>.

ных случаях, чужой взгляд на себя. Это признак высокого уровня ассимиляции. И это характерно для сложившейся ситуации.

Исследование обнаружило, что отчасти воспроизводится специфический советский еврейский тип, каким он сложился в 1960-е гг., когда острая фаза государственного антисемитизма уже прошла, но оставила глубокие следы в национальной памяти. Исследование обнаружило, что в этой среде продолжают идти процессы ассимиляции, т.е. утраты или отказа от тех черт культуры и поведения, которые были специфически еврейскими и служили признаками, по которым опознавали и дискриминировали евреев в период активного антисемитизма в России.

Разумеется, в исследовании наиболее ярко обозначились проявившиеся именно в изучаемый период тенденции обретения евреями своей идентичности. Особенно рельефно это проявилось в форме эволюции от отрицавшего какую бы то ни было собственную национальную принадлежность советского человека к осознающему свою уникальную принадлежность еврею.

Как и предполагалось, обретаемая идентичность связывалась людьми либо с формальными критериями родства, либо с субъективным самоощущением или самоотнесением. Установлено, что важными факторами, стимулирующими эти процессы возвращения к еврейству, были: внутренняя политика, приглушившая антисемитизм, дружественная политика РФ в отношении Израиля, собственно существование Израиля и связь с переехавшими туда близкими, а также оживление еврейской жизни в городах, что стимулировало многих обнаруживать в себе еврейские корни и интерес к еврейской теме.

Респонденты, пришедшие к восстановлению своей еврейской идентичности в зрелом возрасте, воспринявшие это как жизненную задачу, отмечают, что это очень непросто, но намечают программу:

— *Еврей — это работа. Это постоянная работа, это как бы заложено. Работа над собой,*

это обязательно. И какая-то собственная самоидентификация — это опять же работа.

— *Да, над собой нужно работать, чтобы самоидентификацию поднимать. Популяризовать нашу историю, язык, культуру, традиции и т.д. То есть нам самим нужно работать. И общине, и каждому из нас работать...*

Список литературы

1. *Высоцкий В.* Баллада о детстве // URL: <https://books.google.ru/books?id=ESqiAAAAQBAJ&pg=PT579&dq=%D0%B8+%D0%B1%D0%B8%D0%BB%D0%BE+%D1%81%D0%BE%D0%BB%D0%BD%D1%86%D0%B5+%D0%B2+%D1%82%D1%80%D0%B8+%D0%BB%D1%83%D1%87%D0%B0+%D1%81%D0%BA%D0%B2%D0%BE%D0%B7%D1%8C&hl=ru&sa=X&ved=0ahUKEwjxlGfj-bmAhWS7aYKHQgrAd>.
2. Воспоминания о Высоцком. // URL: <https://v-vysotsky.com/vospominanija/Klimova/text.html>.
3. *Гудков Л., Зоркая Н., Кочергина Е., Лёзина Е.* Антисемитизм в структуре массовой ксенофобии в России: негативная идентичность и потенциал мобилизации // Вестник общественного мнения. 2016. № 1–2 (122).
4. *Ильф И., Петров Е.* Золотой теленок // http://az.lib.ru/i/ilfpetrov/text_0130.shtml
5. Книга погромов. Погромы на Украине, в Белоруссии и европейской части России в период Гражданской войны 1918–1922 гг. // Сб. документов / Отв. ред. Л.Б. Милякова. М.: РОССПЕН. 2007.
6. *Пирожкова И.* Нормативное регулирование культового строительства в Российской империи // Вестник ТГУ. Вып. 1 (81). 2010.

Алексей ЛЕВИНСОН

В кварталах гальных и печальных. Размышления о книгах С. Стивенсон

«Качалки» и «моталки»

В 2017 г. в Москве была издана книга Светланы Стивенсон «Жизнь по понятиям. Уличные группировки в России». Это авторизованный перевод выпущенной в 2015 г. в Великобритании книги *Gangs of Russia: From the Streets to the Corridors of Power*¹. Еще до выхода русского издания книги автор представила российской аудитории изложение ее главных идей в двух публичных лекциях в обеих столицах и в обширной статье в «Неприкосновенном запасе»². Я написал рецензию на эту книгу³ с изрядным опозданием, о чем сожалею, и, кажется, в отсутствие других реакций на ее выход, что еще более прискорбно.

Настоящие заметки содержат соображения, на которые наводила меня как читателя (а не как рецензента) названная книга. Она взволновала меня, поскольку затрагивает несколько тем, близких к некогда меня занимавшим, и открывает проблемы, которые мной — и, быть может, не только мной, — не были изучены в должной мере.

Начавшая свой путь среди российских социологов, Светлана продолжила его в Великобритании. Там приобрела фамилию Стивенсон и место преподавателя в университете. Уютные кварталы кирпичных домиков Лондона, где живет автор, не навевают мыслей об унылых бетонных микрорайонах Казани. Книга же рассказывает о подростковых уличных бандах Казани и об их превращении в преступные

группировки. Требуется усилие, чтобы даже мысленно пребывать в этой негостеприимной и опасной для чужака среде. Автор бывала в этих местах как полевой социолог, но кабинетный анализ проводился в Британии. Вспомним, что не только самые тонкие прозрения русских прозаиков-классиков относительно «мерзостей» русской жизни делались зачастую из европейского благополучного далека. Современная социальная антропология России, сильно углубившая понимание роли насилия в сегодняшней русской жизни, свои лучшие результаты получила, пребывая в милом амбиансе университетов Западной Европы и Северной Америки. Но дело не в уюте и покойном быте. Чтобы не просто «почувствовать», что доступно и простому российскому обывателю, а предать социологическому анализу антиинтеллектуальную среду «качалок» и «моталок» постсоветских городов, нужна интеллектуальная среда мировой социальной науки.

Светлане Стивенсон как исследователю свойствен не поверхностный взгляд, он проявился уже в ее первых работах. Занявшись беспризорниками 1990-х, она начала изучать сообщества, которые в прямом смысле были под поверхностью — они скрывались под асфальтом мостовых, в коробах теплотрасс. Ну, и в смысле социальной категоризации они составляли *underclass*. Это очень мощная стигма: они, а также взрослые бомжи, существовали ниже нижнего, т.е. ниже границ того, что в обществе считается собственно обществом. Бомжи как люди конченные этот статус принимают и сами в некотором смысле не считают себя людьми, а лишь играют в людей. Беспризорные дети обладают большей витальностью, у них еще впереди зона-малолетка, потом зона взрослая, словом, какая-то жизнь настоящих блатных. Но их дискурс, в отличие от блатного, в дискурс общества тогда не был включен.

¹ Стивенсон С. Жизнь по понятиям. Уличные группировки в России. М.: Страна Оз, 2017. 304 с. *Stephenson S. Gangs of Russia. From the Streets to the Corridors of Power* Cornell University Press Ithaca. London, 2015.

² См.: URL: <https://eu.spb.ru/news/15432-zhizn-po-ponyatiyam-moralnye-pravila-realnykh-patsanov>; www.youtube.com/watch?v=N9DceypG818. Стивенсон С. Жизнь по понятиям: «реальные пацаны» и их моральные правила // Неприкосновенный запас. 2015. № 5 (103). С. 102–117.

³ URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovenny_zapas/123_nz_1_2019/article/20861/

Светлана пришла к ним вместе с волонтерами от организаций, из которых должно было сложиться гражданское общество. Оно не сложилось, но люди все равно самоотверженно работали. Такие организации построены на гуманистической антропологической установке — видеть в своих подопечных людей. Это у нас умеют. Умеют видеть трезво, понимать, каковы возможные границы благотворительности и пр. У некоторых волонтеров есть хорошая психологическая подготовка.

Но С. Стивенсон, думаю, единственная, кто подошла к детским подземным шайкам как социолог. Она увидела там социальность. Она разглядела общество там, где, считается, его нет и не может быть, где ему отказано в существовании «большим обществом». Я не знаю, явился ли Светлане план заняться молодежными уличными шайками во время работы с беспризорными детьми и подростками. Но логика в такой последовательности есть. Недаром американские исследователи *street gangs* выводят их зарождение из стихийных объединений детей-сирот и беспризорников, которых во множестве порождала ситуация массовой иммиграции в США уже в XVIII в.

После работы с «детьми подземелья», которых, предположим, не все видели, Светлана взялась за тех, кого в свое время знали все: молодежные «группировки», «моталки», «люберы», «солнцевские», «ореховские», «тамбовские»... Все про них знали, все их боялись. О них, конечно, знали милиционеры, и о них что-то думали криминологи. Еще надо добавить нескольких журналистов, старавшихся привлечь внимание общественности к подобным явлениям (автор приводит их статьи в библиографии). Но увидеть там ситуацию, требующую именно социологического анализа, в голову приходило немногим, разве только И.С. Кону¹ и небольшому числу местных специалистов, имена которых упоминает в своей работе автор².

¹ И.С. Кон еще в своей книге «Ребенок и общество» (М., 1988) отмечал со ссылкой на европейских исследователей, что «автономное детское общество существовало и в традиционной культуре европейских народов». Его характерные черты: «оппозиция к миру взрослых и желание жить втайне от них; наличие особого секретного кода; принцип территориальной автономии каждой группы и одновременно — острое соперничество и борьба; половая сегрегация; наличие собственного жаргона... а также ритуалов» и т.д. (с. 153 указанного издания).

² Салагаев А. Исследования подростково-молодежных территориальных делинквентных сообществ (группировок) в России и в бывшем СССР / Девиантное поведение в современной России в фокусе социологии / ред. А. Салагаев, М. Позднякова. М.: ИСПАН, 2005.

Описываемое в книге С. Стивенсон, кажется, провоцирует читателя на припоминание чего-то похожего. Здесь и «бурса» Помяловского³, и «узилища» И. Гофмана⁴, и дедовщина в советской и российской армии, и, конечно, «зона» в СССР и РФ. Впрочем, есть существенное отличие этих ситуаций от описываемой в книге С. Стивенсон: ее социальные феномены развиваются вне стеснения и пространственной/социальной изоляции извне, а также вне контроля со стороны внешних и преобладающих сил типа администрации, начальства.

И. Гофман описывал так называемые закрытые общества, узилища — тюрьмы, психбольницы и т.п. и находил там развитие злокачественной социальности, основанной на подавлении личности, разных вариантах насилия, что он связывал именно с закрытостью, безвыходностью ситуации для участников.

Ряд авторов, в том числе и я, обращались к темам казарменного насилия, дедовщины⁵. Всем писавшим казалось, что дедовщина возможна постольку, поскольку военнослужащие находятся также в неволе, изолированы от внешнего мира.

И вот, в условиях большого города, принадлежащего, казалось бы, всем горожанам на равных основаниях, террор обретает форму общего (для молодых мужчин) социального порядка.

Есть и другое отличие мира «моталок», «люберов», вообще уличных банд. Они существуют, отделяя себя от обычного мира на время своих собраний и «дел», но их члены продолжают оставаться жителями этих кварталов, домов, квартир, членами семей, учениками школ, работниками предприятий. Членство в группировках с годами, когда человек взрослеет, может становиться менее активным, превращается в принадлежность к если не тайной, то особой неформальной структуре.

Еще одним важным отличием феноменов, которые анализирует С. Стивенсон, от выше-названных и не названных ситуаций, является

³ О его книге сказано: «Культурное русское общество... было поражено откровением, сделанным П(омяловским). С ужасом узнало оно, что в Петербурге — центре культурной жизни существует... бурса и что в этой бурсе творятся дела, поражающие своей бесцельной и бесчеловечной жестокостью. «Очерки» имели сенсационный успех, произвели на общество сильное впечатление и доставили автору большую популярность, нежели все его другие произведения. Помяловский, Николай Герасимович // Русский биографический словарь: в 25 т. СПб.; М., 1896–1918.

⁴ *Goffman E. Asylums: Essays on the Social Situation of Mental Patients and other Inmates.* N.Y., 1961.

⁵ Левинсон А. Опыт социологии. М., 2004. С. 541 и далее.

ся их масштаб. Он не просто большой. (Доля убитых в стычках и войнах между группировками молодых мужчин, указывает автор, выше объявленного процента потерь среди советских солдат за годы войны в Афганистане.) Все примеры-аналоги относятся к группам **внутри** общества, группам, от которых общество себя изолирует или изолирующим себя от него. Здесь же речь о принципиально другой социальной ситуации. Группировки «покрывали» эти районы города сплошь. Их спатильный масштаб, контролируемое ими социальное пространство сопоставимо, если не просто совпадает, с масштабом общества в целом, обществом, которым является население микрорайонов/районов Казани и других городов.

Черное гражданское общество

На мой взгляд, один из важнейших вопросов: какого типа социальность обнаружила автор, исследуя молодежные группировки?

Известно, что в советское время были воздвигнуты во множестве организации под государственным контролем: школа, армия, тюрьма, а также, собственно, партия, комсомол, профсоюзы плюс спортивные, женские, ветеранские организации. Они в смешанном виде были институтами контролируемой социализации как динамического процесса и собственно контроля как процесса статического. Добавим институты советского индустриального корпоративизма, особо заметные в промышленных центрах вроде Свердловска-Екатеринбурга или Тольятти-Набережных Челнов и Казани. Недаром именами заводов там зовут и жилые кварталы с их инфраструктурой, включавшей жилье и поликлиники, детсады и учреждения культуры, т.е. среду, которая обеспечивала воспроизводство советской социальности и советской повседневности. (Надо, кстати, по достоинству оценить тот факт, что названия предприятий, вроде Уралмаша, нередко переходили в названия молодежных группировок, далее банд, о чем см. ниже.)

В 1990-е случился развал СССР. Публику, которая тогда этот развал переживала очень тяжело, на самом деле мало волновало отъединение колоний-республик от России-метрополии. Действительной социальной (не «геополитической», как для В. Путина) катастрофой был развал вышеупомянутых уже обжитых, государственных псевдогражданских структур. Их исчезновение (а заодно отсутствие, слабость или хаотическое состояние и более жестких институтов государственного контроля/насилия,

прежде всего полицейского) создавали неприглядную ситуацию: для одних — брошенности и сиротства, для других — если не свободы, то воли как следствия слабости российского государства, ее антонима.

Российскому обществу (а если считать, что оно не сложилось, то населению России) был тогда дан исторический шанс организовать свое существование в отсутствие того, что многими считалось проклятием российской истории — самодержавного государства. Как этот шанс был реализован?

После развала большинства этих социальных конструкций второго порядка в начале 1990-х потеряла свой обязательный и всеобщий характер включенность взрослого населения городов в многочисленные отношения со структурами управления, организации, найма — с тем, что образовывало традиционную институциональную среду, (точнее, с тем, что от советской среды оставалось в постсоветскую пору). В гораздо большей степени сохранялись структуры первичных отношений — семейных, дружеских, соседских, коллегиальных. Сохранялись важнейшие формы пространственной организации, такие как системы расселения в их макро- и микромасштабе, (в том числе важные для нашей темы городские микрорайоны, кварталы и дворы).

Над этой первичной социальной и пространственной инфраструктурой и стали расти и развиваться новые социальные системы второго порядка. Так вот, первыми сложились структуры, которые образовывали молодежные группировки. Они росли в разных городах: и в исследуемой автором Казани, и в городах Урала, и в Москве.

Здесь мне хотелось бы высказаться по поводу социальной природы этих группировок и решить беспокоящий меня вопрос о применимости категории «гражданское общество» к таким феноменам.

В последние десятилетия советской эпохи эти группировки были грозой для «хороших мальчиков», культурной антитезой различных неформалов (другого направления в развитии социальных образований в молодежной среде). Силловые образования противостояли вкусовым, стилевым.

Группировки типа казанских «улиц» и подмосковных «люберов» сначала выясняли отношения в основном внутри молодежной среды. Они заявили о себе как об общезначимой социальной (и потенциально политической) силе

в декабре 2010 г. в самом центре Москвы, на Манежной площади (их назвали «футбольными фанатами»)¹.

Приходилось слышать, что это выступление не было спонтанным, что многочисленных, но политически не ориентированных фанатов сумели вывести на улицы малочисленные, но имевшие точную политическую цель националисты. Если это и так, событие стало проявлением действий структур, во-первых, принадлежащих к уровню вторичных, во-вторых, свободных от государственного контроля, т.е. отвечающих формальным признакам гражданского общества.

Этому феномену один из ведущих экспертов по проблеме, И. Аверкиев, предложил (в разговоре со мной) имя «черного гражданского общества». И. Аверкиев, в отличие от меня, был убежден в существовании «настоящего» гражданского общества. Очевидно, что таким именем мы готовы называть только те общественные формы, которые соответствуют представлениям о «позитивных» социальных целях — позитивных с точки зрения социальной группы, претендующей на право вменения своих нравственных и моральных оценок как универсальных всем членам общества.

Банды и группировки, о которых пишет С. Стивенсон, до поры не участвовали ни в каких политически окрашенных акциях, политического лица не имели. Кажется, в профиле «люберов» были некоторые националистические-фундаменталистские элементы, но, думаю, они были не причиной их неприязни к «неформалам», а, наоборот, ее следствием, рационализацией неприязни, возникающей из необходимости для силовой организации иметь внешнего врага.

В те же времена существовали различные, тайные и открытые, силовые и боевые молодежные организации, чаще всего поддерживающие националистическую идею типа «Россия для русских». Правоохранительные органы, как рассказывают, обращали на них внимание, брали под опеку и контроль.

¹ Их действия в самом центре столицы сопровождались актами вандализма и насилия несравнимо более значительными, чем это приписывалось митингам 2011–2012 гг. Между тем с ними, напомним, В. Путин поспешил лично встретиться и выразить понимание их мотивов (возмущение убийством «русского парня», совершенным, как считалось, «приезжими»). На контакт с мирными демонстрантами, протестовавшими зимой 2011–2012 гг. против фальсификации выборов, президент не выходил, над их мотивациями пытался издеваться. Как не вспомнить категорию «социально близких», которую в первые десятилетия СССР судебно-карательные органы применяли к тем, кто был осужден по уголовным статьям, отличая их от шедших по «политическим» статьям безусловных врагов.

Самый креативный из администраторов, В. Сурков, предпринимал серьезные усилия для создания или стимуляции развития гражданского общества «сверху». Он же много сделал для создания молодежных организаций/движений, таких как «Наши», «Молодая гвардия» и др.

Показателен неуспех этих начинаний на фоне активного развития форм, о которых рассказывается в книгах С. Стивенсон.

Меня и тогда волновало, и теперь беспокоит, что многочисленные гражданские спонтанные инициативы у нас всегда имеют формат групповых, в лучшем случае сетевых организаций, но никогда не приобретают социетальный масштаб, не складываются в этаж социальности вторичного типа, что и позволило бы ей именоваться гражданским обществом. Между тем социальность, о которой повествует, в частности, книга Стивенсон, отличается как раз тем, что представляет, хоть и не для всех, а для подростков и юношей, именно социетального масштаба этаж вторичных отношений, где группировки взаимодействуют с группировками. И эта реальность находится над реальностью первичных отношений в семьях, классах и собственно группировках, но также и вне государственных институций, таких, как школа, вуз, органы власти и контроля.

К сожалению, сам я анализом общества как агрегата групп и институтов и процессов в нем занимался очень мало. Во времена господства структурно-функционального подхода вне моего поля зрения оказался социальный состав общества. Что больше нет рабочих, крестьян и интеллигенции, поняли все. Но кто есть вместо них — этот вопрос задавала себе разве только Татьяна Ивановна Заславская, задавала и публиковала статьи про множество разных групп, выделяя среди них те, которые поддержат и не поддержат перестройку². Ее усилия сами по себе заслуживают уважения, но это была ad hoc социология. Я когда-то собирался описать, но так и оставил неописанными поколения «новых русских», «кооператоров», потом «челноков», ранних «честных предпринимателей». Про более поздний феномен «силового предпринимательства» писал В. Волков. На слуху сегодня толки и сплетни про «олигархов» и «силовики», а что это за социальное явление, я так и не взялся посмотреть.

Мне довелось поучаствовать в спорах о «среднем классе» и о «гражданском обществе». С последним та же проблема, что со «средним

² URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/820/840/1231/002Zaslavskaya.pdf>

классом», — его полагается иметь, оно атрибут «нормальной страны», демократии. Желание многих иметь страну, идущую не «нормальным», а «особым» путем, иметь демократию тоже «особую», приводит к желанию иметь и гражданское общество в «нашем» варианте, т.е. «с позволения начальства». Однако отдельные гражданские институты, в том числе «проклятые» как иностранные агенты, так существовать могут, а гражданское общество — нет. «Группировки», которым посвящена книга Стивенсон, отличаются от институций гражданского общества тем, что они всегда суть неформальные объединения, тогда как организации гражданского общества по преимуществу имеют формальный характер с уставом, регистрацией, штатом и пр.

Изучать те формы, к которым привлекает наше внимание С. Стивенсон, исследователям мешает трудность в ценностном определении их институциональной природы. Эта трудность возникает из-за сложности выбора того, какую установку принять в отношении такого рода социальных объектов. Желание исследователя не подвергать испытаниям свои нравственные позиции ученого, полагаю, вело к тому, что подобные социальные феномены не получали статуса объекта в глазах большинства исследователей (включая меня). Они оставались бытовыми фактами, событиями, которые, как говорил Ю.М. Лотман, «не образуют текста».

Мне памятен важный для темы случай. Дело было на ежегодной конференции «Куда идет Россия?» в конце 1990-х. На заседании к ведущему подошел стройный молодой человек в черном костюме, с черным галстуком и тщательно сделанным пробором (таких типов там не бывало). Он настойчиво попросил слова и, получив его, заявил с трибуны, что представляет «Общественно-политический союз “Уралмаш”» и хочет рассказать его историю, считая, что она должна вызвать интерес у участников конференции.

История в его изложении выглядела так. В Свердловске имеется всем известный завод «Уралмаш». Вокруг него выстроен жилой район, за которым в городе закрепилось то же название. Когда в начале 1990-х в городских районах стали появляться вещевые и продуктовые рынки, рынок в этом районе тоже стал называться «Уралмаш». Возникшая там же уличная группировка тоже звалась этим именем и, естественно, стала «крышевать» этот рынок. В борьбе с другими городскими группировками она одержала верх. Оргпреступная группировка

(ОПГ) «Уралмаш» подчинила себе различные сферы бизнеса и другой деятельности в городе, стала влиять на местную политическую жизнь. Прошли годы, и в конце 1990-х ее лидеры зарегистрировали в Минюсте «ОПС (общественно-политический союз) “Уралмаш”».

Молодой человек, думаю, не случайно выбрал для обращения именно эту конференцию. Здесь собирался цвет демократической (теперь ее зовут либеральной) общественно-политической мысли. А ОПГ «Уралмаш», как утверждает «Википедия», оказывала поддержку демократам Росселю и Ельцину.

Председательствующий нетерпеливо попросил молодого человека закончить и освободить трибуну. Мне сперва удивило, почему на предложение этого неожиданного докладчика обсудить столь яркое социальное явление ответом было полное молчание (разговоров не было даже в кулуарах). Потом я понял: академическое сообщество не могло счесть эти скандальные факты легитимным предметом социологического анализа.

Что касается скандальности таких фактов, то с их умножением она снижается. С. Стивенсон обращается с фактами прихода криминалитета во власть холодно и спокойно. В английском издании ее книги именно это обстоятельство (с улиц — во власть) акцентировано названием. Стоит задуматься над тем известным социологам фактом, что 1990-е были годами небывало активной вертикальной мобильности. Но на виду было движение демократических активистов в народные депутаты или завлабов в министры. А книга про казанские «улицы» обращает внимание на то, как в бизнес, а затем во власть проходили «реальные пацаны», начинавшие свой путь в уличных группировках. Отличие от мобильности «демократов» в том, что к вершинам добивались уцелевшие, а местами для остальных оказывались не более низкие ступени статусных лестниц, а кладбища.

Вопрос о том, определять ли эту реальность словами «гражданское общество», можно считать надуманным и маловажным. С. Стивенсон таким вопросом не задается. Меня же он занимает, потому что по поводу наличия «классического» гражданского общества в нашей стране у меня есть несогласие со многими экспертами, в том числе с упомянутым уважаемым И. Аверкиевым. Настоящее гражданское общество, по моему мнению, в нашей стране вообще не имеет места, как же может быть, что его «черный» аналог рождался спонтанно и массово? Сама

ситуация, мне кажется, заслуживает внимания социологов.

В условиях воли

Светлана Стивенсон пишет о работе А. Салагаева с коллегами, начавших еще в 1980-е собирать материал по казанским группировкам, она указывает, что о подобных явлениях писали В. Абрамкин, С. Белановский, В. Волков. Но, как мне кажется, даже с учетом их усилий, остался не поднятым и не обсужденным в научном сообществе следующий кардинальный вопрос.

Подростковые компании, перерастающие затем в уличные банды и оргпреступные группировки, развиваются вне какого бы то ни было вмешательства государственных институтов, будь то школа или милиция. Иными словами, они существуют в условиях свободы.

В этом заключается проблема для либерального сознания. Оно привычно исходит из того, что в нашем обществе свободы нет, ее душит государство, поэтому у нас нет институтов и благ, естественных для свободного мира. И вдруг оказывается, что множество людей пребывают де-факто в пространстве свободы. Российское общество показало, какие социальные формы могут спонтанно развиваться в этих условиях.

Подобную проверку оно проходило в годы после Первой мировой войны и последовавших политических пертурбаций. Сколь ни кощунственно сравнение Гражданской войны и войн между уличными бандами 1990-х, факт таков, что в обеих ситуациях «свои» убивали «своих» в борьбе за контроль над территориями с их ресурсами.

В 1920-е во множестве возникали формы социальной самоорганизации, в том числе Советы. Возникали массовые виды деятельности по обмену, торговле и, в частности, мешочничество. Множились и банды. Становление советского государственного строя сопровождалось уничтожением как криминальных, так и мирных гражданских структур, возникших вне и помимо воли тоталитарного государства. (При этом попыток «приручения» группировок, кажется, не было или почти не было¹.)

¹ На память приходит только описанная некогда в «Комсомольской правде» история, как в одном из городов на востоке страны молодежную банду мотоциклистов некий энтузиаст склонил стать добровольными помощниками автоинспекции и следить за соблюдением правил движения на дорогах региона. Почин А. Гайдара описать детское неформальное добровольное объединение, построенное, как и дворовые компании, вполне авторитарно, но по-христиански ориентированное на «добрые дела», остался втуне, несмотря на миллионные тиражи книги «Тимур и его команда». Отряды тимуровцев всегда создавались по

В начале 1990-х шел процесс нового государственного строительства. Создавались учреждения и институты демократического государственного устройства. Потом было много разговоров о том, что они оказались недостаточно развитыми, прочными, укорененными и пр. Заслуживает внимания тот факт, что демократические институции не достигали до действительности юношеских группировок и банд. Вместо этого из таковых — но на более поздних и зрелых этапах — потянулись ростки в те формальные институты власти, в которые превратилась демократия 1990-х. Автор кратко, но неоднократно указывает на эти процессы.

В России 1990-х в условиях катастрофы государственной экономики и социалистического индустриализма новая сервисно-сырьевая экономика начиналась как массовая инициатива частного микропредпринимательства. Миллионы «челноков» и розничных торговцев на рынках и в ларьках спасали жителей российских городов, снабжая их продовольствием и товарами первой необходимости.

Параллельно развивалась активность по насильственному перераспределению экономических ресурсов. Ее общее название — рэкет, есть много местных терминов: «крышевание», «отжимание» и пр. Можно считать, что эта активность является паразитарной по отношению к «честному бизнесу», можно — что она функционально замещала еще не возникшие цивилизованные (т.е. опирающиеся на государственные институты насилия) регуляторы коммерческой и производственной деятельности.

Мне кажется, что надо придать одинаковый статус как активности кооператоров, первых поколений предпринимателей, так и активности тех, кто их рэкетировал, «крышевал». Купцы и разбойники сосуществовали на Руси, как и в других странах, издавна. Но лишь в особые — кризисные — моменты в жизни общества эти «профессии» становились из узкоспециализированных тотальными, национально-значимыми.

Можно посетовать на то, какие огромные общественные силы в лице этих группировок и банд ушли на столь непочтенную деятельность, и еще раз вспомнить, сколько молодых жизней погубила война группировок в 1990-е. Однако приходится признать, что отечественная культурная традиция предусматривает для мужчины всего два основных вида социального

инициативе или распоряжению школьного или пионерско-комсомольского начальства, что в корне отличало их от спонтанных и самоуправляющихся детских компаний и банд.

действия — труд и насилие, они почетны. Для женщин предусмотрены домашние дела, а из публичных также труд плюс непочетное действие — обмен, т.е. торговля, коммерция.

В обстоятельствах кризиса организованный труд теряет поприще. Наиболее активная часть населения берется за какие-то способы зарабатывания денег, от извоза до отходничества. Часть мужчин превращается в хронически безработных, ждущих открытия закрывшегося «родного завода», часть, теряя лицо, уходит торговать и заниматься коммерцией. Удел еще одной части — поддерживать и возвышать собственный статус насилием, обращенным на своих и внешний мир. Грабежи и вымогательство, которыми занимались эти молодые люди, имели для них смысл добычи потребительских благ и были средством утверждения статуса каждого члена банды среди остальных своих и статуса этой банды среди других.

Такие способы социального бытования и каналы вертикальной мобильности (внутри банд и вместе с бандами) избирали или были принуждаемы избирать молодые жители Казани и других российских городов. (Далее процесс их социализации подхватывала зона и армия.)

Казалось, для них были открыты другие каналы мобильности, другие пути состязания. Высшая школа, спорт — не создают ли они в массовом порядке те же возможности для социальной реализации молодого человека?

В обычное, некризисное, время — да, создают. Сейчас, в «мирный» момент, скорее всего именно эти каналы являются главными каналами социализации для юношей (и девушек). Их «недостаток» — с точки зрения традиции, о которой шла речь, — исключение силового, насильственного момента из мужской жизненной траектории. Для него сейчас действует силовой комплекс — армия, различные службы безопасности, полиция. Выполняют ли таковые свою формальную функцию — обеспечение обороны, безопасности, порядка, — не обсуждается. Даже если нет, они служат пространством для вмещения насилия как необходимого, культурно-предписанного, одобряемого отечественной культурой социального действия. (Вызывают особый интерес приводимые автором сведения о том, что некоторые члены группировок учились в институтах и университетах, а статус спортсмена давал преимущества в банде.)

Замечание для социологов: есть соблазн заговорить о «лихих девяностых» как о периоде аномии. С. Стивенсон между тем это слово

в своей книге не использует. Напротив, она говорит не об утрате или ослаблении норм, но о гипернормативном социальном порядке, об очень жестких нормах, каковыми являются «понятия».

Насилие как язык

Есть направление в европейской общественной мысли, назначающее насилию значительную, если не ведущую, роль в социогенезе. На свой лад похожий мыслительный прием применяют авторы, указывающие на конститутивную роль насилия в формировании советской и постсоветской социальности. Могу и себя, как писавшего о дедовщине, причислить к этому направлению. Книга про жизнь «по понятиям» ставит и С. Стивенсон в данный ряд.

Эту группу авторов объединяет удивление, даже изумление, когда им открываются масштабы насилия в обществе, в котором живут или жили, — они сомасштабны обществу в целом, т.е. предельно велики. Между тем исходный посыл этих авторов такой: мир может существовать, только если добра в нем больше, чем зла, если добро — норма, а зло — вне нормы, и потому его должно быть заведомо меньше, и оно заведомо ему ценностно подчинено.

Признать иное — то, что зло одолевает добро, что насилие правит миром, — для носителей этого сознания почти невыносимо. Но отрицать правду, бежать от нее в ложь кодекса чести не позволяет. Признать зло, насилие, деструктивное начало первичным и ценностно превосходным — значит, капитулировать. Это недостойно, это социальное самоубийство, устранение себя с социального поля или, что позорнее, переход под знамена врага, в услужение злу.

Более приемлемым выходом оказывается символическое подчинение насилия «своему» началу, каковым для этой группы является способность мышления. Здесь, на своем поле, можно совладать с насилием заочно (при очной встрече оно побеждает, так или иначе подчиняет себе). Насилие можно вправить в создаваемую нами и потому послушную нашей воле систему. О нем можно написать книгу и запереть его между обложек.

Это делает и автор обсуждаемой книги. К счастью, она не ищет (в том же интеллектуальном порыве) насилию конструктивную функцию. А у этой попытки основательная традиция: заставить в своем воображении зло (Фауст, Воланд...) в конце концов творить добро, велеть ему быть «межвидовой и внутривидовой

борьбой» и двигать эволюцию, быть «борьбой классов» и двигать прогресс. В более современных дискурсах насилие, повторюсь, трактуется так широко, что им оказывается все, начиная с языка и культуры. Признание этого происходит в конце рассуждения, изначально направленного против позиции тех, кто без затей считает, что в мире все определяется силой и соотношением сил.

Группа и ее место

Итак, С. Стивенсон взялась изучать молодежные территориальные группировки 1990-х в их развитии. Ее работа представляет собой обсуждение результатов полевого социологического исследования, состоявшего из серии глубинных интервью с бывшими и нынешними членами группировок Казани и других городов, экспертных интервью с представителями правоохранительных структур и др.

Стивенсон начинает повествование с описания детско-юношеских дворовых, уличных компаний. Вопрос о том, какое взять для них название, будет зависеть от того, какую территорию эта компания начинает считать своей — подъезд, двор, улицу, микрорайон. Уже здесь появляется повод обратить внимание на связь социальности с местом, при этом не с точкой, а с определенным пространством. Контролировать некую территорию как «свою», не допуская туда чужих, свойственно для многих животных, в том числе стайных. Впрочем, эта отсылка к зоосоциологии не избавляет от необходимости объяснить, почему подростки бьются до крови с другими такими же за охрану либо расширение границ «своей улицы», тогда как проживающие там же взрослые, да и девушки-ровесницы, подобной проблемой не озадачены. Добавим, что возможное «экономическое» объяснение — мол, группа кормится с этой территории и не допускает чужих к своему ресурсу, — могло бы сгодиться для объяснения размежеваний между бандами, которые «крышуют» расположенные на «их» земле ларьки и рынки. Но война за свое пространство начинается на гораздо более ранней стадии развития группировок, когда они еще никак не эксплуатируют территорию, а заняты внутригрупповыми отношениями, «тусуются». Здесь можно опять обратиться к социально-психологическим фундаменталиям, сказать, что, как известно, группа может существовать только при постоянном обозначении своих границ. Заметим, что в этом случае мы пространственный термин «границы» употребляем в метафорическом смысле,

а «пацаны» реализуют эту метафору в реальности, выходя на драку.

Словом, территориальность, спатильность изучаемого Светланой Стивенсон процесса остается для меня не до конца объясненной, а ее важность — несомненной. Становясь со временем именем, «улица» как понятие пространственное продолжает быть обозначением определенного социального образования, хотя его территориальные притязания расширяются до масштабов города или даже городов, в том числе за государственными границами РФ. Для внешних наблюдателей они получают название «российской мафии» или «российской организованной преступности», а для понимающих своих они остаются хранящими изначальные названия, связанные с (народной) топонимией Казани и других российских городов¹.

Автор указывает, что с самого начала группы выступают как форматы социализации мальчиков-подростков-юношей. Имеет место жесткий социальный контроль — в группах действуют достаточно определенные правила, они называются «понятия», и не просто регуляторную, но конститутивную функцию этих правил автор сочла предметом столь важным, что назвала книгу «Жизнь по понятиям».

Предписываемое членам группы поведение является в ряде аспектов девиантным, скажут психологи, педагоги и лица, связанные с ювенальной юстицией. Но то, что они называют девиацией, отклонением от воображаемой ими нормы, для подростков, напротив, есть норма, и весьма жесткая. «Понятия» — кодекс неписанный, но реализуемый неукоснительно, не раз подчеркивает автор.

Этот кодекс предполагает насилие внутри группы как средство установления иерархии. Будем считать, что это дело обычное. Но менее обычным, хотя едва ли не более жестким, является поведение группировки по отношению к тем подросткам, юношам, кто оказывается на «ее» территории, но вне коллектива группы. Все молодые люди мужского пола должны принадлежать группировке — такова ее тоталитарная установка. Большинство подростков готово и охотно вступает в компании, для них это естественно. Но отдельные молодые люди — лохи, ботаны, — которые не хотят этого, подвергаются нарочитому насилию, регулярным ограбле-

¹ Территориальная экспансия российской преступности может быть сопоставлена с территориальной экспансией России, совершенной, как некоторые считают, также преступным путем. Другую линию сопоставлений подсказывают строки Б. Окуджавы, сказавшего о Сталине, что «суть его — пространство и разбой».

ниям и, главное, унижению. Для обозначения такого воздействия есть специальный глагол «щемить».

Это начальная фаза развития изучаемого автором явления. Именно такие подростковые компании-группировки заполняли жилые кварталы многих российских городов, а кое-где они встречаются и сейчас¹. Сама эта форма коллективности представляет несомненный интерес для психологов, антропологов, криминологов. Стоит отметить социологически и культурологически существенный момент: «понятия» в разных группах практически одинаковы по форме и содержанию. Но они не кодифицированы, не сведены в единый текст, не обрамлены ритуалом. Думать об их передаче от группы к группе сложно, поскольку отношения между группами — это, как правило, отношения вражды и соперничества. Заметим, что порядки «дедовщины» также были сходны в разных воинских частях по всей территории СССР. Одинаков в основах и воровской «закон». (Это он изначально назывался и называется «понятием», жизнью «по понятиям». «Понятия» подростковых городских компаний и группировок являются его ослабленной версией.)

Универсальность воровского закона на разных зонах, как можно предположить, обеспечивается кочующим с зоны на зону контингентом. Молодежные городские группировки, как указывает автор, во многих случаях стремились установить контакт с криминалитетом. В группе обычно появлялся некто, уже имевший хотя бы одну «ходку», т.е. опыт пребывания на зоне, он становился лидером или авторитетом. Очевидно, здесь можно найти объяснение вышеупомянутой идентичности порядков в разных группировках, считая, что трансляция «понятий» проходила по этому каналу. Но остается вопрос более общего характера: почему тысячи молодежных группировок в разных городах в разные годы имели одинаковую структуру? Они были формами социализации, но кто и как социализировал мальчиков к тому, чтобы за пределами семьи и школы они создавали именно такие компании? Приходится говорить слова, смысл которых самому говорящему не вполне понятен: вероятно, такие программы «записа-

ны» в культуре. Культуре какой общности — вопрос. Не получится сказать: культуре «русского народа». Население Казани в этническом отношении разнородно, и «моталки» имели этнически смешанный состав. («Понятия» — что тюремные, что в детских группах — национальную дискриминацию/эксклюзию воспрещают.)

Добавляет сложности тот факт, что уличные банды в российских городах имеют немало общего со street gangs в США и других странах. Значит, принцип авторитарной организации для юношей — культурная универсалия, атрибут человеческой культуры вообще? Что-то удерживает от положительного ответа на этот вопрос. И вопрос остается.

Но кроме аналогий с известными вариантами социальных агрегаций важен вопрос о местной советско-российской специфике изучаемой формы социальности. Работа С. Стивенсон прежде всего обращает внимание на спонтанность появления таких группировок в городах СССР. Возникая независимо друг от друга, они оказывались в структурном отношении практически одинаковыми. Предположим, что мы знаем, где в кодах нашей культуры записаны правила, как должен создаваться и существовать такой социальный институт, как семья. Предположим, что благодаря усилиям русских писателей, историков, фольклористов и краеведов нам в определенной мере известны записанные в традиционной славянской сельской культуре правила взаимодействия в детских, подростковых и молодежных деревенских сообществах. (Да, в деревнях дрались улица на улицу, село на село.) Такой авторитетный автор, как В. Абрамкин, указывает на прямое сходство тюремных обычаев с традиционными деревенскими². Но стоит заметить, что при принудительной или вынужденной урбанизации, реализовавшейся в стремительном переселении деревенских жителей в заводские поселки, соцгородки и жилмассивы, сельский образ жизни был поломан. А детско-молодежные объединения и их драки остались. Похоже, далее надо обращаться к урбанографии, социологии городского. Ведь описываемые формы социальной организации подростков существовали (и, видимо, только и могли существовать), опираясь как на данность на имевшиеся (и сохраняющиеся) формы расселения и организованности в обществе. Упомянутое не раз ослабление государства и его институтов в России в 1990-е не означало, как сказано выше, исчезновения ин-

¹ Автор описывает группировки в пору их расцвета, в их, так сказать, классической форме. Ближе к сегодняшнему дню эта субкультура утратила общераспространенность и претензию на тотальность. Ушли и некоторые другие черты. Стоит отметить, что и «дедовщина» в вооруженных силах теперь резко ослабла и местами исчезла. Но важность изучения «моталок» и «дедовщины» как социальных феноменов российского общества не снизилась.

² Абрамкин В. Тюремная субкультура. URL: <http://www.strana-oz.ru/2008/2/tyuremnaya-subkultura>

ституциональных структур первичного уровня, прежде всего семейных¹ и соседских. В конце концов, уличные банды возникали и возникают именно по гендерному признаку, помноженному на территориально-поселенческий, как одно из самых сильных проявлений соседства как института. (Можно сделать ремарку в адрес тех, кто любит повторять, что в наших городах царит отчуждение и «люди не знают, кто их соседи по лестничной клетке». «Люди», может быть, и не знают, а их дети знают и держатся сверхсплоченными группами.)

При этом не во всех городских районах, не во всех городах возникал описываемый феномен. Американское бытовое и газетное выражение «плохие районы» (bad areas), как и наше учено-казенное «социально неблагополучные...», делаются из социальных мест, которые сами себя считают не плохими, благополучными, свое видение социальности имеют возможность выдавать за норму, за общепризнанное и государственно-поддерживаемое. В их кварталах и городах молодежь социализируется в иных форматах. Отдаленные подобию группировок возрождаются в виде спортивных команд или клубов. Но они лишены таких важнейших атрибутов уличных банд, как язык насилия, принудительность участия, территориальность.

Отличие «хороших» кварталов от «плохих» многообразны. Является ли различие в уровне накопленного семьями богатства и располагаемого дохода главным фактором, порождающим различия в формах социальности? Является ли главным различие в уровнях так называемого культурного капитала? (По мнению И. Гофмана, «тотальными институтами» с их тоталитарными порядками могут быть и пансионы для детей из «хороших» семей.)

Для меня наиболее интригующим является вопрос, есть ли связь (и если есть, то какая) между характером застройки жилых кварталов и привязанной к ней социальности. Характерная для 1980-х критика монотонности, безличности «бетонных кварталов» исходит от той же социальной группы, которая чуть ли не сильнее прочих дистанцируется от этоса и жизненных практик «уличных банд» (с позиций которой написана и книга про них, и эти строки). Мне приходилось примерно в описываемые в книге времена высказывать мнение, что невозможность визуальной и пластической индивидуа-

ции таких кварталов будет толкать обитателей к поиску средств символического обозначения того, что эти места ими присвоены². (Позднее, кажется, данную роль стали играть граффити, замечает С. Стивенсон.)

Социализация к чему?

Книга С. Стивенсон интересна тем, что наталкивает на вопросы большого масштаба: почему наше общество рождает такие формы организации детско-подростковой жизни, почему, будучи в 1990-е максимально разгружено от контроля и влияния государства, порождало трансформацию этих группировок в основанные на насилии и грабежах более крупные организации?

В 1990-е многие, разочаровавшись в надеждах на то, что страна быстро войдет в компанию «нормальных стран» с демократическим устройством и со свободно-рыночной экономикой, находили утешение в убеждении, что мы все-таки идем «их» путем, но на этом пути, оказывается, попали в предшествующую фазу — фазу «первоначального накопления» и «дикого»/«волчьего» капитализма. Это наблюдение избавило от вопроса, почему так называемая оргпреступность стала принимать формы, близкие к формам итальянской (и итальянской в Америке) мафии в условиях совсем другого социального контекста? Почему у нас городская жизнь породила — так же, как в Америке (и многих других странах) — феномен уличных банд, street gangs. И почему она не породила ту демократию, которая возникла в Северо-Американских Соединенных Штатах? Знающие люди указывают, что бандитизм как социальная форма шел «снизу», а демократия — от изначально узких элитных протестантских групп «сверху». В России, очевидно, аналогичные «верхи» в соответствующий исторический момент были слишком слабы.

Светлана Стивенсон не обсуждает эти вопросы, но показывает, как молодежные делинквентные группы в 1990-е стали превращаться в банды, практиковать в стычках друг с другом вооруженное насилие. Далее, опять-таки в условиях 1990-х, эти группировки перешли от мелкого грабежа тех одиночек, кто не хотел идти в «реальные пацаны», к рэкету («крышеванию») появившихся в Казани предпринимателей. На этом этапе, указывает автор, произошло сращение молодежных уличных группировок с «настоящей» организованной преступностью.

¹ Наверное, надо выяснять связь между ослаблением отцовской роли и ростом числа матерей-одиночек, с одной стороны, и вовлеченностью сыновей в банды — с другой. «Дедовщина» определенно была связана с умалением роли отца в социализации сыновей.

² Левинсон А. Опыт социологии. С. 45 и след.

Приходилось в те годы слышать такую версию: растущий в 1990-е российский бизнес представлял все более обширное поле для передела, присвоения собственности силовыми способами. Начались войны между преступными группами. Криминальные группировки нуждались в «бойцах». Молодежные уличные банды оказались прекрасным кадровым резервом. Их члены были физически и морально подготовлены. Многие из них давно хотели идти в настоящие бандиты.

Их судьба складывалась по-разному. Большинство оставалось в «бойцах», «быках», и их уделом было погибнуть в перестрелках с такими же, как они. Некоторые пробивались наверх, захватывали главенство в бандах и также начинали воевать с себе подобными за территории, которые теперь покрывали целые районы, города, регионы.

В своей дальнейшей эволюции российская организованная преступность — плод развития обсуждаемых уличных группировок, — присоединившись к процессу глобализации, продолжала сохранять теперь уже национальное своеобразие, в частности в интересующем автора книги проникновении во все более высокие эшелоны власти.

Наши социологи давно обратили внимание на стремление группировок охватить, подчинить всех подростков и юношей в пределах пространства, которое каждая из них считает своим. Среди наших исследователей на это указывал И.С. Кон, ссылавшийся на работы И.С. Полонского, по данным которого в 1970 г. в Курске «стихийно-групповое общение охватывало не менее 80–85 процентов всех подростков и юношей». В Казани, писал И.С. Кон в 1989 г., «преступные элементы разделили чуть не весь город на сферы влияния, насильственно подчиняя и жестоко карая тех подростков и юношей, которые отказывались им подчиняться»¹. Стивенсон приводит несколько свидетельств респондентов, которые изначально не желали вступать в группировки, предпочитая общение в семье или вузе, вне уличных пространств, но принуждение было столь плотным и жестким, что они были вынуждены уступить. Описаны случаи, когда парень, чтобы прекратить на него давить, вступал в «чужую» группировку, тогда «свои» от него отступались. Сам факт принадлежности к какой-то группе оказывался важнее. В очередной раз задумаешься о том, что в условиях свободы от госконтроля общество в лице группировок соз-

давало системы, лишавшие личность свободы. И о том, почему эти порядки распространялись лишь на молодых мужчин.

Группировки, очевидно, были формой социализации юношей. На период, который захватывал значительную часть всей жизни этих людей, они были подчинены правилам и порядкам, которые сами поддерживали. В понятие «социализация» часто включают подготовку к «настоящей» будущей жизни. В случае молодежных уличных компаний об этой целевой функции тоже можно говорить, и в книге написано, как из компаний формировались банды, как они далее подчиняли себе бизнес и пр.

Но для очень многих пацанов дело ограничивалось собственно пребыванием в группе вплоть до женитьбы или иного варианта взросления. Готовила ли такая юность к взрослой жизни?

Схожим образом стоит вопрос о функциях армии и «дедовщины» в отношении жизни в целом. Чуть ли не все, кто писал об этом как о социальном феномене, и я в том числе, уверенно квалифицировали армию как институт социализации, а «дедовщину» — как неформальный институт того же назначения внутри формального института. Отметим, что все ученые, рассуждавшие сходным образом, утверждали: армейская служба (и «дедовщина» как ее атрибут) делает из юноши «настоящего мужчину». При том что позиция социолога (из чьего словаря берется термин «социализация») у нас, как правило, предельно дистанцирована от позиций «масы» или прямо противопоставлена им.

Пишущие об этом часто проводили параллели с обрядами инициации. В самом деле, есть соблазн подростковые городские компании, как и сообщества в казармах, сопоставлять с «мужскими домами» и иными группами, в которых юноши обнаруженных этнографами племен совершают ритуалы перехода ко взрослой жизни. Но эти наблюдения сделаны по поводу племен, где роль мужчины — быть охотником и воином. Тогда функция юношеской группы — подготовить к исполнению такой роли. Если считать действительную службу в вооруженных силах подготовкой юноши к роли воина, «защитника Отечества», то эта параллель работает. Но известно, что в тех боевых операциях, которые проводят сейчас и могут проводить в будущем Вооруженные силы РФ, используются контрактники, т.е. люди, проходившие другую подготовку.

Роль же мужчины в обыденной российской жизни может не требовать ни одного из навыв-

¹ Кон И.С. Психология ранней юности. М., 1989. С. 140, 143.

ков, которые дают служба в армии, опыт «дедовщины» и пребывание в «группировке». Это ставит вопрос об уместности использования термина «социализация» в его значении «подготовка к будущей жизни».

Полностью отказываться от данного термина нет причин. Но надо уточнить его содержание применительно к описываемым ситуациям. Социализацией тогда будет процесс подчинения (конформирования) индивида нормам, которые существуют в данном коллективе применительно к роли и статусу индивида.

Если смотреть на эти процессы таким образом, то они представляются не процессами подготовки к чему-то, а самоценными состояниями. На поставленный выше вопрос, готовила ли такая юность казанских «реальных пацанов» к жизни, ответом будет, что она и была жизнью, и другой быть не могла¹.

Тогда встает следующий вопрос, и по сути его ставит книга «Жизнь по понятиям»: почему спонтанные формы социальной организации, которые возникают в местах совместного существования, объединяют молодых людей преимущественно или исключительно мужского пола, почему насилие является одним из главных языков и, наряду с тотальностью и солидарностью, материей социальности?

Ссылка на культурную традицию, код местной (славянской? татарской?) культуры не поможет. Наряду с описанными формами социализации молодежи мужского пола существовали и другие. Они были представлены институтами высшего образования. «Моталки» с ними сосуществовали, отчасти (как и армия) конкурировали, но, в конце концов, им уступили.

Начало 2000-х прошло при почти 100-процентном охвате молодежи высшим образованием. Важно, что в образовательных учреждениях (гендерно смешанных или имеющих перевес в пользу женского пола) культура не была основана на силовых отношениях и насильственных практиках. Вышедшее из стен этих вузов поколение уже сейчас является полноценным (не маргинальным, как «ботаны») социальным типом населения страны. Ни о какой утрате их национальной/культурной идентичности в этой связи никто речи не заводит.

¹ В процессе написания этого текста я ознакомился со статьей О. Михальчук «Любера: 30 лет спустя» Бывшие «люберы», обсуждая и оправдывая свое прошлое, объясняют само возникновение силовых и насильственных практик этих группировок ценностной и событийной пустотой «серой и бедной перестроенной среды города» // «Русский репортер». 2019. № 11 (476). С. 67.

Объяснить тоталитарный характер молодежных группировок пытался В.Ф. Пирожков². В трудах этого видного специалиста преобладает криминологический подход, но для объяснения тоталитарного характера отношений в группировках он использует характерную для начала 1990-х социально-политическую аргументацию. Он связывает его с тоталитарной природой советского общества. Тогда подобные объяснения казались исчерпывающими и убедительными. Подход, намеченный в книге Стивенсон, противоположный. Говоря о движении «от уличных банд в коридоры власти», она толкует не просто об одном из каналов вертикальной мобильности, но о трансфере социальных отношений с уровня уличных банд «вверх», на уровень высоких управляющих инстанций.

Возгонка отношений, характерных для криминального и субкриминального мира, на этот высший уровень так заметна, что не раз становилась предметом рассмотрения в публицистике (ср. трактовку высшего эшелона власти или всей системы власти как «паханата»³).

Но во всех этих случаях имеется в виду трансфер ценностей и норм, при котором сохраняется их формат регулятивов для первичных, именно первичных, личных отношений. Тоталитаризм как общественный строй, как способ функционирования институтов вывести из этих отношений нельзя, как нельзя сделать и обратный ход. Видимо, следует констатировать, что происхождение российского (и любого другого) тоталитаризма и институтов, которые И. Гофман назвал «тотальными»⁴, каузальными отношениями не связаны.

Уличные банды, как уже было сказано, стремились установить контроль над территорией. И если сначала это контроль над подростками, проживающими на данной территории, то потом он начинал распространяться на прочих, в том числе на криминал.

Мне приходилось слышать в 1990-е комплименты в адрес «солнцевских» от некоей де-

² Пирожков В.Ф. Психологические основы перевоспитания учащихся специальных ПТУ. М.: Юридическая литература, 1988.

³ Он же. Законы преступного мира молодежи. Криминальная субкультура. Тверь: Изд-во «Приз», 1994.

⁴ URL: <https://www.proza.ru/2016/02/15/7>

⁴ Еще раз скажем, что между «улицами»/«моталками», о которых повествует книга Стивенсон, и «улицами», о которых рассказывал Э. Гофман (в их числе наши «зона» и казарма), принципиальная разница в том, что первые всегда спонтанные объединения, сами устанавливающие свои границы и социальный контроль в их пределах, а вторые — изначально учреждения, границы и порядки в которых заданы некоей властью, а неформальные нравы и нормы складываются внутри таковых.

вушки, жительницы Солнцева. Она с вызовом говорила участникам фокус-группы, жителям других районов небезопасной тогда по ночам Москвы: «Вы можете спокойно идти по своему району в четыре часа утра? А я могу!»¹

В этой связи для квалификации группировок как асоциальных образований, а их членов как асоциальных индивидов есть препятствия. Впрочем, Стивенсон и не прибегает к таким определениям. Но сами ее герои так или иначе указывают на противостояние группировок различным госструктурам и «обществу», какое эти структуры претендуют представлять.

Группировки и социум

Конфликт какой-либо группы с обществом или государством рождает проблематику, которая важна не только для этой группы, но и для групп с другим образом жизни (и смерти), иногда для общества в целом. Тогда некоторые символические элементы, связанные с этой конфликтной ситуацией и группой, получают общественное внимание, например тем, что входят в моду. мода на блатной жаргон и «понятия», о которых говорится в книге, обсуждалась не раз.

В самой группе рефлексия по поводу этого конфликта, этого обособления группы от всех остальных принимает различные формы, она является ведущей темой субкультуры группы. Иногда она отливается в специальные тексты, жанры, стили, жаргоны и пр. О «пацанах», пусть не из Казани, а из Свердловска-Екатеринбурга, писал поэт Б. Рыжий (его строка взята для названия этих заметок):

На купоросных голубых снегах,
Закончившие ШРМ на тройки,
Они запнулись с медью в черепах,
Как первые солдаты перестройки.

Возможно, жизнь казанских «улиц» отразилась в роке тех лет².

В случае с казанскими уличными группировками, насколько позволяет судить книга Стивенсон, собственное бытование группировки осознавали прежде всего через свое название. Как уже говорилось, название часто было

топонимом или имело от-топонимический характер, отражая как генезис группировки, так и ее претензию на контроль над данной территорией. Так, «улица» определяла себя среди других «улиц». У казанских группировок был единый жаргон и, что тоже отмечалось, единый кодекс — «понятия» и общее самоопределение «реальные пацаны» («конкретные пацаны» и ряд синонимов). Эти символические средства выделяли их из остального общества.

В уличных бандах, судя по книге Стивенсон, эти феномены были проявлены существенно слабее, чем в криминальной среде, среди блатных, воров. Видимо, сказалось то, что банды жили не в отделенном от всего прочего мира пространстве, а внутри общества. Молодые люди (в отличие от беспризорников) проживали в семьях, посещали школу или работали. Время, проводимое совместно с другими членами банды, было особенным, но оно сосуществовало наряду с «обычным».

Напрашивается историческая аналогия — я имею в виду Одессу 1910–1920 гг. Судя по литературным свидетельствам³, «бандитская Одесса» была органической частью городской жизни, и это отразилось в культуре города, знаменитой советской и постсоветской «одесской» традиции.

Заключение

Вернемся к социальным процессам 1990-х. Эти годы в России — исторический этап, когда шло активное, спонтанное возникновение «на местах» форм общественного самоуправления. Это были разнообразные советы, комитеты, общественные организации — в основном по поводу проведения выборов, организации управления и власти. Снова напрашивается параллель с волной подобной общественной активности в России 1917–1918 гг. Как и тогда, эта активность «снизу» обещала формирование демократического общественного устройства страны. Как и тогда, она была в короткие сроки загублена контролем и диктатом «сверху».

Возможно или невозможно в России местное самоуправление — это остается одной из самых интригующих тем не только нашего прошлого, но и будущего. Теоретики русского анархизма, Бакунин и Кропоткин, верили, что самоуправление возможно. Верил в это и вы-

¹ Хорошо известно, что итальянская и американская мафии брали на себя отдельные «позитивные» функции вроде помощи бедным семьям, благотворительности и пр. Казанские группировки, превращаясь в большие бизнес-предприятия, занимались поддержкой спортивных команд и другими гражданскими делами.

² «Отцы казанского рока музыкально были также аналогом “Битлз” и “Машины времени”, основной тематикой была незатейливая жизнь окраин позднесоветской Казани». См.: Казань in Rock: краткий путеводитель. URL: <http://rockcult.ru/po/kazan-rock-music/>

³ «Дите придет из солдат и тоже кинется в налеты...» См.: Бабель И. Закат. URL: www.libfox.ru/660875-2-isaak-babel-zakat-pesa.html#book. И. Бабель описывает ситуацию в Одессе 1913 г., показывая, что идти в бандиты — неизбежная дорога для молодого человека. То же самое говорит С. Стивенсон о Казани 1990-х.

ступавший с совсем иных позиций Солженицын. И верит совсем не похожий на него Ходорковский¹.

Приходилось отмечать, что в ситуации временного и локального (другого не знаем) отключения государства в российском обществе включается программа самоорганизации, которую можно назвать демократической². Вопрос для отечественной истории ключевой. Надежды на способность общества к продуктивной самоорганизации и самоподдержанию стояли за столыпинскими планами, за надеждами многих на «отмену колхозов» после войны. (Отрицательным образом силу этих надежд обозначает самая мощная отечественная идеологема — государственническая).

Но надо признать, что демократическое самоуправление в отечественной истории последних 100 с лишним лет всегда являлось феноменом локальным, временным, социальной эфемеридой.

Мой полевой опыт исследований социальности свидетельствует, что устойчивые и институционализированные формы местной самоорганизации демонстрируют лишь отдельные социальные группы, а именно те, у членов которых имеется выраженный особый интерес. Особый значит отличный от имеющегося у всех интереса просто существовать, жить или жить не плохо, а хорошо. Такие люди создают бизнесы, пробиваются в местную элиту, избираются в заксобраны и демократически или коррупционными, насильственными путями «решают вопросы». Их деятельность и есть в известном смысле местное самоуправление, оно происходит «на местах», и такие самоуправления в значительной степени автономны от власти. От жизни прочих обитателей этих мест такое самоуправление тоже изолировано. Формально эти заксобраны и местные администрации заведуют процессами жизнеобеспечения селян и горожан. Но это не главная их забота. Они заняты имущественными и силовыми отношениями в собственной среде.

¹ Многочисленны рассуждения о том, какое государство естественнее породить нашей социальной природе — тоталитарно-авторитарное или демократическое. Не будем входить в эту тему. Не будем обсуждать, какие формы семьи она рождает. Не будем спрашивать себя, какую модальную личность производит эта семья. Кажется, современные бесплодные дебаты на эти темы, включая тему «человек советский», должны подсказать, что нехороша сама постановка вопросов о социальности как «природе».

² Левинсон А. Опыт социогрaфии. С. 301. *Он же*. Пространства протеста. URL: <https://reader.bookmate.com/ntr7ft6P>

Он же. Протест и самоорганизация // Вестник общественного мнения. 2014. № 1–2 (117). С. 141.

Там они живут по своим законам и правилам³.

Еще одной формой общественной самоорганизации мы обязаны признать те «группировки», о которых пишет С. Стивенсон. Она много говорит, что такие группировки являлись в течение некоторого периода главными формами власти в подконтрольных им районах Казани и других городов СССР. Она говорит, что отдельные лидеры группировок и возникших на их основе более высоких форм организованной преступности прошли в «коридоры власти». Это важно, и необходимо отметить, что автору достало смелости сказать, а издателям — напечатать. Но нужна — и это сегодня главное — смелость такое прочитать и признать, что это так и есть.

Заметим: знать, думать о том, что реальные бандиты оказываются в «верхах», — это одно, и об этом знают все. Говорить то же самое решаются меньше людей⁴. Ясно, что часть не готова из страха негативных санкций со стороны тех самых верхов и их репрессивного аппарата. Но часть, что важнее, не желает говорить вслух, потому что у сказанного есть статус публичного факта. А им не хочется, чтобы такое прискорбное и постыдное обстоятельство имело статус факта, обладало его твердостью и неотменимостью. Еще сильнее оба мотива — тривиальный страх репрессий и в чем-то даже гражданское нежелание крепить словом эту гадкую правду — у тех, кто не хотел бы это излагать печатным словом, придавать этому статус факта через публикацию в печати. Книга С. Стивенсон, между прочим, издана в России при поддержке фонда «Хамовники», указывающего на обложке книги, что он видит свою миссию в том, чтобы «сделать доступным независимое знание, основанное на социальных научных исследованиях... а не на идеологии, образах и клише... чтобы неравнодушные умы получили качественную

³ Требуется рассмотрения феномен самоорганизации среди выселенных и депортированных народов, таких как чеченцы. Там в ссылке важную роль для сохранения социальности сыграли уже почти забытые к тому времени, но срочно восстановленные формы — родовые и им подобные структуры. Работавшие в условиях ссылки, они продолжили выполнять организующие функции и после возвращения (части) народов в родные места, порождая у сторонних наблюдателей идеи о господстве архаики в этой среде.

⁴ Заметим, в США, где такое явление развилось на полтора века раньше, исследователи не стесняются говорить, что в больших городах во второй половине XIX в. ни один политик не мог не вступить в контрактные отношения с уличными бандами, так как они контролировали весь электорат «своего» района. См.: Street Gangs (Documentary). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=o7TRpNqudeo>. Впрочем, они ведут речь о политиках позапрошлого века.

пищу для размышлений». Издателям очевидно, что такая книга нуждается в оправдании и защите, они знают, что эта пища для очень горьких размышлений.

Хочу повторить, что группировки возникли независимо, но почти одновременно по всей стране, всюду приняли почти идентичные формы и эволюционировали сходным образом. Это наводит на мысль, что их образованием заведуют некие глубокие и мощные культурные механизмы. С точки зрения функциональной это, отметим вновь, механизмы социальной самоорганизации. Они дополнительны по отношению к такому механизму, как государство. Последнее в России образует внешнюю форму для общества и содержит его в себе, прорастая формальными институтами в общественное тело. Что происходит с этими институтами, что они делают с людьми и что люди делают с ними, описано, обсуждено и, будем считать, пусть недостаточно, но изучено. Хочу подчеркнуть, что сам я находился вблизи того материка социальных практик, который обстоятельно изучила С. Стивенсон, но упустил его из виду. Книга С. Стивенсон обращает внимание социологов, в первую очередь отечественных, на необходимость построить целостное представление о потенциях российского общества к рождению социальных структур вне структур государственных.

Список литературы

1. *Goffman E.* Asylums: Essays on the Social Situation of Mental Patients and other Inmates. N.Y., 1961.
2. *Stephenson S.* Gangs of Russia. From the Streets to the Corridors of Power Cornell University Press Ithaca. London, 2015.
3. Street Gangs (Documentary). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=o7TRpNqudeo>.
4. *Абрамкин В.* Тюремная субкультура. URL: <http://www.strana-oz.ru/2008/2/tyuremnaya-subkultura>
5. *Бабель И.* Закат. URL: ww.libfox.ru/660875-2-isaak-babel-zakat-pesa.html#book.
6. *Заславская Т.И.* URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/820/840/1231/002Zaslavskaya.pdf>
7. *Губерман И.* URL: <https://www.proza.ru/2016/02/15/7>
8. *Левинсон А.Г.* Опыт социографии. М., 2004. С. 541 и далее.
9. *Левинсон А.Г.* Пространства протеста. URL: <https://reader.bookmate.com/ntr7ft6P>
10. Казань in Rock: краткий путеводитель. URL: <http://rockcult.ru/po/kazan-rock-music/>
11. *Кон И. С.* «Ребенок и общество». М., 1988.
12. *Кон И.С.* Психология ранней юности. М., 1989.
13. *Михальчук О.* «Любера: 30 лет спустя» // «Русский репортер». 2019. № 11 (476). С. 67.
14. *Пирожков В.Ф.* Психологические основы перевоспитания учащихся специальных ПТУ. М.: Юридическая литература, 1988.
15. *Пирожков В.Ф.* Законы преступного мира молодежи. Криминальная субкультура. Тверь: Изд-во «Приз», 1994.
16. Русский биографический словарь: в 25 т. СПб.; М., 1896–1918.
17. *Салагаев А.* Исследования подростково-молодежных территориальных делинквентных сообществ (группировок) в России и в бывшем СССР / Девиантное поведение в современной России в фокусе социологии / ред. А. Салагаев, М. Позднякова. М.: ИСПАН, 2005.
18. *Стивенсон С.* Жизнь по понятиям: «реальные пацаны» и их моральные правила // Неприкосновенный запас. 2015. № 5(103).
19. *Стивенсон С.* Жизнь по понятиям. Уличные группировки в России. М.: Страна Оз, 2017. 304 с.
20. *Стивенсон С.* URL: <https://eu.spb.ru/news/15432-zhizn-po-ponyatiyam-moralnye-pravila-realnykh-patsanov>; www.youtube.com/watch?v=N9DceypG818.
21. *Стивенсон С.* URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyy_zapas/123_nz_1_2019/article/20861/

Авторы номера:

Волков Денис Александрович – зам. директора Левада-Центра

Гончаров Степан Владимирович – старший научный сотрудник Левада-Центра

Горяйнова Александра Романовна – аспирантка факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), стажер-исследователь Центра анализа доходов и уровня жизни ИСП НИУ ВШЭ

Захаров Сергей Владимирович – к.э.н., заместитель директора Института демографии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Левинсон Алексей Георгиевич – к.иск.н., руководитель отдела качественных исследований Левада-Центра

Лячина Ксения Геннадьевна – преподаватель, Творческая лаборатория 2x2 (Нижний Новгород)

Малашенко Алексей Всеволодович – профессор, доктор исторических наук, руководитель научных исследований Исследовательского института «Диалог цивилизаций», ФРГ

Маркин Максим Евгеньевич – старший преподаватель департамента социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)

Назарбаева Елена Алексеевна – аналитик Центра анализа доходов и уровня жизни ИСП Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)

Нисневич Юлий Анатольевич – профессор, доктор политических наук, профессор департамента политики и управления Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)

Пишняк Алина Игоревна – к.соц.н., заведующий Центром анализа доходов и уровня жизни ИСП НИУ ВШЭ, доцент департамента социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)

Поршнев Александр Валерьевич – Кандидат психологических наук, доцент кафедры общего и стратегического менеджмента Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ, Нижний Новгород)

Рябов Андрей Виленович — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М.Примакова Российской Академии Наук (ИМЭМО РАН)

Слободенюк Екатерина Дмитриевна – к.с.н., научный сотрудник Института Социологии ФНИСЦ РАН, доцент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)

Халина Наталья Вячеславовна – аналитик Центра анализа доходов и уровня жизни ИСП Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». (НИУ ВШЭ)

Чибискова Полина Михайловна – студентка образовательной программы «Социология» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». (НИУ ВШЭ)

Чурилова Елена Владимировна – к.с.н., научный сотрудник Международной лаборатории исследований населения и здоровья, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

SUMMARY

Vertical invasion of barbarians: new wave on the west (by Alexey Malashenko, Yuliy Nisnevich, Ryabov Andrey)

The article is devoted to socio-cultural and politico-anthropological analysis of national-populism growth and electoral support of politicians and political parties advocate its ideology in the USA and Europe at present. It is shown that this process constitutes the new wave of “vertical invasion of barbarians” prerequisites of which are conditioned by coming of new civilization reality. It deforms habitual social environment for the “mass man” and makes him feel uncomfortable. Traditional democratic political systems do not respond adequately and timely to these changes. The new wave of “vertical invasion of barbarianism” brought two significant results and both in Anglo-Saxon countries – Brexit in Great Britain and election Donald Trump as president of the United States. In the states of continental Europe it did not bring results of this level. It is assumed this is conditioned that the states of continental Europe which transferred decrease of national-populism in severe forms in XX century developed resistance to this phenomenon. However in the states of Anglo-Saxon group required protective mechanisms do not exist.

Russian Media landscape 2019: Television, press, internet and social networks (by Denis Volkov, Stepan Goncharov).

This study based on Levada-center’s regular surveys contains an overview of data regarding Russians’ preferences in media content consumption. The results of the survey allow for conclusions regarding the frequency of use of various information sources; trust in various information sources; intensity of various Internet-sources’ use;

the most popular journalists and TV hosts. The study also focuses on examining the use of social networks, messengers and internet-services. The survey data allows for approximate evaluations of the overall audience size of ‘independent media’ in Russia. Important conclusions regarding the dwindling of Russian television audience accompanied by growing importance of Internet-publications and social networks as news sources have been made in the course of the study.

Stratification of the Russian society by life chances and risks: the dynamics of the structure and mobility of Russians (by Ekaterina Slobodenyk)

The paper focuses on stratification of Russian society based on life chances and risks in economic conditions of life, situation at work, possibilities of maintaining and increasing human capital, consumption and leisure. It examines the dynamics of the structure, the movement of Russians between the structural positions and their mobility between strata. Based on RLMS HSE panel data for 2013-2018 yy. it was revealed that the stratification model is formed, stable, and the main trend was to increase a number of positions from the lower stratum to the middle one. The structure is highly dynamic - various chances or risks form and disappear from year to year in everyday life of most Russians. At the same time the stratification is characterized by low mobility rates - the fluctuations mentioned above lead to a change of stratum for no more than a third of Russians. It is shown that there are zones of sustainable well-being, living standard and disadvantages, and the latter being significantly wider than the former. Staying in these subgroups is mainly associated with the position of individuals in the labor market, which is significant not only for working Russians, but also for pensioners. It

is because the specifics of their work activities in the past depleted their physical resources to varying degrees, provided unequal opportunities to continue working after reaching retirement age, and as a result, significantly differentiated their chances for wellbeing at their old ages. It is also shown that although stratification by chances and risks correlates with income stratification, sustainable well-being is far from the everyday routine of high-income Russians, just as sustainable disadvantages is often typical for non-poor people, which is a challenge for Russian society and social policy.

Russia's populace's notions on reproduction: is there basis for optimism? (by Elena Churilova, Sergei Zakharov)

The article focuses on the dynamics of notions Russian men and women hold regarding reproduction. The study is based on VCIOM (All-Russian Public Opinion Research Center) data collected in 1995-2001, and Levada-center data collected in 2003-2019 during an omnibus survey based on a representative sample. Indicators of ideal, desired and expected number of children in a family are subject to analysis herein. The study results show that a two-children ideal per family in Russia, as well as the expected number of children in a family remain stable. The increase in number of desired children, observed in surveys during various years throughout the 2000-s and 2010-s most likely has to do with the populace's positive reaction to the implementation of financial support measures for families with children.

Non-stop education for people of advanced age: global experience and Russian realities (by Alina Pishnyak, Natalia Khalina, Elena Nazarbava, Alexandra Goryainova).

In the face of population aging issues of active longevity become especially important; education for people of advanced age is an integral part thereof. It can serve as a pass-time activity for the older generation as well as as a means of improving their position on the labor market, especially when approaching retirement age.

There are examples of such educational initiatives in many countries and they are very varied. Russia is no exception with its own programs for teaching the elderly.

The article attempts to systematize foreign experience in the area of education for the elderly, evaluate the existing possibilities for such education in Russia and to determine, based on surveys, the people's attitude towards it.

Online petitions on "Russian social initiative" website (2013-2017): what does the public's priorities dynamic tell us (by Alexander Porshnev, Kseniya Lyachina).

Online petitioning websites that have sprung up in the past decade present not only a new and promising channel for political communication and facilitation of participation in politics, but also a way to study topics of public interest. The purpose of this article is the study of thematic representation of citizen's interests in online petitions, their regional variety and voting dynamics. The study based on the contents of 9082 online petitions published on Russian Social Initiative website from 2013 to 2017 examines which topics are of interest to the public, their dynamics and regional variation.

The analysis of petition texts using thematic modeling brought out 14 main topics. An analysis of votes distribution in support of petitions by topic was performed using the Gini ratio, demonstrating a high level of clustering. As part of the study all the petitions filed as well as those that received a high level of support were analyzed. The analysis identified the most popular topics - "Legislation", "Politics", "Work" - as well as certain regional traits. Three types of topics - those demonstrating stable, declining or increasing level of public interest were identified.

The problem of identity and social anxiety of Saransk citizens in case of FIFA World Cup 2018 (by Maxim Markin and Polina Chibiskova).

The paper is devoted to the problem of identity and social anxiety of small town citizens in case of a mega sport event. In contrast to the residents of big cities who are familiar with urban space transformations and a lot of visitors such changes are unordinary for the inhabitants of regional centers. The authors study a case of Saransk city during FIFA World Cup 2018 to find the answers to the following research questions. What fears did the citizens have while the organizational processes took place? Does Saransk remain "its own" for the residents? Giddens' concept of ontological security is fruitful for the analysis. The empirical data include 15 in-depth interviews and about 50 mini-interviews with Saransk citizens of different genders and ages from many parts of the city that were conducted on June and July 2018. The results demonstrate that urban space transformations did not lead to the social anxiety of the residents. Most of the new facilities fit into the contemporary design of the city center. As a result, Saransk remains "its

own” for the citizens. The social anxiety of the inhabitants was embedded in the fear that their city could not host a mega sport event in a proper way as it had not had such experience. The high level of security and the positive feedback from the guests relieved the tension.

Jews in contemporary Russia. Trends of assimilation and dissimilation (by Alexey Levinson)

The fate of the Jewish minority in Russia included oppression, pogroms, genocide but also inclusion and tolerance from the side of Russian majority. The reaction of the Jewry took the forms of escape (emigration to Palestine/Israel or USA or elsewhere) and that of assimilation. In course of it remaining Russian Jews got rid of their faith, language, traditions and ways. Instead they tried hard to look and behave like standard Soviet Russians. The slight tint of their ‘Jewishness’ helped them to be very effective in professions, science and art. During last 20 years the small number of Jews who decided not to leave Russia enjoyed

unprecedented level of tolerance towards them both from the authorities and from Russian public. In this atmosphere the dissimilation trends (back to Judaism and tradition) flourished alongside with continued assimilation and emigration drain.

In the faraway ends of the city. Reflections on books by Svetlana Stephenson (by Alexey Levinson)

The detailed study of street gangs in the city of Kazan in 1990-s by Russian-British researcher was published as: Stephenson S. Gangs of Russia. From the Streets to the Corridors of Power Cornell University Press Ithaca. London, 2015. Later on the Russia translation of the book was published in Moscow in 2017. But for the problems of the socialization and violence among the delinquent youth the book raises more general questions about the type of social organization that emerge spontaneously in Russian society in the unique situation of 1990-s when the control from totalitarian state was on the minimal level.

Список статей, опубликованных в 2019 году

	№	Стр.
<i>Николай ПЕТРОВ.</i> Спираль репрессивности: внутренняя динамика, проблемы входа и выхода	1-2	15-28
<i>Марина КРАСИЛЬНИКОВА.</i> Кризис как норма: субъективное восприятие экономической динамики	1-2	29-42
<i>Екатерина СЛОБОДЕНЮК.</i> Жизненные риски и низший класс в России.	1-2	43-54
<i>Карина ПИПИЯ.</i> К проблеме поколений в России (историко-символические и политические установки)	1-2	55-74
<i>Виктор ШНИРЕЛЬМАН.</i> Русский марш — от восхода до заката.	1-2	75-85
<i>Лев ГУДКОВ, Наталия ЗОРКАЯ, Екатерина КОЧЕРГИНА.</i> Насилие в правоохранительных органах: конфликты, давления, пытки	1-2	86-123
<i>Ольга КАРАЕВА.</i> Стигматизированные: люди с ограниченными возможностями здоровья	1-2	124-136
<i>Анастасия КАЗУН, Антон КАЗУН.</i> Место новостей о России в глобальной повестке дня: сравнительный анализ печатной прессы стран G20	1-2	137-146
<i>Любовь БОРУСЯК.</i> Молодые интеллектуалы: почему они уезжают из России и собираются ли вернуться?	1-2	147-160
<i>Регина РЕШЕТЕЕВА.</i> Государство и потребители: распределение ответственности в восприятии потребителей (на данных опроса москвичей)	1-2	161-170
<i>Александр ФАТЕХОВ.</i> Политическая активность московской студенческой молодежи в 2017-2018 гг.	1-2	171-185
<i>Александр ЧЕПУРЕНКО.</i> О москвичах, «товарище Сталине» и советском «постсоветском человеке»: от Воланда к Леваде	1-2	186-188
<i>Дмитрий ШАЛИН.</i> Интервью. Игорь Кон: «... после моей смерти ты можешь это напечатать»	1-2	189-205
<i>Алексей МАЛАШЕНКО, Юлий НИСНЕВИЧ, Андрей РЯБОВ.</i> Вертикальное вторжение варваров: новая волна на Западе	3-4	28-41
<i>Денис ВОЛКОВ, Степан ГОНЧАРОВ.</i> Российский медиа-ландшафт 2019: телевидение, пресса, интернет и социальные сети	3-4	42-56
<i>Екатерина СЛОБОДЕНЮК.</i> Стратификация российского общества по жизненным шансам и рискам: динамика структуры и мобильность россиян	3-4	57-68
<i>Елена ЧУРИЛОВА, Сергей ЗАХАРОВ.</i> Репродуктивные установки населения России: есть ли повод для оптимизма?	3-4	69-89
<i>Алина ПИШНЯК, Наталья ХАЛИНА, Елена НАЗАРБАЕВА, Александра ГОРЯЙНОВА.</i> Непрерывное образование в старших возрастах: мировой опыт и российские реалии	3-4	90-102
<i>Александр ПОРШНЕВ, Ксения ЛЯЧИНА.</i> Электронные петиции портала «Российская общественная инициатива» (2013–2017): о чем говорит динамика общественных приоритетов	3-4	103-113
<i>Максим МАРКИН, Полина ЧИБИСКОВА.</i> Проблема идентичности и социальная тревожность горожан в связи с проведением Чемпионата мира по футболу в Саранске	3-4	114-120
<i>Алексей ЛЕВИНСОН.</i> Вариации еврейской идентичности	3-4	121-136
<i>Алексей ЛЕВИНСОН.</i> В кварталах дальних и печальных. Размышления о книгах С. Стивенсон	3-4	137-151

List of Publications. 2018

	№	P.
<i>Nikolai PETROV</i> . Repressiveness spiral: inner dynamics, entry and exit issues	1-2	15-28
<i>Marina KRASILNIKOVA</i> . Crisis as norm: subjective perception of economic dynamics	1-2	29-42
<i>Ekaterina SLOBODENYK</i> . Social risks and the low class in Russia	1-2	43-54
<i>Karina PIPIIA</i> . To the problem of generations in Russia (historical, symbolic and political attitudes).	1-2	55-7
<i>Viktor SHNIRELMAN</i> . Russian March – from dawn to dusk	1-2	75-85
<i>Lev GUDKOV, Natalia ZORKAYA, Ekaterina KOCHERGINA</i> . Violence in law enforcement: conflicts, pressure, torture	1-2	86-123
<i>Olga KARAEVA</i> . <i>Stigmatized: public attitudes towards people with disabilities</i>	1-2	124-136
<i>Anastasia KAZUN, Anton KAZUN</i> . News about Russia in the global agenda: a comparative analysis of the G20 press	1-2	137-146
<i>Lyubov BORUSYAK</i> . Young intellectuals: why are they leaving Russia and do they plan to come back?	1-2	147-160
<i>Regina RESHETEVA</i> . State and consumers: responsibility assignment from the consumers' point of view (based on a survey among Muscovites)	1-2	161-170
<i>Alexander FATEKHOV</i> . Political activity of student youth in Moscow in 2017-2018	1-2	171-185
<i>Alexander CHEPURENKO</i> . About Muscovites, «tovarisch Stalin» and soviet «postsoviet man»: from Voland to Levada»	1-2	186-188
<i>Dmitry SHALIN</i> . “I.Kon: ... you can print this after my death”	1-2	189-205
<i>Alexey MALASHENKO, Yuliy NISNEVICH, Andrey RYABOV</i> . Vetrtrical invasion of barbarians: new wave on the West	3-4	28-41
<i>Denis VOLKOV, Stepan GONCHAROV</i> . Russian media landscape 2019: Television, press, internet and social networks	3-4	42-56
<i>Ekaterina SLOBODENYK</i> . Stratification of the Russian society by life chances and risks: the dynamic of the structure and mobility of Russians	3-4	57-68
<i>Elena CHURILOVA, Sergei ZAKHAROV</i> . Russia's populace's notions on reproduction: is there basis for optimism?	3-4	69-89
<i>Alina PISHNYAK, Natalia KHALINA, Elena NAZARBAEVA, Alexandra GORYAINOVA</i> . Non-stop education for people of advanced age: global experience and Russian realities	3-4	90-102
<i>Alexander PORSHNEV, Kseniya LYACHINA</i> . Online petitions on “Russian social initiative” website (2013-2017): what does the public's priorities dynamic tell us	3-4	103-113
<i>Maxim MARKIN, Polina CHIBISKOVA</i> . The problem of identity and social anxiety of Saransk citizens in case of FIFA World Cup 2018	3-4	114-120
<i>Alexey LEVINSON</i> . Jews in contemporary Russia. Trends of assimilation and dissimilation	3-4	121-136
<i>Alexey LEVINSON</i> . In the faraway ends of the city. Reflections on books by Svetlana Stephenson	3-4	137-151